

**СЕРГЕЙ
SKOLORUSSOV**

ПРОМЕТЕЙ
ЛЕДЯНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

16+

Сергей Skolorussov

Прометей. Ледяное безмолвие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67123104

SelfPub; 2022

Аннотация

В 1975 году в Сиднее состоялся первый симпозиум по глобальным проблемам климата. Сюда съехались все известные на тот момент учёные. В результате жарких дискуссий стало очевидно, что всё климатологическое сообщество делится на два примерно равных непримиримых лагеря: приверженцев теории глобального потепления и приверженцев теории глобального похолодания. Опираясь на одни и те же данные о солнечной радиации, вулканической активности, солёности и температуре воды, учёные убедительно доказывали свою правоту и полную несостоятельность оппонентов. Общей резолюции о дальнейших перспективах климата Земли на этом съезде мировых светил так и не было выработано. Подводя итоги жарких диспутов, старейший на тот момент климатолог Кая Юдзуру сказал следующее: «Не могу утверждать наверняка, что правы те, или иные. Но одно я знаю точно. Человек приспособится ко всему. Он всегда найдёт выход. Я верю в коллективный разум человечества». Теперь вы поняли о чём эта книга? Если нет – начинайте читать.

Содержание

От автора	8
Предсмертное прозрение Протагора	8
Пролог	12
Гренландия. 1990 год	12
Глава первая	19
22 марта 2063 года	19
Глава вторая	25
22 марта 2063года	25
Глава третья	29
22 марта 2063 года	29
Глава четвёртая	33
22 марта 2063 года	33
Глава пятая	50
22 марта 2063 года	50
Глава шестая	55
22 марта 2063года	55
Глава седьмая	68
23 марта 2063 года	68
Глава восьмая	70
24 марта 2063 года	70
Глава девятая	74
24 марта 2063 года	74
Глава десятая	79

28 марта 2063 года	79
Глава одиннадцатая	86
28 марта	86
Глава двенадцатая	93
28 марта	93
Глава тринадцатая	103
30 марта	103
Глава четырнадцатая	111
31 марта	111
Глава пятнадцатая	118
3 апреля	118
Глава шестнадцатая	127
3 апреля	127
Глава семнадцатая	135
7 апреля	135
Глава восемнадцатая	142
7 апреля	142
Глава девятнадцатая	149
7 апреля	149
Глава двадцатая	152
9 апреля	152
Глава двадцать первая	161
10 апреля	161
Глава двадцать вторая	164
10 апреля	164
Глава двадцать третья	175

11 апреля	175
Глава двадцать четвёртая	178
11 апреля 2063 года	178
Глава двадцать пятая	186
11 апреля	186
Глава двадцать шестая	198
11 апреля	198
Глава двадцать седьмая	201
12 апреля	201
Глава двадцать восьмая	210
13 апреля	210
Глава двадцать девятая	213
12 апреля	213
Глава тридцатая	220
13 апреля	220
Глава тридцать первая	233
13 апреля	233
Глава тридцать вторая	236
13 апреля	236
Глава тридцать третья	240
14 апреля	240
Глава тридцать четвёртая	250
14 апреля	250
Глава тридцать пятая	261
14 апреля	261
Глава тридцать шестая	270

14 апреля	270
Глава тридцать седьмая	273
15 апреля	273
Глава тридцать восьмая	275
15 апреля	275
Глава тридцать девятая	287
15 апреля	287
Глава сороковая	293
15 апреля	293
Глава сорок первая	302
16 апреля	302
Глава сорок вторая	308
16 апреля	308
Глава сорок третья	324
16 апреля	324
Глава сорок четвёртая	335
17 апреля	335
Глава сорок пятая	341
15 апреля	341
Глава сорок шестая	343
17 апреля	343
Глава сорок седьмая	351
17 апреля	351
Глава сорок восьмая	358
17 апреля	358
Конец первой книги	365

Сергей Skolorussov

Прометей.

Ледяное безмолвие

«И в этом году произошло величайшее чудо: весь год солнце испускало свет как луна, без лучей, как будто оно теряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. С того времени, как это началось, не прекращались среди людей ни война, ни моровая язва, ни какое—либо иное бедствие, несущее смерть. Тогда шёл десятый год правления Юстиниана».

Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. 536 год н.э.

От автора

Предсмертное прозрение Протагора Греция. 408 год до нашей эры...

В Элладе о Прометее вспоминали многие. Но, пожалуй, самое странное и непонятное упоминание его имени содержится в «Прозрении Протагора». Знаменитый философ Протагор был изгнан из Афин по обвинению в «безбожии». Изгнание тогда считалось хуже смерти. Смерть предпочёл изгнанию Сократ. Несчастный Протагор направил свои стопы в Сиракузы. Но его корабль попал в бурю и разбился о скалы. Вскоре все и думать забыли об изгнаннике, считая его погибшим. Но через несколько лет к Еврипиду, единственно верному другу Протагора, явился купец из Мессины. Он привёз прощальное письмо опального философа, умершего в одиночестве в пещере безымянного острова. В нём тот отрёкся от всех своих убеждений и говорил о прозрении, которое его озарило перед самой смертью: «Друг мой, религий много, но бог один. Каждая религия утверждает, что она от бога – единственно верная, истинная. Но истина проста: бог есть добро, а дьявол – зло. Единство и борьба всего сущего на Земле – это внешнее отражение системы взаимоотно-

шений этих антагонистов. Можно всю жизнь прятаться под одеялом и не вникать в то, что происходит с тобой, с твоей семьёй, с твоим народом, с твоей страной, со всей Ойкуменой. Можно слушать страстных ораторов, надеясь найти истину в словах умных людей, или самому сосредоточиться в её поисках, путём уединения в безлюдной местности. Можно искать истину в вине, в еде или в голоде. Можно продать в рабство собственных детей, считая истиной богатство. А можно всё раздать людям и поселиться в бочке, довольствуясь чужими объедками. Можно и далее приводить примеры путей поиска истины. Их бесконечно много. Но любой из них, каким бы правильным он не казался, не спасёт тебя от необходимости сделать главный выбор в жизни. Не хочешь? Надеешься спрятаться? Зря. Не получится. В конце концов жизнь заставит тебя сделать выбор. Обязательно заставит. На чьей ты стороне? Готов ли ты действовать? Готов? Хорошо... А жертвовать? Хм, смешной, убери кошелёк. В этом противостоянии можно жертвовать только жизнью... Готов ли ты во имя бога на кон поставить свою жизнь? «Какого из богов» – что за вопрос? Ты заблуждаешься. Все заблуждаются. На свете всего один бог. Имя его не Зевс, не Посейдон и не Аид. У него нет имени и не может быть. Оно ему не нужно. Но у него есть суть: добро. Остальное слова. Слова, слова, слова... Много слов... Слишком много слов... Все эти слова – это чьё-то мнение, чьи-то догадки и чьё-то представление о боге. Если ты на стороне «суть добра», не позволяй

забалтывать себя и всех остальных. Сделай всё, чтобы все увидели лик божий. Чтобы узнали его и преклонили колени перед истиной. Сделай всё, чтобы он победил. Бог победил. Истина победила. Правда победила. Другого не дано. На кон поставлена жизнь. Твоя, моя, его, её... Но, что важнее – на кон поставлено само существование жизни. Не будет бога – не будет жизни. Ничего не будет. Только бесконечный холодный Хаос. Спасти от Хаоса может только Прометей. Новый Прометей. Кто он – я не знаю. Никто пока не знает. Но я точно знаю, что Новый Прометей – это тот, кто без сожаления отдаст свою жизнь за других. Ради счастья других.

Человечество ждут страшные испытания...

Со временем ты поймёшь, что я прав... Все поймут, что я прав... Со временем, со временем, со временем... Время пролетит незаметно... Когда настанет судный день, каждый, кто не позволил себя заболтать, должен пожертвовать всем, чтобы помочь Прометею. Новому Прометею...»

На этом строки письма обрывались.

«О боги! Бред одиночества. Как это всё прискорбно. Мой Протагор, жизнь тебя сломала, перемолола в пыль, а затем ушла, не попрощавшись даже. Куда исчез твой ум, мой старый верный друг? Он испарился, словно утренняя влага на камне, озарённом солнцем. И вместе с ним иссох родник идей, иссякло красноречие, коим ты славился на всю Элладу. Всё превратилось в прах. Даже твои кости», – поморщившись, Еврипид вздохнул, отложил письмо и вновь принялся

за работу над новой нетленной пьесой.

Пролог

Гренландия. 1990 год

...Время пролетело незаметно...

Патрик устало плюхнулся в слегка подтаявший снег и уткнул голову в колени. Ричард не сразу заметил перемену в настроении друга. Обратив на это внимание, он пристроился рядом и плечом толкнул Патрика:

– Эй, дружище, не стоит унывать. За неудачами всегда приходит фарт.

Патрик Эппс монотонно повертел головой:

– Не успокаивай. Без толку. Это конец.

– У-у-у... Сколько раз я слышал эту песню, – ухмыльнулся Ричард.

– На этот раз уж точно в последний, – унылый друг нервно сжал кулаки и потряс ими: – Десять лет коту под хвост. Десять лет! Десять лет труда, пота, жутких трат и призрачных надежд. И в результате что? Раздавленный ледником самолёт, огромные долги и отсутствие каких-либо перспектив.

– Ничего, прорвёмся.

– Никуда мы уже не прорвёмся! – взорвался Патрик. Но тут же, поняв, что переборщил с эмоциями, вполне миролю-

биво добавил: – Об одном жалею. Жалею, что втянул тебя в эту авантюру.

– Я что – маленький ребёнок? Или ты меня силой заставил?

– Это катастрофа, – Патрик стал напряжённо тереть виски.

– «Катастрофа» ... скажешь тоже. Мы живы и здоровы. Да, в долгах. Но ничего ещё не потеряно, – более оптимистично настроенный дружок попытался успокоить пессимиста.

Всё бесполезно. Патрик пребывал в нижней точке безысходности. Поэтому Ричарду пришлось пустить в ход последний сравнительный довод:

– Самолёт лежит на глубине 82 метра. Представляешь?

– Что я должен представить?

– В-17 – этот огромный сарай, севший здесь, в Гренландии, в 1942 году, сейчас оказался под толстым слоем льда. Не снега – льда!

– И что?

– Да ничего! – вспыхнул Ричард. – Ты ноешь и пускаешь слюни. Но ты только представь, что всего за 48 лет самолёт оказался погребённым восьмидесятиметровым слоем льда. Восьмидесяти!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Меня во всей этой истории убивает не то, что мы потеряли кучу баксов и десять лет жизни, а то, как на самом де-

ле обстоят дела с климатом. Нам каждый день врут, врут и врут. Визжат в любой попавшийся под руку микрофон: ледники тают, всё пропало! Чего только стоят заголовки, типа: «Катастрофа. От Гренландии снова откололся айсберг!»

– Разве не так?

– Так, именно так. Но это закономерность, а не как уж не катастрофа. Человек к этому имеет опосредственное отношение. Я рад, что оказался здесь. Спасибо тебе. Здесь я как будто заглянул в первоисточник. В летопись жизни на Земле.

– Странно, мы же не брали с собой выпивку. Что ты несёшь?

– Дурак, я пытаюсь тебе объяснить то, что до меня дошло. Только представь. Сейчас климат гораздо более тёплый, чем во времена последнего оледенения. Всего лишь десять тысяч лет назад на Земле было во много раз холоднее. Даже трудно вообразить, насколько было холодно. Во льдах было всё: Европа, весь север Азии. В Америке ледник сползал южнее Вашингтона. Уровень мирового океана был ниже почти на двести метров. Площадь ледникового панциря Земли измерялась миллионами квадратных километров. И такой климат продолжался сто тысяч лет. Сто тысяч! Подумай, на какой глубине оказались бы наши самолёты, если бы они приземлились на поверхность Гренландии в ту эпоху. Я думаю, что высота ледника наверняка могла бы обогнать Эверест, если бы не текучесть льда. Все сейчас сошли с ума и вопят о том, что от Гренландии вновь откололся новый огромный

айсберг. Мне смешно и страшно от такой глупости. И ладно если бы об этом визжали ничего не понимающие домохозяйки. Но если истерику закатывают учёные с мировым именем, мне кажется, что теория заговора имеет под собой вполне реальную основу. Ведь они не могут не знать, что лёд аморфен по своей физической сути. Он текуч. Поэтому ледник не растёт бесконечно вверх, а стекает к периферии, где, откалываясь, оказывается в море. Это вечный процесс. Он никак не зависит от истерики апологетов глобального потепления. Именно поэтому наши самолёты за неполные пятьдесят лет оказались на восьмидесятиметровой глубине и в нескольких километрах от географической точки посадки.

– К чему ты всё это мне втираешь?

Ричард улыбнулся:

– Чтобы отвлечь и успокоить тебя.

– Я не впечатлительная девочка, чтобы меня успокаивать, – всё так же хмуро парировал Патрик.

Ричард не услышал товарища. Он задумчиво продолжал рассуждать:

– Нет. Всё дело в Солнце. Оно, по сути, печка. Если вовремя не подбросить дровишек, печка погаснет. Так и здесь. Огонь прогорел – остались только угли. Они, то разгораются, то притухают вновь. Только с Солнцем совсем другое измерение. Мы за ним следим по космическим меркам всего одну секунду, а уже делаем выводы о его постоянстве. Всё дело в Солнце. Ничем другим нельзя объяснить тот факт, что Зем-

ля замёрзла в одночасье – при жизни одного поколения. А затем так же стремительно растаяла. И это таяние известно человечеству, как Всемирный потоп. Он был, по сути, вчера. Вот это была катастрофа! Истинная катастрофа, а не то жалкое по своей значимости событие, которое тебя так расстроило.

– И что?

– Да, ничего! – взорвался Ричард. – У нас с тобой не катастрофа, а временные трудности! У тебя простые, несмертельные, проходящие трудности, связанные с недооценкой внешних обстоятельств. Так что не ной. У нас ещё есть шанс.

Патрик неуверенно качнул головой:

– Может, ты и прав. Но сейчас я не хочу ни о чём думать.

– Правильно. Мы всё равно поднимем эти самолёты на поверхность. Я в этом не сомневаюсь. Пойдём-ка, лучше выпьем! У меня припасено отличное виски 1942 года.

– Откуда?

– Из самолёта. Из нашего самолёта. Оно отлично вылежалось в глубине ледника и приобрело замечательный вкус. Я уже попробовал.

Самолёт, о котором говорили друзья – это всего лишь один из восьми самолётов ВВС США, совершивших вынужденную посадку в Гренландии 15 июля 1942 года. Лётчиков тогда эвакуировали, а два бомбардировщика и шесть истребителей остались. Остались навсегда. Вернее до тех пор, пока два друга, два энтузиаста, не загорелись идеей перевезти

целёхонькие, так они рассчитывали, самолёты на континент. Идею они начали воплощать в 1980 году. Парни надеялись на лёгкую прогулку, но она затянулась на долгие годы. Только в 1988 году был найден первый самолёт. Он находился не на поверхности ледника, как в начальный период поиска надеялись друзья. Он находился на глубине 80 метров. Удивительно? Нет ничего удивительного. Ледники быстро растут. Очень быстро. Растут они и сейчас. Намерзая в центре и стекая к периферии. Этот процесс закономерен для любых крупных аморфных тел. И глобальное потепление здесь ни при чём. Да и есть ли оно сейчас глобальное потепление? Десять тысяч лет назад ледник Гренландии был лишь малой частью Великого Ледникового панциря, покрывающего значительную часть Евразии. Что же растопило льды, ознаменовав смену климатических эпох? На Земле десять тысяч лет назад резко потеплело так, как и не снилось современным истеричкам, вопящим об изменении климата. Температурные максимумы были намного выше современных. Вот это было поистине ГЛОБАЛЬНОЕ потепление. Странно, но тогда, в то время, никто не собрал совет старейших всех племён нашей планеты и не ввёл квоты на выброс парниковых газов при жарке на кострах мамонтов. Не буду утверждать, что за последние годы климат планеты несколько не потеплел. Стану утверждать только то, что он потеплел в пределах допустимых колебаний, которые происходили в любом из прошлых межледниковых периодов. А эти межледнико-

вые периоды, как бы это странно не звучало для современного обывательского понимания, были гораздо короче практически нескончаемых ледниковых эпох. Так чего нам стоит больше бояться: потепления или похолодания? Солнце, как и любая другая звезда, постепенно остывает. Это закономерный процесс, его не отменить. Поэтому новый ледниковый период наступит. Непременно наступит. Вопрос лишь «когда»? До этого межледниковые периоды продолжались примерно 10 тысяч лет. Мы живём в таком периоде уже двенадцать тысяч. Живём в идеальных для развития цивилизации условиях климата. Живём, постоянно жалуясь на погоду. Но такая благодать не вечна. Это аксиома, не требующая доказательств. Как мало нам отведено времени. Как мало... Ледниковый период не за горами. Он придёт. Он непременно придёт. Он наступит неожиданно. Неожиданно быстро. Катастрофически быстро.

Глава первая

22 марта 2063 года

Санта-Фе, штат Нью-Мексико, США

Жертва популярности

От рядов «защитников стойки портье» отделился зловещего вида здоровяк и бесцеремонно толкнул возмущённого Вильсона в грудь:

– Вали отсюда пока цел.

Тео не удержался на ногах и сел на спящего на полу человека. Но тут же вскочил, зацепив при этом локтем сидевшую на рюкзаке женщину, закричал:

– Вы ответите за это! Полиция в этой дыре есть?

– Есть, – из ниоткуда выплыла парочка полицейских.

Копы были почтенного возраста: с седыми усами и оплывшими фигурами.

Вильсон обрадовался:

– Меня толкнул вот этот человек, – указал он на верзилу. – Арестуйте его.

Реакции не последовало. Блюстители порядка даже не шелохнулись. При этом старший полицейский привычно положил руки на ремень и пристальным взглядом стал изучать

дородную фигуру собеседника. Закончив «визуальное сканирование», он неторопливо достал изо рта жвачку и приклеил её за ухо. После чего выдал неожиданное заключение:

– Вы нарушаете общественный порядок.

– Что? – Вильсон поперхнулся и громко взвыл, прижав руку к груди. – Я нарушаю? Мой самолёт совершил вынужденную посадку в вашем городишке. До утра мне не удастся улететь. Для таких, как я, в этом жутком отеле забронированы места. Но он мне отказывает, – Тео указал пальцем на портье. – Отказывает наглым беспардонным образом. Он просто издевается надо мной! – голос Тео сорвался на фальцет. – Вы обязаны заступиться. Закон пока ещё никто не отменял.

На лице полицейского не отразилось ничего. Вообще ничего. Холодная равнодушная гримаса. Он ровным голосом произнёс:

– Мы должны идентифицировать вас.

– Зачем? – взвился Вильсон.

– Если вы против, мы отведём вас в участок для выяснения личности, – коп расстегнул портупею, рядом с которой на ремне болтались наручники.

– Хорошо, – пожал плечами Тео, – выясняйте, раз вам надо.

Фойе отеля было заполнено под завязку. Всюду на рюкзаках и чемоданах сидели угрюмые люди. Их измученные лица выражали полную безнадёгу. Между ними прямо на полу

спали их близкие.

Второй полицейский всё это время стоял чуть в стороне, постукивая резиновой дубинкой по ладони. Тот, что был за старшего, навёл сканер на сетчатку глаза возмутителя спокойствия и тут же углубился в чтение полученной информации:

– Вы из Нью-Йорка?

– Из Нью-Йорка, из Нью-Йорка, – закивал чуть успокоившийся гражданин.

– Назовите свою фамилию и идентификационный номер.

– Я Тео Вильсон. Свой идентификационный номер я не помню, так как он мне не нужен.

– Это почему? – нахмурил брови старший.

– Потому что меня и без этого все знают.

Полицейский взгляделся в лицо собеседника:

– Да, точно, я тебя узнал. Ты тот самый кретин из Нью-Йорка.

– Что? – опешил Тео. – Что?!

– Что слышал! У тебя есть десять секунд, чтобы смыться. Иначе я посажу тебя в каталажку. Камеры забиты мародёрами и насильниками. Так что выбирай.

– Это произвол! Я буду жаловаться.

– Отсчёт пошёл.

Внезапно из сгрудившейся толпы зевак вынырнул подросток лет двенадцати.

– Папа! – крикнул он зычно. – Здесь тот урод, которого

ты мечтаешь пристрелить!

Вслед за мальцом вынырнул его папаша. Бросив зверский взгляд на Вильсона, он тут же схватил его за грудки и остервенело помотал из стороны в сторону:

– Вот ты гад и попался! – от распирающих его чувств мужик готов был выпрыгнуть из собственной биологической оболочки. Брызгая слюной, он радостно и энергично боднул своим бугристым лбом в переносицу оппонента. – Ха! Это тебе за моих родителей!

От удара Вильсон перелетел через безмятежно спящего старика и больно ударился головой о кафельный пол. Кровь ручьём хлынула из разбитого носа. Но Тео сразу же вскочил, выпучив от испуга глаза. Увиденное, ужаснуло его ещё больше. Толпа уже почуяла запах крови, обильно пролившуюся на одежду чужака. Со всех сторон, словно зомби, к месту событий активно потянулись проснувшиеся люди. Отовсюду слышны были крики:

– Точно он! Гавнюк! Из-за него всё! Дьявол! Убить мало! Мерзавец! Бей его!

Невысокий, худенький, но чрезвычайно энергичный ковбой подсуетился, выскочил вперёд и пнул Тео в живот:

– Получи!

Следом за ним, к скорчившемуся от боли Вильсону подскочила сумасшедшего вида старуха и с воплем вцепилась в его волосы, попутно пытаясь выцарапать глаза.

Толпа рьяно набросилась на несчастного, появившегося

здесь на свою беду. Кто-то старался хотя бы плюнуть ему в лицо. Но желающих применить насилие было несравненно больше, чем места вокруг жертвы.

Полицейские равнодушно развернулись и двинулись в сторону входной двери.

Толпа, коллектив, стая, общество – это всё синонимы. Синонимы, не смотря на некоторое различие в этимологии и в конкретном значении каждого из терминов. Вместе человек может всё: посадить сад, построить школу, создать цивилизацию. Это когда вектор действия массы людей положительный. А когда отрицательный... Когда отрицательный – на выходе дьявольская мерзость. Думаете это не про нас? Про нас. Стадный инстинкт делает нас одинаковыми. Уравнивая бомжа с миллионером, афроамериканца с еврокитайцем, учёного с малограмотным люмпеном. Не согласен? Это не про тебя?

Тогда зачем ты бросил на обочине дороги пакет с мусором?

Пс-сс, я при чём? Все бросают...

Зачем моешь машину в неподобающем месте?

Все моют...

Зачем ты ударил Тео Вильсона?

Его все били...

Ты его убил, ты!

Нет, мой удар был не смертельным.

Тогда – ты!

Я лишь слегка пнул. Другие били сильнеей.

А может ты!?

Вы чего? Я его даже пальцем не тронул, просто плюнул.

Плюнул? Всего-то! Ерунда? Нет, не ерунда. В плевках большой толпы можно и утонуть. Запросто! Легко!

Уже было не понять, кто кого бьёт. Действо напоминало роение мух, слетевшихся на сладкое. Истязание продолжалось.

– Стойте, стойте! Пусти! – сквозь разъярённую толпу протиснулся замшелого вида старик в познавшей жизнь куртке и с костылём в руках. – А вот и я! Говоришь, это всего лишь лёгкое отступление перед температурным скачком? На!

И он со всей дури врезал опорным концом костыля в голову Тео. Удар пришёлся точно в висок.

В угасающем мозгу несчастного вяло проскользнула последняя мысль: «Всё же я не зря прожил жизнь. Мне есть чем гордиться. Я знаменит. Меня все знают. Знают в лицо. И всё-таки, современное небольшое похолодание – это всего лишь маленький трамплинчик перед страшным ГЛОБАЛЬНЫМ ПОТЕПЛЕНИЕМ. Человечество ещё не раз пожалеет, что не слушало меня».

Глава вторая

22 марта 2063года

Москва

Чай с лимоном

– Что там на улице?

– Всё то же, бабуль. Ничего нового.

Ярослав принес бабушке чашку чая и поставил её на прикроватный столик:

– Попей горяченького. С лимончиком.

Она приподнялась на кровати, стараясь заглянуть в чашку:

– «С лимончиком»? Ух ты! Ну-ка, подложи подушку.

Устроившись поудобней, смачно швыркнула:

– У-у-у! Ублажил старую.

– Какая же ты «старая»? Вот выздоровеешь, мы с тобой ещё на лыжах побежим.

– Угу, – буркнула в ответ, – «на лыжах». Эка невидаль!

Ты где лимон достал?

– Лёшка прислал.

– Да ты что? Ого! Я думала, он в своей Индонезии сразу про нас забыл. Что рассказывает?

Лёшка Грязнов работал с Ярославом в лаборатории «Электроактивных полимеров». Но год назад, когда в Москве началась всеобщая эвакуация, он всё бросил и сбежал под крыло отца-дипломата.

– «Что рассказывает»? Рассказывает, что этой зимой град часто выпадал.

– И там начинается. Когда уже потеплеет на этой планете?

– Теперь это от меня зависит.

– Правда?

– Шучу! —слегка пожал плечами Ярик. – Ты же знаешь, что я занимаюсь инновационными тканями и полимерами. Но они не согреют, даже если из них кокон сделать. Господи, чем я в такое время занимаюсь!?

Бабуля улыбнулась:

– Это хорошо, что ты руки не опускаешь.

Внук в ответ только усмехнулся:

– Не хочу, чтобы без дела мои мозги вымерзли, словно мамонты.

Он наклонился и чмокнул бабушку в щеку.

– Ну, всё! Звони, если что.

Бабуля в ответ похлопала его по плечу:

– Беги! Не волнуйся. Скоро уже мать твоя зайвится.

Шелихов исчез за дверью комнаты, а женщина хлопнула в ладоши: включился головизор. На его голографическом экране с трибуны Государственной Думы эмоционально вещал человек, под которым как раз появился титр «Вадим

Поплавский. Глава фракции ЛДПР». Он практически кричал, рубя в воздухе ребром ладони:

– Ещё полвека назад организатор нашей партии предупредил, что глобальные игры с климатом не доведут до добра. Он призывал всеми силами противодействовать борьбе с так называемым парниковым эффектом. Его, как и меня, никто не слушал! И вот вам результат! Россия, словно шагреневая кожа на морозе, сократилась в своих размерах в десятки раз! Миллионы людей погибли! Ещё больше остались без работы, без крова, без надежды на достойное будущее!

– Везде ты, – буркнула старая женщина и переключила на другой канал.

Затем на второй, на третий... Везде сплошная реклама. И в основном лекарств. Остановилась на прогнозе погоды:

– В Петропавловске-Камчатском минус сорок семь. Во Владивостоке минус сорок четыре. В Красноярске потеплеет до минус шестидесяти семи. В Севастополе минус двадцать два. В Сочи – минус тринадцать градусов.

«Эх Сочи, Сочи, Сочи, – пробурчала себе под нос старушка, – столица у моря, которого нет». И переключила на следующий канал.

Там начинались новости:

– Коротко о главном. Руководство страны приняло решение о переселении на юг оставшихся жителей Москвы, Воронежа, Белгорода и других городов центральной России. В районе Моздока сегодня дан старт возведению двадцать

восьмой по счету атомной электростанции. Напомню, что их строительство ведётся по государственной программе компенсации утраченных мощностей. Переходим к зарубежным новостям. По сообщению CNN накануне в Санта-Фе, столице штата Нью-Мексико, толпа растерзала Тео Вильсона, последнего из известных разработчиков «Теории глобального потепления». В Ливии заявили, что за прошлый год здесь был собран рекордный урожай зерновых. Эксперты ООН надеются, что резкое расширение посевных площадей на территории бывшей пустыни Сахара позволит увеличить норму распределения хлеба среди населения наиболее нуждающихся стран, таких как Франция, Япония и Турция. На крупнейшей в мире сырьевой бирже в Гонконге это известие привело к снижению цены пшеницы на три пункта. Напомним, что до этого цена непрерывно росла 27 лет подряд...

Глава третья

22 марта 2063 года

Сочи.

Резиденция президента России «Бочаров Ручей» Промозглые перспективы

Начальник ФСБ заканчивал свой доклад:

– Американцы выдвинули ультиматум: в течение месяца все мексиканцы должны переселиться на юг за линию Гвадалахара – Керетару – Поса – Рико.

– Какой мотив? – переспросил президент.

– Мотив чего? – не понял Джужома.

– Игорь Артёмович – это ты докладываешь, а не я. Какие претензии они выдвигают? В чём предпосылки ультиматума?

– Ни в чём, Юрий Константинович. Абсолютно ни в чём.

– Но нельзя же просто так взять и потребовать от соседней страны освободить большую часть собственной территории. Это нонсенс, чушь какая-то. Даже Гитлер перед тем, как развязать Вторую мировую инспирировал нападение агрессив-

ных поляков на мирную немецкую заставу. А здесь получается: что хочу, то и ворочу?

– Именно так. Никакой первопричины для ультиматума нет. Мексиканцы вели себя ниже травы, тише воды, стараясь ничем не провоцировать буйного соседа.

– Мало им, что они от Венесуэлы и Кубы камня на камне не оставили. Теперь за Мексику взялись.

– То ли ещё будет, – хмыкнул Джужома. – Им необходимо жизненное пространство, и они его создадут.

– «Им необходимо», – Стрекалов мотнул головой. – А нам что ли нет? Наше положение почти безвыходное, – он вновь обвёл хмурым, сосредоточенным взглядом собравшихся.

Все молчали. Президент продолжил:

– Дьявол с ними, с американцами. Что нам с Москвой делать? Какое ваше мнение, Арсений Сергеевич? – обратился он к академику Соболевскому.

Тот в свою очередь помялся, вертя в руках стаканчик с минералкой и, покивав головой, грустно произнёс:

– Юрий Константинович, Москву необходимо покинуть абсолютно всем. И сделать это надо прямо сейчас.

– Причина?

– Причина проста. Она стала непригодной для жизни. Слой снега достиг в центре города отметки в 600 метров. В нижних ярусах активно формируется лёд. Это плохо. Вскоре могут возникнуть подвижки тяжёлого льда, и тогда начнётся разрушение зданий. Оставшееся население может погибнуть

не только от холода и голода, но и под завалами собственных жилищ.

– Понял. А что будем делать с символом России? Я имею в виду Кремль. Можно его как-нибудь законсервировать?

– Мы провели изыскания. Специалисты дружно отрицают такую возможность. Мы, конечно, можем аккуратно заполнить весь Кремль водой, превратив его в часть ледника, но это ничего не даст. Лёд, как известно, похож по своим свойствам на стекло. Как любое аморфное вещество, он не имеет чётко выраженной кристаллической решётки. Со временем сформированный гигантский ледяной массив в любом случае начнёт ползти. В конце концов он сорвёт Кремль с места и, двигаясь к периферии, сотрёт его в аллювиальный порошок. Нам не удастся сохранить нашу реликвию для поколений, которые будут жить в постледниковый период.

– Кто-нибудь даст мне когда-нибудь точный прогноз окончания данного похолодания? Помнится вы, Ольга Аркадьевна, – обратился он к советнику по науке, – говорили, что современное похолодание не является новым ледниковым периодом и продлится максимум 100 лет.

– Я ошибалась, – на всякий случай миловидно улыбнулась Самборская. – Мы осуществляем постоянный мониторинг ситуации и моделируем долгосрочный прогноз. Он не утешителен.

– Сколько? Двести лет? Триста?

– Сто тысяч.

– Сколько?

– Арсений Сергеевич владеет более точными данными.

Соболевский потупился и всё же поднял взгляд на президента:

– Сто тысяч лет – это самый оптимистический прогноз. Скорее всего наступившее похолодание превзойдёт все оледенения Плейстоценовой эпохи.

– Не умничай, не на симпозиуме, – президента покинуло самообладание, и он, забыв об этикете, перешёл на «ты». – Выражайся яснее. Сколько?

– Оно продлится не менее 300 тысяч лет. Вопрос только в том будет достигнут эффект Snowball Earth или нет.

– Опять? Что такое «Snowball Earth»?

– Полное замерзание Земли вплоть до экватора.

– Это как? Не может быть.

– Может. Так уже было. В периоды Криогения планета в течение долгих миллионов лет оставалась полностью замёрзшей.

Президент на время завис, но быстро взял себя в руки и пожал плечами:

– Глупость какая! Как же жизнь на Земле не погибла?

– Биота в ту эпоху была представлена одноклеточными и простейшими многоклеточными. Но если сейчас наступит полное оледенение, подобное «Гуронскому», которое длилось примерно триста миллионов лет, то боюсь, что эволюция вновь вернётся в исходную точку.

Глава четвёртая

22 марта 2063 года

Москва

Трио трудоголиков

Спустившись на лифте в метро, Ярослав поехал в лабораторию с решительным настроением довести начатый эксперимент до конца. Сегодня или никогда. Эвакуация Москвы шла полным ходом. В городе оставалось не более ста тысяч жителей. Имена Вита и Мары значились в эвакуационном списке на ближайший вторник. «Значит, для решения поставленной задачи у меня всего пять дней, – размышлял Шелихов, одиноко сидя в пустом вагоне. – И пять ночей. Много это или мало? Должно хватить. Надо постараться, чтобы успеть». Ярослав никогда не считал себя великим учёным. Вообще, учёным он себя считал с большой натяжкой. Да, было странно, что он часто видел то, чего остальные в упор не замечали. Но это Шелихов относил к выработанным с годами внимательности, усидчивости и работоспособности. И только. Как он стал начальником лаборатории – для него самого было большой загадкой. «Почему выбор пал на меня? – не раз задавался он этим вопросом. – Ведь я случайный че-

ловек в этой сфере человеческой деятельности». С детства будущий завлаб страдал комплексом некоторой неполноценности. Природная стеснительность и зажатость всегда мешала ему жить и чувствовать себя не хуже других. Яр, к собственному огорчению, никогда не мог переступить через эту фобию. Из-за неё за всю свою жизнь по собственной инициативе он так ни с кем и не познакомился. Возможно, именно поэтому в свои двадцать девять он всё ещё не был женат. «Дурацкий прикол природы! Почему совершенно незнакомые люди запросто могут начать разговор со мной. Почему я не в состоянии даже рта раскрыть при виде понравившейся мне девушки?» – подобные эмоции часто разрывали его изнутри. Хотя со старыми знакомыми он мог позволить себе несколько нагловатую форму общения. Многие, давно знавшие Ярика, считали, что у парня хорошо подвешен язык, и он умеет неожиданно и интересно что-то рассказать, пошутить или просто поболтать на любую тему. Свою профессию Шелихов выбрал всё из-за того же комплекса неполноценности. В гимназии ему все предметы давались легко и просто. Но больше всего он любил математику, геометрию и историю. Последний предмет и был его мечтой. Цивилизации прошлого будоражили мозг Ярослава, и он непременно хотел стать археологом. Но ни с того, ни с сего завалил экзамен на истфак. И по какому предмету!? По любимой математике. Странно. Ведь неоднократно за свою жизнь он прямо у доски доказывал теоремы, которые видел впервые. Но

в оценку вмешался человеческий фактор. Накатав ответы на все задания в течение 5 минут, абитуриент Ярослав Шелихов сидел, стесняясь выделиться из толпы и отослать электронный билет на проверку комиссии первым. Сидел он рядом с девушкой, которая немногим позже его решила все свои задачки. С «камчатки», где они обосновались был хорошо виден весь экзаменационный зал. Неожиданно председатель комиссии подошла к парню, сидевшему перед Ярославом, и незаметно сунула ему бумажку. Это хорошо видели только два человека – Яр и его соседка. Соседка, видимо, не страдала комплексом стеснительности и громко зашипела:

– Кошмар! Кошмар! Кошмар!

Зло сверкнув глазами, председательша не стала фокусировать на своих действиях чужое внимание и спокойно вернулась в президиум зала. Но Шелихов всё же получил за экзамен противную тройку, оставившую в душе будущего завлаба неизгладимо горький осадок. Оказывается, в природе существуют люди, готовые испортить другим жизнь, судьбу, карьеру ради удовлетворения собственных низменных наклонностей. Не то, что это было для Ярослава удивительным открытием. Но в настоящей жизни он столкнулся с таким впервые. Председательша отомстила не только соседке, озвучившей её мерзкие действия, но и Ярославу, который, хотя и промолчал, но не отвёл взгляд в сторону. Стоит ли в подобной ситуации отводить взгляд, опускать глаза? Стоит? Каждый решает сам. Эта «тройка» не позволила Ярославу

исполнить свою «историческую» мечту. Чтобы не терять год, по настоянию матери, Шелихов пошёл по родительской стезе и поступил на химфак. Поступил в надежде, что на следующий год он всё исправит сам. Но, как часто бывает, мечты со временем затерялись в ворохе новых дел и увлечений. Через пять лет Ярослав Шелихов, молодой аспирант, впервые переступил порог лаборатории «Электроактивных материалов».

На станции «Кожуховская» одиноко стояла Мара.

– Привет! Давно ждешь?

Кузнецова в ответ съязвила:

– Стандартный вопрос для современного кавалера.

– Какой я кавалер? У меня и цветов нет.

– Не отмажешься, – уже по-доброму улыбнулась девушка. – Цветы в наше время дарят исключительно миллионеры. А мы обычные бюджетники.

– Вот так вот! Взяла и опустила ниже плинтуса.

– Там вам с Витольдом и место.

Ярослав даже поперхнулся:

– С кем?

– С Витом. Ты не знал, что его Витольдом родители называли?

– Нет. Но он же по паспорту Святовит?

– Это он сам паспортные данные поменял. Когда в универе учился.

– Откуда знаешь?

– Сам рассказал.

– А мне, почему не рассказал?

– Тебе же он не предлагал выйти замуж, – Маша с очаровательной улыбкой потрясла головой, глядя собеседнику прямо в глаза.

Мария Кузнецова, или как её все называли – Мара, была привлекательной стройной брюнеткой, на которую с вполне понятным интересом поглядывал весь мужской коллектив лаборатории. А работало в ней год назад почти пятьдесят душ в основном мужеского пола. Но за броской внешностью сердцедадки скрывался огромный багаж знаний и креативность мышления, которым мог бы позавидовать любой исследователь. Она с отличием окончила Менделеевку, а затем накатала такую диссертацию, за которую экстерном надо давать докторскую степень. Эта диссертация и стала поводом для её рекомендации в группу Шелихова. Сам Ярослав впоследствии мысленно стыдился того факта, что поначалу упорно отказывался от её кандидатуры. Он считал, что яркая внешность девушки будет только мешать сосредоточенности его группы на достижении результатов. Но сейчас Шелихов отчетливо понимал: без её оригинальных идей и интуиции они бы до сих пор топтались на месте, имея на выходе только отрицательные результаты.

– И где этот обалдуй с подпольным именем?

– Ты меня спрашиваешь? Я здесь уже в сосульку скоро

превращусь.

Следующий поезд должен был прийти минут через двадцать. Теперь в обезлюдевшей Москве они ходили редко. Ярослав попытался сгладить ожидание:

– Ты такая нанайская красавица в этом наряде! Полярная невеста. «Увезу тебя я в тундру».

– Завидуешь?

Завидовать было чему. На Маре красовалась разноцветная малица – традиционная зимняя одежда северных народов.

– Конечно, завидую. Скажи мне красавица, что за чукча тебе её подогнал? Жених?

– Естественно, жених. Ты же не чухаешь. А девичий век короток. Да и что ты мне можешь подарить?

– Всё что хочешь! Хочешь ненормированный рабочий день. Хочешь – отсутствие выходных.

– Угу. Я уже почти три года вся в твоих подарках. Так и останусь старой девой, синим чулком, с единственным любовником по имени «работа».

Подошел следующий поезд и из него буквально выпрыгнул Вит. Вот кому можно было позавидовать по-настоящему. Человек всегда в хорошем настроении.

– Салют, Марики и Вундики! – крикнул он, подбегая.

– Фейерверк, двоечник! – съязвил Ярослав в ответ. – Почему опаздываем на работу? В пробку попал?

Любые претензии к Виту были бесполезны. Он только хи-

хикнул в ответ:

– Машина не завелась. Не спрашивай почему.

Вит Бузмаков был технологом. Не просто технологом, а технологом от бога. Он лучше всех понимал суть технологических процессов и досконально до последнего болтика знал устройство всех агрегатов и приборов. Виту было уже тридцать пять. Он работал с самого начала формирования лаборатории, основателем которой был Фёдор Фёдорович Дубровин. Ярослав считал его своим учителем. Собственно, все работники лаборатории почитали его за гуру, называя за глаза просто «профессором». Но два года назад, в период наибольшей активности оледенения, когда температура вновь устремилась к отметке минус сто градусов, он умер от воспаления легких. В его доме лопнули трубы отопления, и старенький профессор надыхался арктическим воздухом, бегая по этажам и будя уже не столь многочисленных соседей.

После Фёдора Фёдоровича руководить лабораторией стал Ярослав. Ярослава все называли по форме разно, но по сути – одинаково. Одни звали его «инди», вспоминая распространённый мем о «детях индиго». Другие «вунди» – от «вундеркинда». Третьи «малпрофом», что являлось посылом к «большому профессору». Но все эти клички были знаком уважения по отношению к Шелихову. По твёрдому убеждению многих, только Ярослав был способен не только сохранить лабораторию, но и дать ей дальнейший импульс развития. И Ярослав старался. Старался не разочаровать всех.

Особенно себя. День и ночь старался. Позабыв обо всем на свете. Кроме, конечно, бабушки, которая его воспитала, пока родители пропадали в экспедициях. Ярослав Александрович Шелихов экстерном окончил школу в пятнадцать лет, университет в девятнадцать, а доктором наук стал в двадцать два года. Поэтому его все и считали вундеркиндом.

Вит обладал беспредельным оптимизмом и никогда не унывал:

– Кто-нибудь смотрел прогноз погоды? Что там: когда всё растает?

– Бузмаков, твои дурацкие шуточки о погоде уже порядком надоели, – урезонила его «нанайская» красавица.

От метро до лаборатории было метров пятьсот. Тем не менее, даже такое расстояние не казалось близким. На электронном градуснике сквозь морозный туман была видна цифра «– 63».

Бузмаков и тут не унимался:

– Хорошо, что не «-2063», а просто «-63», – отметил он совпадение цифры с календарным годом. – Видимость ноль. Идем по приборам. Я впереди. Внучка за мной. Остальные жучки за внучкой.

Впрочем, заблудиться было трудно, так как туннели, вырытые много лет назад в толще снега, были не очень широкими. Москва тридцать лет подряд непрерывно засыпалась снегом. Жителям, находящимся на уровне земли, его толщина давно не поддавалась объективной оценке. Неба никто

из москвичей не видел уже много лет. Были и такие, кто его вообще никогда не видел.

Добравшись до входа в свою лабораторию ВНИИ «Прикладной нанохимии элементоорганических соединений», троица молодых исследователей обнаружила на закрытых дверях только густую толщу изморози. На стук никто не отзывался. Света не было нигде, даже на индикаторах переговорного устройства.

– Блин, вчера я уходил последним – вахтер был на месте, – Вит не прекращал колотить ногой в дверь.

– Сейчас узнаем, – Мара сунула руку за пазуху малицы и произнесла «заклинание». – «Ласточка» принеси известие, что случилось с ВНИИ ПНЭС?

Возникшая голограмма ласточки прочирикала человеческим голосом:

– 22 марта 2063 года в пять часов двенадцать минут московского времени на подстанции энергетического района «Южный порт» произошла авария. Электрообслуживание потребителей прекращено. Не покинувших район граждан просят немедленно эвакуироваться. Позывной контактов для экстренных служб – «012».

– Блин! Накрылась наша работа, – Вит что есть силы стукнул тяжелым ботинком в дверь.

Тяжело дыша морозным воздухом, Шелихов погрозил кому-то кулаком, но тут же задумался:

– Подождите секунду. Выход должен быть, – он повернул

голову в сторону технолога. – Может, удастся завести резервный генератор?

Вит критически покачал головой:

– Сомневаюсь. Слишком холодно. Аккумуляторы старые. Их ёмкость в таких условиях стремится к нулю. Провернуть застывшую смазку вала не получится.

– А если подогреть?

– Подогреть? Чем? Паяльными лампами? Но у нас их нет. Так. Стоп! Придумал.

Вит начал чертить в воздухе пальцем, о чем-то размышляя.

– Не томи. А то замерзнем, и некому будет по ушам ездить, – не выдержала Мара.

– Всё нормально. Нормально. Надо попасть внутрь. Вы налево, я направо. Не теряем связь.

Идея разделиться – не из лучших. Лабораторное здание было огромным. На помощь быстро не придёшь. Но, с другой стороны, замерзнуть всем вместе тоже вполне реально. И они пошли в разные стороны, огибая ангар по периметру. Сразу за углом Ярослав увидел трубу, торчащую из окна:

– Это очень хорошо. Есть шанс не застыть без отопления.

– Буржуйка?! – вполне утвердительно спросила девушка.

– Точно. Примитивная прямоточная печь. Великое изобретение допотопной эпохи, спасшее жизни тысячам, если не миллионам. Это комната охраны.

Медленно двигаясь, они добрались до запасного выхода. Но

дверь оказалась закрытой изнутри. Зато к стенке была аккуратно приставлена стремянка.

– Кто-то лампочку менял, – указал Яр на светодиодный светильник.

– Спасибо тебе добрый склеротик, – слегка поклонилась Маша.

– Что там у вас? Нашли что-нибудь? – раздался голос Вита в голофоне.

– У нас лестница. Двигай сюда. Мы у запасного выхода.

– Понял. Я уже рядом.

Пока Ярослав искал в тумане что-нибудь, чем можно разбить окно, Вит уже примчался. Деловито осмотрев место проведения операции по проникновению внутрь, он воскликнул:

– Сейчас я всё сделаю, амиго-френд. Не ищи ничего.

Он приставил лестницу к стене и поднялся под снежный потолок туннеля. Ярослав и Мара видели только ноги, торчащие из тумана.

– Он как бог, поправляющий на небе месяц и звезды, – поделилась своими впечатлениями девушка.

– Угу. Что он там пыхтит?

Бог постукивал, побрякивал и причмокивал. Потом раздался сильный удар, и сверху рухнула глыба намерзшего над входным козырьком льда. Вит крикнул:

– Никого не убил? Я не специально!

– Всё нормально. Идею одобряю!

– Теперь дайте кусок льда.

Ярослав поднялся на несколько ступеней и подал Бузмакову льдинку размером с кирпич. Вскоре раздался звон разбитого стекла.

– Принимайте осколки! – обратился к «землянам» бог.

И он начал подавать крупные осколки стекол.

Через пару минут вся тройка трудоголиков смогла попасть в любимую лабораторию. Так уж устроена жизнь. Кто-то любимыми правдами и неправдами пытается отлынивать от работы. А кто-то наоборот – лезет через окно с риском для жизни.

Внутри было не лучше, чем снаружи. Такой же мороз, такой же туман. Из полопавшихся батарей водяного отопления свисали ледяные водопады моментально застывшей воды. Изморозь, украсившая своим блеском стены, мебель и потолок, создавала иллюзию, что людей здесь не было на протяжении целой эпохи.

– Как на заброшенном инопланетном корабле, – промолвила девушка, освещая фонарём голофона искрящиеся от изморози стены.

Вит толкнул её к выходу:

– Двигайся, двигайся. Не позволяй инопланетянам ввести тебя в анабиоз.

Двигаться можно было. Только куда? За дверью комнаты, в которой они оказались, был темный коридор. Подсветить путь уже было нечем. На таком морозе, голофоны момен-

тально отключились.

– Ладно. Пользуйтесь моей добротой, – Бузмаков вытащил из кармана металлическую фляжку. – Медицинский спирт. Из родительских запасов, которые быстро иссякают.

Он достал носовой платок и засунул его в большую чайную кружку, стоящую на столе. Туда же плеснул изрядную порцию спирта:

– Быстренько сообразите, как добыть искру.

Ярослав с Машей промолчали.

– Ага! Ничего не можете вундеркинды хваленные. Смотрите!

Он вытащил из кармана старинную зажигалку и спокойно зажег спирт в кружке:

– Зиппо, – прорекламиривал он свой раритет, – Прапрапрадед передал через прадеда. Трофей зулусской войны 1879 года.

Вот чем ещё хорош Вит, так это тем, что если врёт, то врёт красиво. Чисто, гусар.

Бузмаков скомандовал:

– Теперь идём на склад. Там я видел то, что нам нужно.

Ярослав не согласился:

– Сначала надо отогреться. А то сдохнем раньше, чем запустим генератор. Там в помещении охранников буржуйка есть. Давай туда.

Добравшись до кандейки вахтёров, трудоголики затопили печь. Для этого использовали любезно оставленное хозяева-

ми помещения ведро с углём и журналы кроссвордов, обнаруженные в ящике стола.

Вит и здесь вставил свои пять копеек:

– Пройдёт ещё тысяча лет, а для тех, кто привык работать сидя на попе, эти журнальчики останутся актуальными.

Буржуйка, забитая под завязку углём, загудела. Стало веселей. Все прилипли к печке, вытягивая руки над разогретым железом.

– И что ты придумал? – поинтересовалась Мара у Вита. – Ты так и не сказал

– Полет нормальный. Переходим на запасной аэродром.

– Ты можешь не кривляться?

– Могу. Но станет скучно.

– Как будем заводить резервный генератор? – влез в разговор Ярослав.

– Отогрелись? Идём на склад! Сейчас сами всё увидите.

Перед тем, как пойти, технолог стал оглядываться по сторонам. В углу комнаты была дверь в кладовую. Бузмаков вытащил оттуда швабру с тряпкой:

– Ого! Я думал, что они существуют только в сказках.

– Дурак! – проворчала себе под нос девушка. – В сказках на метле летают, а не на швабре.

– Угу, тебе лучше знать, на чём ведьмы летают. Сейчас мы из сказки сделаем быль. – Бузмаков сломал швабру пополам: – Швабра-кадабра, веники-беники, бумц! – он намотал на концы палок тряпки. – Была швабра. А получилось

два факела.

Бузмаков победно потряс руками, держащими факела.

Маша в это время шарила в большом шкафу.

– Вот он! У меня реальнее волшебство, – она показала всем большой фонарь. – А ты тут колдуешь со шваброй.

– Швабра надежней. Ты включи фонарь. Проверь.

Фонарь не светил.

– Захотела в минус шестьдесят с фонариком погулять? Нет. В Ледниковый период работают только примитивные изобретения.

На складе они вытащили из завалов две переносные электростанции и небольшую тепловую пушку. Всё это они отнесли в прогретое помещение охранников. Здесь Бузмаков больше часа ворковал над найденным на складе «железом». Наконец он смог завести одну из электростанций, гордо взглянув на коллег:

–Работает! Ну, ничего, четыре киловатта хватит для теплоподдува. Так. Глушить не будем. Факельщики, показывайте путь.

В помещении резервного генератора технолог подключил к заведённой электростанции тепловоздуховку. Она завизжала, ругаясь на замороженную смазку подшипников, но начала работать. Чувствовалось, что воздух из неё шел теплее, чем в самом помещении. Но комната стала наполняться выхлопами переносной электростанции. Пришлось ещё повозиться, чтобы с помощью шланга сделать газоотвод.

Резервный генератор отогревался долго. Его удалось запустить только через два часа.

Довольный Вит, глядя на тарахтевший дизель, подвёл черту под своей работой:

– Ну и кто, по-вашему, самый лучший техник-технолог на Земле?

– А-а-а... – протянула Мара.

– Вот! – безапелляционно отрезал Бузмаков.

– Давай «лучший технолог», двигай. Уже обед скоро!

– Ну-ну. Пользуйтесь моими идеями. Даром отдаю. Хотя, дурак, конечно. В списке авторов этого изобретения я вряд ли найду своё имя.

Свет появился во всём здании. Тепловую пушку перетащили в исследовательский центр. Это было большое помещение, размером с лекционный зал.

– Амиго-френд, – обратился Вит к Ярославу, – что будем делать? Такой ангар придётся долго прогревать.

Яр оценивающе обвел взглядом лабораторию:

– А надо ли? Я считаю, ничего с колонной синтеза не произойдет. Какая ей разница, от какой температуры плясать? Маш, правильно я говорю?

– В принципе, да.

– Тогда за дело. Я очень хочу использовать новую комбинацию катализаторов, которую ты предлагала в прошлый раз.

После долгой подготовки исследовательское оборудова-

ние наконец было запущено. В колонне синтеза всё закрутилось, забурлило и зашкварчало. Маша, просмотрев на мониторе выходные данные, одобрительно кивнула:

– Парни, мы прошли критическую точку с нужными характеристиками.

– Уря! – негромко рявкнул Бузмаков. – У меня предложение. Может мы будем здесь по очереди следить за процессом? Ещё целых шесть часов до пробной отливки. Заболеем. Или замёрзнем окончательно.

Так они и поступили. На улице, напротив запасного выхода, был найден сколоченный из досок рундук с углём. Поэтому буржуйка работала на полную мощность. Ребята по очереди контролировали процесс синтеза.

Незаметно прошло шесть часов. Вит следил за работой лабораторного оборудования, остальные грелись в сторожке. Наконец завлаб засуетился:

– Ну что? Ты готова? До розлива осталось десять минут. Давление уже должно начать подниматься.

Только Ярослав это сказал, как дверь комнаты с грохотом распахнулась, долбанувшись о стену. На столе охранников затряслись кружки-ложки, смачно ухнуло стекло, чудом удержавшись в проеме окна. Следом докатился оглушительный раскат взрыва. Свет на секунду погас, но тут же возник вновь. Ярослав с Марой стремглав кинулись в лабораторию.

Глава пятая

22 марта 2063 года

Мавзолей Сяолин, Нанкин, Китай Мудрая обезьяна и глупые тигры

Через Великие Золотые Ворота в мавзолей вошла большая группа посетителей. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить – эта группа состоит вовсе не из туристов. Все они были одеты и причёсаны так, как одеваются и причёсываются руководители самого высокого ранга. Основная масса вошедших остановилась при входе созерцать внутреннюю сторону ворот и друг друга, а три человека прошествовали к скульптуре священной черепахи-дракона. Черепаха держала на своей спине массивную каменную стелу с текстом о несравненных заслугах и непревзойдённых добродетелях первого императора династии Мин Чжу Юаньчжана. Троица обошла черепаху и остановилась возле её головы. Женщина в строгом синем пальто с меховым воротником обратилась к своим спутникам:

– И всё-таки решение о переводе столицы из Пекина в Нанкин было правильным. Здесь чувствуется имперский дух и величие Китая.

Ли Сяопин, министр обороны, кивнул:

– Соглашусь. Тысячи лет из этого города управляли нашей страной. Да, здесь когда-то сидел Чан Кайши. Но, с другой стороны, именно здесь похоронен Сунь Ятсен – один из наших священных отцов.

– И главное, здесь несравнимо теплее, – добавила Чэн Хун, машинально поёжившись на двадцатиградусном морозе. – Уже давно не тропики, но всё же.

– Хватит болтать, – хмуро оборвал всех Си Цилян. – Не для этого я вас позвал.

Он являлся председателем КНР. Поэтому мог себе позволить высказывать недовольство:

– Что будем решать с Харбином? Чэн, ты у нас премьер Госсовета, тебе первой и высказываться.

Чэн была опытным царедворцем. Она владела, казалось, всеми вопросами, что и обеспечило её нахождение на высокой государственной должности:

– Моё мнение неизменно. Да, в северо-восточном Китае жить стало некомфортно. Совсем некомфортно. Этой зимой морозы достигали 82 градусов. А средняя температура зимних месяцев составила почти шестьдесят. Но ведь это не сейчас началось. Это не первая такая зима. Далеко не первая. Мне кажется, что местное население уже приспособилось к суровому климату. К тому же, русские не проводят эвакуацию своих дальневосточных районов. А мы, почему должны?

Председатель Си покивал в ответ и обвёл собеседников взглядом, не выражающим практически никаких эмоций:

– Русским деваться некуда. Их территория сократилась в десятки раз. Но разговор сейчас не о русских. Соглашусь на счёт эвакуации. Лучше сейчас никого не трогать. Только начни, и процесс этот не остановить. Все захотят на юг, – он чуть помолчал и продолжил: – Ко мне обратились люди из монгольского руководства. Они просят проработать вопрос их переселения.

Ли Сяопин слегка обозначил ухмылку на губах:

– Они для себя просят или для всех монголов?

– Для всех.

– А сколько их сейчас?

Всё знающая Чэн Хун вставила ремарку:

– Почти восемь миллионов.

– Это ни много, но и ни мало, – слегка повёл головой министр обороны. – Древний Китай тоже имел по тем меркам большое население, а у Чингисхана была всего лишь кучка монголов. Зачем нам проблемы? У нас и своих монголов хватает. Сколько, Чэн?

– Одиннадцать миллионов.

– Ого, если сложить, то чуть меньше, чем население всего Тайваня.

– Всё так, – согласился Си Цилян. – Выскажитесь однозначно: да, нет.

Царедворцы были единодушны:

– Нет.

– Не сомневался в вашей позиции. Но у меня есть особые соображения на этот счёт. А что, если мы выдвинем встречные условия?

– Чтобы они официально вошли в состав КНР?

– Точно, Чэн! Ты мыслишь глобально. Давайте, предложим им официально подать заявку на вхождение в состав Китая отныне и во веки веков. И чтобы никаких автономий. Это ошибка многих стран: разводить ненужные автономии, которые до поры до времени являются запалами пороховой бочки. Пусть проведут референдум. Если он нас устроит, мы расселим их по разным районам и обязуем говорить только на языке титульной нации.

– Мне нравится такой подход, – бодро кивнул министр обороны.

– В имиджевом плане мы тоже выиграем: Китай спасает монголов от неминуемой смерти, – улыбнулась премьер-министр.

– К тому же мы создадим прецедент. Если с монголами прокатит – на очереди корейцы.

– И тайванцы, – добавил министр обороны. – Я как раз хотел предложить организовать поход для восстановления единства Китая в общих границах.

– Гоминдановцы ведут себя нагло, – согласилась с ним женщина. – Захватывают территории шельфа, который им никак уж не принадлежит.

Суть этого обсуждения состояла в том, что уровень мирового океана уже понизился на 73 метра. Это привело к тому, что пролив между континентальным Китаем и мятежным островом исчез. Теперь до острова можно было добраться пешком строем или на танке.

– Нет, это преждевременно. Империалисты пока сильны. Русские тоже. Подождём, нам некуда торопиться. Китай в выигрышной позиции. Прав был мудрый Мао: пусть тигры дерутся, а обезьяна сидит на дереве и ждёт, когда можно будет спуститься и спокойно снять с них шкуру. Ледник победит и тех и других без пролития нашей крови. А мы придём и включим все их территории в состав великого и неделимого Китая.

Глава шестая

22 марта 2063года

Москва

Что-то синее с фиолетовым отливом

Дверь, ведущая в лабораторию, валялась метрах в десяти от проема. Из помещения валил густой дым. Он был фиолетового цвета. Противопожарная сигнализация орала, как сумасшедшая.

– Стой здесь!

Шелихов разбил стекло противопожарного гидранта и стал обвязываться шлангом.

– Я с тобой!

– Стой, я сказал! Это приказ! Если перестану дергать шланг, вытаскивай меня отсюда.

Девушка кивнула, зажимая при этом нос. Яр сделал глубокий вдох и скрылся в дыму. Через несколько секунд он появился вновь с тремя лабораторными противогазами. Один протянул Маре:

– Надевай!

Натянув на голову свой противогаз, Ярослав снова скрылся в проеме.

Мара встала в позу «перетягивателя» каната и стала потихоньку травить шланг, который время от времени слегка подергивался.

Прошло какое-то время, показавшееся девушке вечно-стью, как в лаборатории раздался сильный грохот. Явно что-то упало. После этого шланг перестал дергаться. Мара сорвала маску и стала кричать:

– Ярослав! Что случилось? Ярослав!

Никто не отзывался. Девушка нервно потянула за шланг. Он тащился на удивление легко. На другом его конце явно никого не было.

В голове мелькали самые жуткие мысли. Натянув противогаз, Мара без колебаний бросилась в дымное небытие, но тут же столкнулась с препятствием. Это был Ярослав, волочивший по полу что-то синее, с фиолетовым отливом.

Маша сорвала маску:

– Ты почему не отвечал?

Шелихов задрал лицевую часть противогаза на лоб. Красный и мокрый от пота он выдохнул:

– Что ты орешь? Как я тебе отвечу в противогазе?

– Я испугалась. А почему ты шланг перестал дёргать?

– Господи, Мара! Я возвращался. Как я его буду дёргать?

Ярослав вновь потащил груз подальше от лаборатории.

Мара продолжала истерить:

– Ага! Там как грохнет! Я думала, крыша рухнула.

– Это я Вита из завала выдернул.

– А где он?

Ярослав наконец остановился и незлобно буркнул:

– Ты дура что ли? Я что, мешок картошки тащу?

Дым немного рассеялся, и только теперь Мара поняла, что «синее с фиолетовым отливом» – это и есть «лучший в мире технолог».

– Он жив?

Ярослав распрямился и ладонью вытер потное лицо, ментально покрывающееся изморозью:

– Не знаю. Делай искусственное дыхание!

Девушка растерялась:

– Как?

Ярослав схватил её за шкурку и с силой нагнул к земле:

– Быстро! И молча!

Сам тут же расстегнул на Бузмакове полярную куртку и сел на его ноги. Он начал давить пострадавшему ладонями на грудь, считая:

– Раз, два, три... Вдыхай ему в рот! Раз, два, три. Вдох!
Раз, два, три. Вдох!

Маша забыла обо всем и старалась из последних сил вдохнуть в легкие Вита как можно больше кислорода. Он не шевелился и не открывал глаза.

Выбившись из сил, Ярослав со всей силы долбанул Бузмакова по груди:

– Работай!

Тот сразу сел с криком:

– Охренеть! Больно же!

И тут же зашёлся в тяжёлом кашле. Отдышавшись, выдал подобие улыбки, переводя взгляд с Мары на Ярослава и обратно:

– Что? Испугались?

– Испугались, испугались. Маш, бери его за другую руку. Уходим.

Подхватив с двух сторон пострадавшего, они вернулись в помещение охранников. Там, успокоившись, Вит рассказал о произошедшем:

– Совсем чуть-чуть до разлива оставалось. Перегретые газы должны были сброситься через перепускной клапан в накопитель. Я слышал, как клапан открылся. Но смотрю – давление не снижается. Думаю, ну всё – байпасную линию морозом прихватило. Сейчас рванет. Сначала хотел тикать, но жалко ведь. Столько труда. Схватил фторопластовую чушку, которая лет сто там валяется, и полез по лестнице. Хотел постучать по трубе. Может гидратную пробку сорвет. Стучу, стучу. Не срывает. Думаю: «Нет, зараза! Меня не победишь». При этом слышу: пробка под давлением по трубе начала тихонько двигаться. Сейчас, думаю, всё получится. Но не получилось. Смотрите, какой я красивый, – он оттопырил полы куртки, показывая её новый цвет. – Можно теперь дальнейшие опыты на моей куртке продолжать.

Ярослав сидел за столом, уперев в него локти и обхватив голову:

– Кончились теперь наши опыты. А ты скажи спасибо, что морду не сжег. Всё-таки четыреста градусов.

– Я же технолог, а не дурак! Защитная маска была на мне.

– И где она? – поинтересовалась Мара.

– Откуда я знаю? Я же без сознания был. И умер бы. Но принцесса поцеловала принца, и он воскрес, – Вит состроил взгляд влюблённого юноши. – Тебе понравилось? Мне очень. Ты так старалась.

– Вот кобель! – Мара попыталась осторожно стукнуть по наглой морде кулаком, но Бузмаков перехватил его, сжав в своей крепкой мужской ладони. – Отпусти! – настойчиво закричала девушка. – Отпусти, говорю!

Яр созерцал их возню отстранённым взглядом. Всё рушилось. Надеяться на продолжение эксперимента где-нибудь в Сочи не приходилось. В настоящий момент изобретение материалов с новыми технологическими свойствами уже никого не интересовало. Не до этого! Все средства государства брошены на переселение людей и на обустройство их быта на новом месте. Сегодня у Ярослава был последний шанс закончить начатые три года назад эксперименты. Последний шанс. Самый последний. Жаль. Не вышло. Он всё же поинтересовался у Вита:

– Ты пришел в себя?

– Да. А что?

– Не тошнит? Голова не кружится? Переломов или вывихов нет?

– Если бы были, я бы сейчас орал. Или стонал. Всё нормально.

– Повезло. Бывает, что после шока, выясняется полная «клиника». Маша ты уколы делать умеешь?

– Нет! А зачем?

– Затем, что мы все надышались испарениями «сусла». Необходимо в течение часа вколоть антидот. Сходи к входным дверям. Там за столом охранника на стене большой стеклянный щит. В нём хранятся ампулы и пистолет со шприцами. Я сам всем вколю.

После проведения процедуры Ярослав приказал сидеть целый час, пока антидот не всосётся организмом. Слава богу, всё было нормально.

– Давайте на всякий случай восстановим картину происшествия, чтобы зафиксировать условия формирования структуры вещества.

Ярослав достал голофон и стал вносить в файл техпроцесса данные, которые зафиксировал в памяти Вит: время, давление, температуру и т.д.

– Ну, всё, работнички. Всем спасибо. Шарашка закрывается на клюшку навсегда.

Бузмаков сидел и старался оторвать от куртки хоть кусочек фиолетового вещества. У него ничего не получалось:

– Ты посмотри, как липнет. А ведь по замыслу у него должна быть нулевая адгезия.

– Адгезия здесь ни при чём. Гидроудар пробил поры тка-

ни насквозь. Поэтому сусло и прилипло к куртке, – пояснила Мария.

– Ладно, согласен, ты права, – мотнул головой технолог. – Но давайте перед уходом заглянем в лабораторию. Всё-таки столько лет в ней провели. Попрощаемся хоть. Дым скорее всего уже рассеялся.

В лаборатории работало аварийное освещение. В его свете флуоресцировало всё пространство, покрытое плотным слоем сине-фиолетового вещества.

– Бузмаков, ты везунчик. Разрыв синтез-колонны произошёл с другой стороны. Тебя снесло срикошетившей от стены струёй. Вот если бы гидроудар был направлен в тебя, мы с Марой сейчас бы размышляли, где спрятать твоё тело.

Вид разрушенной лаборатории был ужасным.

– Пойдёмте отсюда, – не выдержала Кузнецова.

Друзья молча дошли до помещения, где работал дизель.

Непривычно грустный Бузмаков пробормотал:

– Зажигайте факела. Пойду выключу генератор.

Но только он двинулся с места, как Шелихов заорал:

– Стой! Стой, говорю!

Вит обернулся, удивлённо уставившись на начальника: шутит или по-настоящему орёт? Но Ярослав был серьёзен:

– Никто не заметил ничего необычного в лаборатории?

Бузмаков и девушка отрицательно повертели головой.

– Разворачиваемся.

Они вернулись в лабораторию.

– Посмотрите ещё раз. Внимательно.

– Не томи, академик, – съязвил технолог. – Чего тут не так?

– На колонну предварительной сепарации смотри.

– Сепаратор, как сепаратор. И чего?

Мара наморщила лоб:

– Странно, что не пострадал. Стекланный всё-таки.

– Не раскололся и хорошо. Но дело не в этом. Зрите в корень.

– Поняла, – обрадовалась Мара своей догадке. – Всё кругом синее, а он чистый.

Бузмаков присвистнул, высказав таким образом свое согласие. Маша шагнула к сепаратору, дотронулась до его поверхности и тут же отдернула руку:

– Ух ты! Током бьётся.

– Не бойся. Здесь понижающий трансформатор. Всего 24 вольта, – Вит подошел к сепаратору и осмотрел его силовую часть. – Понятно всё. От мороза лопнула изоляция. Вот и пробивает на корпус.

Ярослав поднял с пола небольшой кусок ткани. Он сжался в плотный клубок размером с кулак:

– Вот оно наше изделие. Почему оно так свернулось?

– Очевидно, что его таким образом сжимает плотность кристаллической решетки. Надо подумать, почему это произошло, – Маша потрогала комок в руках Шелихова. – Твердый достаточно. Как будто и не ткань.

– Ты права, – Ярослав попробовал растянуть комок, но тот вообще не отреагировал на его старания, – но ведь он явно большой по площади. Сколько площадь у этой стороны сепаратора?

– Квадрата три. Не меньше, – прикинул навскидку Вит. – А помещается в ладони. Смотри, какой тонкий край торчит. Пару микрон – не больше

– Возможно, что взрыв привел к формированию наноструктуры, – продолжал рассуждать Ярик. – Всё это произошло при мгновенном остывании кристаллической решётки. Наша чудо-ткань при этом приобрела шарообразную форму сепаратора. Но что заставило её сжаться?

Мара пожала в ответ плечами.

– Ладно, – подвел черту завлаб, – уже совсем поздно. И есть охота. Я не умею думать на голодный желудок. Уходим.

Опять все двинулись к выходу. И опять Шелихов всех остановил:

– Я сейчас! – и он вновь вернулся в лабораторию.

Когда туда вошли Вит с Марой, Ярослав гремел в дальнем углу.

– Помочь? – крикнул Бузмаков.

– Не надо, нашел.

Начальник перелез через завалы и вернулся к входу в лабораторию:

– Это твоя маска? – Шелихов в вытянутой руке держал маску с прозрачным защитным щитком.

– Откуда я знаю? Такая же, но эта ли?

– Эта! Вот смотри, – Ярослав вытащил из-за спины руку, в которой держал кусок синего материала. Он приложил его к маске:

– Оно?

Бузмаков опять свистнул – сопряжение было идеальным. Маша взяла в руки материал и стала его щупать:

– Странно. А ведь этот кусок достаточно мягкий и не такой тонкий.

– А главное он не сжался в ком, – подытожил Ярослав. – Вопрос: почему?

– Материал у сосуда и маски разный. Сила удара жидкости о поверхность тоже была разной. Маска-то улетела вместе со струёй. А сосуд остался на месте.

– Может быть. Всё может быть, – в раздумье промолвил Ярослав. – Но мне кажется, что дело не в этом.

– А в чём? – оживлённо заинтересовалась Кузнецова.

– Давайте, пока мы здесь, проведём маленький эксперимент.

Бузмаков тяжело вздохнул, оглядывая лабораторию. Яр продолжил:

– Вит, ты можешь найти два провода, чтобы подать 24 вольта на поверхность этого куска ткани? – Ярослав снова достал из кармана жёсткий комок.

– Ах, э-э-это! Легко.

Он шагнул к ближайшему раскуроченному агрегату и дер-

нул подводящий кабель. Изоляция трухой рассыпалась в его руках, оголив медные жилы.

Бузмаков вновь вздохнул, вытащил кусачки и зачистил концы провода.

– Фаза, ноль, – он поискрил проводами. – Что делаем? Замыкаем?

Шелихов положил странный комочек непонятного вещества на станину сепаратора и скомандовал:

– Давай!

Бузмаков поднес оголенные концы к комку. Произошел хлопок и технолога словно ветром сдуло. Маша и Ярослав от неожиданности отскочили в сторону.

– Ни фиги, себе! – сидя на попе, воскликнул Вит. – Добром сегодняшний день для меня точно не кончится.

– Не поняла, – Маша подошла к месту эксперимента и подняла с пола злосчастный клубок, – а что так хлопнуло?

– Он развернулся! Я видел! – отряхиваясь, прокричал Бузмаков.

– А потом снова что ли свернулся?

– Выходит, так, – технолог развёл руками, подтверждая правдивость своего свидетельства.

Кузнецова недоумевала:

– Яр, наш материал, что – реагирует на электричество?

В ответ Шелихов медленно покивал головой и тут же спросил:

– Вит, а реостат у тебя есть?

– А то ж!

– Давай его сюда. И провода найди длиннее, чем эти.

– Понял уже, – буркнул Бузмаков.

Они прицепили мощными крокодилами концы проводов к разным концам комка необычной ткани. Далее в схеме присутствовал реостат и выключатель. Другие концы длинного провода Вит снова прикрутил к источнику 24-вольтового тока.

Комок положили на открытое место и отошли от него на безопасное расстояние.

– Давай, Вит! Включай. Теперь потихоньку загружай через реостат.

Технолог кивнул, перекрестился и стал дожимать ползунков реостата.

Комок вдруг стал набухать и разворачиваться, и в предельном положении ползунка превратился в полусферу, которая идеально соответствовала поверхности сепаратора.

– Вот ни хрена себе, чудо!

– Вит! «Ни хрена себе» – это новая историческая фраза изобретателя, – повеселевший Шелихов уже склонен был шутить.

Маша заглянула внутрь раскрывшейся под действием тока полусферы:

– Яр! Вит! Смотрите сюда!

Все последовали её призыву. В идеальном сферическом зеркале внутренней поверхности полусферы отражались

восхищенные, удивлённые и несомненно смешные лица исследователей. Смешные они были потому, что зеркало было сферическим, как в аттракционе «Комната смеха».

Глава седьмая

23 марта 2063 года Эгейское море, 70 миль к югу от пролива Дарданеллы На мели

Судно остановилось. Капитан, обходивший в это время палубу, решил вернуться в рубку.

– Что случилось? – обратился он с вопросом к помощнику. – Ледокол сломался?

Корабль двигался в составе большого каравана, возглавляемого мощным атомным ледоколом.

– Нет, Станислав Владимирович, впереди затор. Грузинское судно на мели.

– Хреново, мазуты вонючие, – привычно выругался капитан. – Ежа им между булок.

Заместитель невесело улыбнулся:

– Полгода ждали, когда турки проруют фарватер через свои проливы, а встряли в Эгейском море.

Капитан, мрачно глядя вдаль, вздохнул:

– Будет только хуже. Боюсь, что теперь мы сможем по-

пасть в Россию только через дальневосточные гавани.

Эгейское море, как и все шельфовые моря, всегда было мелководным. Спад уровня мирового океана превратил его в комбинацию озёр, протоков и луж. Такая же ситуация сложилась во многих регионах мира. Суэцкий канал, Берингов, Ормузский, Татарский и многие другие проливы перестали быть судоходными. Суша соединила Чукотку и Аляску, Сахалин и континент, Кубу и Флориду, Сицилию и Тунис, Испанию и Африку, Калимантан и Австралию.

Глава восьмая

24 марта 2063 года

Москва

Точно! Солнце!

Бабушка при виде внука как всегда приветливо улыбнулась:

– Мать твоя уехала ни свет, ни заря. Не стала тебя будить.

– Куда уехала?

– На работу, в Сочи.

– Я тоже хочу в Сочи вкалывать, – мечтательно констатировал Яр. – Что так вдруг?

– Не говорит. Что-то важное. Хотела меня с собой забрать.

Но я отказалась. Говорю, кто за Славиком будет присматривать?

Внук заботливо поправил на постели бабушки одеяло:

– Я не против, присматривай. Там последний кусочек лимона остался. Заварить чай?

– Не трогай его. Лучше старый жени.

– Там уже нечего женить: ни цвета, ни запаха.

– Да? Жаль. Думала протяну удовольствие.

– Бузгаешь пустое, а остатки лимона в это время плесне-

веют.

– Смеёшься? В квартире десять градусов. Он скорее замёрзнет. Ладно, заваривай, – она ласково пошлёпала морщинистой ладонью по руке Ярослава.

Вернувшись с чашкой, внук спросил:

– Может, оставшийся кипяток в грелку?

– Я не замёрзла. Лучше скажи: чего ты там всё утро кряхтел и сверлил?

– «Кряхтел»? – удивился внук. – А да, кряхтел. Правда, сам я этого не слышал. Увлёкся.

– Чем?

– Принёс домой новый материал.

– Поздравляю. Получилось?

Ярослав неопределённо покачал головой:

– И да, и нет, – вопрошающий взгляд бабушки продолжал его зондировать, поэтому он расшифровал: – Ты же знаешь, что из всего института здесь остались только Машка, Вит и я. Остались мы лишь для того, чтобы закончить опыты с нашим новым продуктом.

– Знаю, естественно, – бабушка вздохнула при этом. – Полимерные материалы с повышенными криогенными свойствами. Очень важная насущная тема.

– Ну, да. Замена резиновых прокладок, на наши, морозостойкие, было бы для меня хорошим итогом трёхлетнего упорного труда. Но, увы...

– Не получилось? – расстроилась бабушка.

– Получилось то, что получилось. Нет теперь лаборатории.

– Как «нет»?

– Так. Рванула. Гидраты.

– Никто, хоть, не пострадал?

– Бuzмаков маленько штаны испачкал, – усмехнулся внук, – Спасибо, что живой.

– И чего ты кряхтел?

– Пытался приспособить ручку от старого зонтика к нашей субстанции. Но материал такой – ни отрезать, ни оторвать. Даже сверлится с трудом. Три алмазных сверла загубил, пока маленькую дырочку протюкал.

– А что за «субстанция»? – заинтересовалась бабуля.

Внук сбегал в свою комнату и вернулся с синеватым клубком:

– Во! Представляешь, какая странная вещь получилась. Если этот материал попадает в электрическое поле, он приобретает первоначальную форму застывания. В нашем случае он сформировался на поверхности сферического сосуда. Хочешь, фокус покажу?

– Валяй! – бабушка с трудом оторвала шею от подушки. – Ну-ка, подложи мне под голову!

Через пару минут внучок при помощи реостата аккуратно развернул сжавшийся клубок удивительного материала в сияющую блеском зеркального отражения полусферу.

– Ого! – восхитилась бабушка. – Прямо, как солнце сияет.

– «Солнце»? – машинально повторил Ярослав. – Точно!
Солнце!

Глава девятая

24 марта 2063 года США, штат Флорида, Майами Любознательный эксперимент закончился

Стэн Мак-Корми уже неделю не выходил из дома. Он не отвечал на звонки и на запросы по почте. Целую неделю ничего не ел. Только кофе, виски и гаванские сигары. Стэн даже не заметил, что пролетела целая неделя. Что такое неделя? Да и к чему? Всё суета. У него нет перспектив. Нет перспектив у его семьи: дочери, сына, жены. Да что там! У всей страны впереди полный ноль. Абсолютный ноль. Холодный, бесперспективный абсолютный ноль. Земля превратится в снежный ком. Погибнет всё живое. Нет, возможно останутся простейшие формы жизни. Но многоклеточные вымрут абсолютно все. Да и плевать ему на многоклеточные. С венца Статуи Свободы плевать. На всё плевать. Это ничего не изменит...

Обезьяну можно научить петь. Но это не искусство. Это уличный цирк. Обезьяну можно научить считать. Но это не

наука. Это любознательный эксперимент. Наша цивилизация – это чей-то любознательный эксперимент. Отогрели, откормили, научили петь и считать. Посмотрели, что наворотили за эти 12 тысячелетий тепла. Порадовались, посмеялись, похлопали в ладоши. А теперь всё! Любознательный эксперимент закончился.

В научный центр, которым руководит Стэн, стекаются все данные об изменениях температуры воздуха, воды, силе основных течений нашей несчастной планеты. Да, «несчастной». Почему история цивилизованной жизни на земном шарике оказалась столь короткой? Неужели это закон космических масштабов? В молодости он, как и большинство сверстников беспрекословно верил, что вскоре человечество вырвется за пределы земной биосферы. Он очень надеялся, что новая история будет писаться не перечислением войн, не описанием взлётов и падений империй, а осуществлением колонизации новых и новых планет и галактик. Но всё это оказалось пустыми мальчишескими фантазиями. А теперь в истории земной цивилизации поставлена жирная точка. Развитие цивилизации пришло к естественному концу. Да, к «естественному». Все данные говорят о том, что новый ледниковый период нельзя сравнивать с любыми оледенениями, которые системно чередовались в кайнозойскую эру. Да, в ту эпоху оледенения происходили систематически и некоторые из них продолжались до 300 тысяч лет. Но любое кайнозойское оледенение оставляло шанс на выживание. Ледниковые

покровы планеты увеличивались в несколько раз. В той же Европе появлялись могучие ледовые панцири, сравнимые по толщине с ледниковым покровом Антарктиды. Но жизнь в эти суровые времена не прекращалась. Она существовала и даже процветала в более низких широтах. Жизненное пространство сужалось, но не исчезало вовсе. Да, при подобном сценарии развития нового ледникового периода человечеству грозил голод, мор и войны. Но не смерть. Не вымирание. Не исчезновение. Когда началось резкое похолодание, у Стэна вскоре исчезли все сомнения: грядёт новая Ледниковая эпоха. Тёплый межледниковый период, как это было не раз в истории планеты, закончился. Что бы ни говорили апологеты теории глобального потепления, наступление нового ледникового периода неизбежно. Это закон. Космический закон возникновения, жизни и смерти любых звёздных систем. И Солнце в данном случае не исключение. Ему суждено погаснуть. Не сейчас, не скоро, но неизбежно суждено. Но Мак-Корми никак не мог предположить, что развитие нового ледникового периода пойдёт по самому удручающему сценарию. По сценарию, который уже осуществлялся на Земле. Подобное катастрофическое событие имело место в истории планеты. Произошло оно в эпоху Криогения неопротерозойской эры. Начался этот период более 800 млн лет назад и длился целых двести миллионов лет. Тогда вся Земля покрылась сплошным ледяным одеялом. Она стала белой. Не было ни суши, ни океанов. Тишь, да гладь. Даже

облаков не было. Только мороз. Мороз, мороз и ничего другого. Не было умеренного, тропического или экваториального пояса. Жизнь не могла существовать даже на экваторе, так как условия в те времена в этих местах не отличались от климата центральной части Антарктиды. Да, чёрт возьми. Жизнь на Земле вскоре прекратится. И это факт. Об этом говорят все математические модели, построениями которых Стэн занимался всё последнее время. Последние надежды на более мягкий климатический коллапс растаяли. Вернее вымерзли. Да, по должностной инструкции, по званию большого учёного, он, Стэн Мак-Корми, должен был тут же доложить руководству страны о развитии такого сценария. Через десять лет жизнь на Земле исчезнет. Всего лишь через десять лет. Замерзание Земли идёт по нарастающей. Снежный ком, покотившийся под гору истории уже не остановить. По идее, он обязан был доложить об этом. Обязан. Но он даже пальцем не пошевелил. Отныне это всё суета. Ненужная, бессмысленная, бесперспективная суета. Страшно. Ещё ужасней то, что он теперь знает о грядущей катастрофе. Знает. И это знание давит, душит, разрушает его. Жаль, очень жаль. Лучше бы он был обыкновенным человеком: служителем банка, продавцом, рабочим. Но не учёным. Учёным, которому первым суждено познать, что ящик Пандоры уже не захлопнуть. В ближайшие 10 лет Земля замёрзнет. Это будет страшная картина. Катастрофа. Погибнут все: родные, знакомые и просто неизвестные ему люди. Страшно погибнут.

В ужасе и в страданиях. Невозможно представить будущий апокалипсис. Да и зачем? Жутко. Просто жутко. Именно поэтому ему не хотелось ни о чём думать, а тем более что-то делать. Он прожил долгую жизнь. Считался большим учёным, уважаемым человеком, примерным семьянином. Но главное предназначение его «примерной», но в то же время, столь суетливой человеческой жизни, по большому счёту, оказалось всего лишь одно: сообщить всем о надвигающейся смерти. Он представил доктора, сообщающего родственникам о гибели пациента. Бр-р-р... Восемнадцать миллиардов пациентов. И сообщить о смерти надо не одному-двум, а всем. Абсолютно всем. Ужас! Дикий ужас. Такое невозможно даже представить. И что дальше? Ему не хотелось думать, что будет дальше. Уже не хотелось. Боль. Головная боль и полное опустошение. Вот всё, что он чувствовал в настоящий момент. Нет, не всё. Кроме этого, ещё нудно и противно щемило сердце. Боль. Что будет с семьёй, со страной, с миром? Ничего хорошего уже не будет. Плевать. Теперь на всё уже плевать. Он не хотел быть свидетелем вселенской катастрофы. Для себя он уже всё решил.

Стэн затушил сигару, хлебнул из бокала глоток виски и взял в руки пистолет. Через мгновение предсмертная записка, лежащая на столе поверх научных данных о наступлении конца света, покрылась мелкими брызгами алой крови.

Глава десятая

28 марта 2063 года

Москва

Не люблю незаконченных дел

Несколько дней, да и ночей тоже, Ярослав не отрывался от расчётов. Он выводил химическую формулу полученного вещества и разрабатывал техусловия его массового производства. Причину и следствие получения удивительного материала понять было трудно. Только компьютерное моделирование вывело молодого учёного к пониманию структурного взаимодействия атомов и радикалов. Слава богу, что при аварии в лаборатории не пострадали жёсткие диски устройств, фиксирующих всю цепочку технологического процесса. Это здорово помогло. Он смог составить всеобъемлющую картину неожиданного открытия. Суть этого удивительного явления предстала перед ним в полном блеске научного обоснования. Вот оно что! Энтропия бесполезного рассеивания энергии воплотилась в промежуточном вполне сбалансированном и достаточно устойчивом состоянии вещества, кристаллическая решётка которого удерживается электрическим полем. Теперь понятно всё...

...После серии практически бессонных ночей, Шелихов сладко спал. Спал умиротворённым сном изобретателя, который накануне крикнул «Эврика!» Ну, или «Ни хрена себе»! Его разбудил голофон. Рядом с кроватью возник во весь рост Грязнов.

– Просыпайся, Шелих! – призвало голографическое изображение старого дружка.

– О! Лёха! – потянулся в кровати Яр, пробубнив сквозь зевание: – Ты опять забыл, что у нас ещё утро.

– Какое забыл? У вас уже десять. Чего так долго дрыхнешь?

– Точно! – Шелихов взглянул на часы. – Я только под утро лёг. Работал.

– Всё незамерзающие прокладки изобретаешь?

Ярослав вскочил с кровати и поделился радостью:

– К чёрту прокладки! Здесь такое!

– Так-так, – Грязнов сложил руки на груди. – Слышу в голосе причастность к мировой сенсации.

– Смейся, паяц! Но вскоре ты будешь локти кусать, что бросил нас и слинял в Джакарту.

– Ой-ой-ой! Материальчик получился удачным? – Лёшка уничижительно сделал ударение на слове «материальчик».

– Да ну тебя! Вот что тебе объяснять? Материальчик получился на загляденье. И не просто материальчик! Не просто итог нашего общего кропотливого труда. Это послание

бога. Это спасительный круг для всего человечества!

– Да чего там для человечества, – продолжал ёрничать Лёшка. – Бери выше – для вселенной.

– «Для вселенной»? А знаешь, ты прав. С помощью нашего изобретения можно колонизировать Марс! Точно! Можно!

– Что-то ты не в меру возбуждён. Не стал ли ты, друг мой, баловаться психотропными?

– Дурак! Я тебе правду говорю! Мы обогреем Марс. Растопим его вечные льды, воссоздадим атмосферу.

И Ярослав принёс палку с шаровидным наростом на конце.

– Ну, теперь понял причину моей радости?

– Нет, не особо.

– А так? – Шелихов нажал кнопку и клубок развернулся в полусферу.

– Зонтики я и раньше видел.

– Тупица. Материал, который ты сейчас видишь, весит всего лишь 32 грамма. Одним запуском в космос мы можем вывести десятки тысяч таких клубков. Там мы заставим их распределиться по орбите. По специальной программе эти клубки будут распускаться в полусферические зеркала, которые, перенаправляя дополнительные солнечные лучи, станут греть с заданными нами параметрами Землю. Я замерял, зеркальная поверхность этого материала отражает весь спектр излучений практически на сто процентов.

– Это зеркальное отражение?

– И диффузное, и зеркальное! Любое. Уникальный материалчик получился.

– Проха, это на «нобеля» тянет. У тебя и расчёты есть?

– Есть! Всё есть! Ты понимаешь, что это за штука? Это новый «Прометей». Прометей, который покончит с ледником навсегда, – захлебнулся завлаб в восторге. – Погоди, кто-то пришёл.

Ярослав включил голографический экран «умного дома». На одной из вложенных картинок перед дверью подъезда стояли Мара и Вит. Шелихов хлопнул в ладоши:

– Барабашка,пусти гостей, – и тут же переключился на гостя из тёплой страны: – Давай, рассказывай, как там жизнь за бугром?

Но голографического изображения друга уже не было.

В комнату ворвался Бузмаков, а за ним Кузнецова. Мара сразу озадачила начальника:

– Слышал, объявили срочную эвакуацию. Через шесть дней в Москве не останется никого. Отключат связь, электричество и всё остальное.

– Хреново, – Ярослав недовольно дёрнул головой.

– Чего, «хреново»? – не понял Вит. – Собирайся побыстрому. Там два места освободилось. Я для тебя и бабульки твоей зафрахтовал. Караван отправляется через два с половиной часа.

– Я не поеду, – затряс головой Шелихов.

– Сдурел? С дуба рухнул? – удивился Бузмаков. – Что случилось?

– Ребята! Я всё просчитал, – и Ярослав рассказал о своей идее, как обогреть земной шарик.

– Ничего себе! В мою голову такое прийти не могло! – Мара уставила на начальника восхищённый взгляд. – Шелихов, ты просто гений! Ты величайший гений! Как ты додумался?

– Бабушка подсказала.

– «Бабушка»?

– Бабушка.

– Таисии Валентиновне нужно поставить памятник, который был бы виден из любой точки мира, – веско вставил Бузмаков.

– Но я не возьму в толк, – напряглась девушка. – Ты говоришь, что уже состряпал всю теоретическую часть. Чего тогда ехать отказываешься?

– И как ты тут останешься? – в тон девушки добавил Вит. – Это не шутки. Всё вырубят. Здесь не выжить.

– Да поймите вы! Теория – теорией. Но для её подтверждения надо провести серию удачных опытов.

– Так материал уже есть. Вот же он, – указал на развёрнутую полусферу технолог.

– Он у нас получился случайно. Случайный результат – это не доказательство. А вдруг в моих расчётах ошибка? Мы доберёмся до Большой земли и всё изложим в докладной. Нам поверят, вложат средства, а ничего не получится. И то-

гда задвинут нас вместе с нашим материалчиком за пределы научной «ойкумены». И уже никогда, вообще никогда, не будут слушать, как ни надрывайся. Хоть на голове прыгай, хоть вопи во весь голос. Не будут. Неподходящее сейчас время для неудач. Надо действовать наверняка.

– Это понятно! Понятно! – заершился Бузмаков. – Но что ты здесь в брошенной Москве собираешься делать?

– Надо доказать нашу правоту эмпирическим путём. Я буду ставить опыты, пока не отполирую технологию. Ошибок быть не должно.

– Один? И где, на чём? – не унимался Бузмаков. – После взрыва всё превратилось в хлам.

– А мне уже не нужна большая лаборатория. Я буду работать в малой. Там достаточно приборов, пусть не промышленных масштабов, но всё же приборов. Причём любых. И пары граммов полученного вещества будет достаточно, чтобы понять, что мы на верном пути. И к тому же: для проведения опытов в таких масштабах достаточно одного меня. Поэтому езжайте.

Шелихову удалось уговорить своих подчинённых не отказываться от поездки. Мало того, он вручил им пояснительную записку, все расчёты и для наглядности зонтик.

– Дуйте сразу к Соболевскому, – напутствовал Ярослав. – К Натанычу даже не суйтесь – толку не будет. Только в крайнем случае идите к нему или к Рашеву.

Владимир Натанович Гольдберг – это директор институ-

та, в котором работали молодые учёные. Рашев – его заместитель. Академика Соболевского знали все. Он был светилом современной российской науки. Просто, светилом.

Бузмаков всё же поинтересовался:

– А ты как без техусловий и документации будешь опыты ставить?

– У меня всё всегда с собой, – постучал по голове завлаб.

– Чёрт! Мара, нам пора. А то опоздаем, – засуетился Вит.

Бабушка ехать отказалась наотрез:

– Даже не думайте и не зовите. Я вообще здесь хочу умереть. А если не суждено, то вместе со Славкой уеду.

Когда ребята удалились, Шелихов вернулся в свою комнату, обдумывая создавшуюся ситуацию. Он твёрдо решил довести разработку этого нежданно-негаданно получившегося вещества до технологического уровня. Из раздумий его вывел голос Лёшки:

– Зря ты остался в холодной Москве.

– А, ты ещё здесь!

– Здесь, – посреди комнаты вновь возникла ростовая голограмма Грязнова, – Не хотел мешать. А то ребята могли опоздать. Ой, Шелих, рисковый ты! Даже не могу подобрать более точного эпитета. Или ты полный идиот, или слишком умный, раз надеешься выжить в толще ледника, – прозрачная голограмма покачала головой. – Я бы так не смог.

– Дело надо закончить. Не люблю незаконченных дел.

Глава одиннадцатая

28 марта

Сочи

Полный пердимонкль

За окном кабинета старательно валил снег, не обращая никакого внимания на то, что уже давным-давно наступила календарная весна. Весна ни где-то на севере, весна на самом юге страны – в Сочи. Теплее места в России не было, нет и уже не будет.

Президент обвел взглядом сидящих за овальным столом членов Совбеза:

– Я сегодня собрал вас по экстренному случаю.

– Других в последнее время не наблюдается, – пробурчал себе под нос министр финансов, с «говорящей» фамилией Ларчиков.

Сидящий рядом министр обороны толкнул его локтем и шёпотом спросил:

– Ты в курсе, зачем нас собрали?

– Не-а.

Президент стукнул по столу кулаком. Это было неожиданно. Все вздрогнули. За четыре года своей работы в долж-

ности главы российского государства Стрекалов никогда не позволял себе даже повысить голос.

– Вы сюда болтать пришли? Если хочется болтать – встаньте и выйдите! Мы других найдем. А если нет – тогда слушайте внимательно.

– Извините, Юрий Константинович, – министр обороны расправил плечи, показывая своим видом крайнюю степень сосредоточенности.

– Первое... Внимание сюда! Ларчиков!

– Я весь во внимании, шеф!

– Так вот, первое... Наши аналитики обработали новые данные по Солнцу. И составили три новых модели его поведения на ближайшую перспективу. Сразу скажу, что все модели значительно хуже предыдущих, – он вновь обвел взглядом присутствующих и мрачно добавил: – Значительно хуже.

Среди членов Совбеза прошел шумок.

Президент продолжил:

– Арсений Сергеевич, ознакомьте всех с вашими выводами.

Академик Соболевский поднялся со своего места.

– Можно не вставать, – заметил Стрекалов.

– Мне так удобней.

Президент махнул рукой в знак согласия.

Академик, потеряв свою седую бороду, начал:

– Все три аналитических группы, которые независимо друг от друга работают над составлением прогнозов изме-

нения климата, пришли практически к одним и тем же выводам. Их компьютерные модели поведения Солнца на ближайшие десять лет, с учетом данных последнего года, указывают на ускорение снижения активности нашего светила. Мы надеялись, что, согласно одной из прошлых моделей, в январе— марте этого года произойдут изменения в положительную сторону. Но на самом деле этот период стал самым худшим за последние двадцать семь лет, т.е. с того самого времени, когда на поверхности нашей звезды последний раз наблюдалось пятно, указывающее на фазу улучшения солнечной активности. Очередной одиннадцатилетний цикл, которым раньше было обусловлено поведение Солнца, вновь не зафиксировал даже примерных закономерностей, наблюдаемых человечеством на протяжении всего предыдущего времени развития цивилизации. Всё говорит о том, что надо готовиться к худшему.

– Понятно, Арсений Сергеевич. Обрисуйте вкратце, чего ждать нашей стране в ближайшее время.

– По наименее негативному сценарию, формирование многолетних ледниковых наслоений остановится на линии Белгород – Саратов – Оренбург. Западную Сибирь мы потеряем в любом случае. Уже сейчас на территории Тюменской, Омской и Новосибирской областей идет интенсивное накопление стоков рек бассейнов Оби и Енисея. Им препятствует Западно-Сибирский ледниковый панцирь, южная граница которого проходит через Тобольск. Намерзание стоков си-

бирских рек, текущих на север, привело к беспрецедентному росту Западно-Сибирского ледникового щита, толщина которого во многих местах уже превышает один километр. Даже при возвращении климатических условий, которые мы называем условным климатическим максимумом конца двадцатого века, надеяться на быстрое отступление таких масс льда не приходится. Для этого понадобится более ста лет. Поэтому все территории, которые ледник ещё не захватил в Западной Сибири, будут затоплены стоками Оби и Енисея. Избытки сточных вод будут перетекать по Тургайской ложбине Казахстана в Туранскую низменность. Переполняя, таким образом, Арал. А из него через русло Узбоя сибирская водичка поднимет уровень Каспийского моря. Это информация могла стать положительной для нас при более позитивном развитии ситуации.

– Почему? – переспросил Стрекалов.

– Мы могли бы договориться с турками и перекрыть Босфор плотиной.

– Это зачем?

– Если этого не сделать, Чёрное море окончательно станет мелководным озером, так как его воды быстро уходят в стремительно мелеющую котловину Средиземного моря. А построив плотину, мы могли бы подпитывать традиционный уровень Чёрного моря через Кумо-Манычскую впадину за счёт излишков каспийских вод.

– Понятно. С этим всё ясно. Насколько я понимаю, строи-

тельство босфорской плотины нам не понадобится из-за того, что ситуация изменилась. Так-с, про Западную Сибирь ты закончил. Что дальше на восток?

– Восточная Сибирь нами уже сейчас практически покинута. Формирование льда там идет сразу в нескольких центрах. Но не будем забывать, что и до этого на большинстве этих территорий ледник существовал. Просто мы называли его «вечной мерзлотой». Теперь оледенение прошлых фаз эпохи неолита объединилось с современным. Перенаправление водостока Лены в систему Амура было правильным решением, благотворно повлиявшим на ситуацию на востоке Сибири. Благодаря этим усилиям значительно снизилась интенсивность намораживания льда, что привело к более эффективной эвакуации населения на Сахалин и в Приморский край. Восточная Сибирь будет необитаема по любым моделям изменения климата на ближайшие лет сто.

– Понятно, понятно, – оборвал его Стрекалов. – А что по второму и третьему сценарию?

Академик вздохнул, чуть потупив взгляд, и негромко произнёс:

– По второму и третьему сценарию всё гораздо хуже. Наша планета замёрзнет полностью. Весь океан будет покрыт толстым слоем льда. Не спасутся даже обитатели экваториального пояса. Погибнет всё живое. По второму сценарию примерно через сто лет. По третьему – в ближайшие двадцать лет.

В зале застыла мерзкая, липкая тишина. Стало слышно, как снежные льдинки стучатся в окно.

– Полный пердимонюкль... – прошептала Ольга Самборская, советник президента по науке.

Сидевший рядом с Ольгой Аркадьевной начальник ФСБ, как ему и положено, услышал это высказывание:

– Этот термин не отражает сути. Пердимонюкль – это нечто, вызывающее сильное удивление. А в данном случае...

– Иди в задницу! – огрызнулась лёгкая на язычок женщина. – По сути, может, и не отражает! Но по звучанию – в самую точку!

Президент обратился к Джужоме:

– Игорь Артёмович, что вы там шепчетесь? Есть, что добавить?

Начальник ФСБ поднялся со своего места и кивнул:

– Есть. Наша агентура сообщает, что американские учёные также пришли к выводу, что третий сценарий неизбежен. Только по их расчётам, земной шар полностью замёрзнет уже через двенадцать лет.

– Не может быть..., – озвучил своё мнение министр финансов.

– Может, – возразил ему Соболевский. – Земля последовательно покрывается снегом, который отражает солнечный свет. С каждым днём наша планета получает всё меньше и меньше солнечной энергии. Замерзание идёт с нарастающими темпами.

– А, понял: по геометрической прогрессии, – попытался стряхнуть пыль с багажа знаний Ларчиков.

Академик только грустно ухмыльнулся:

– Если бы... Геометрическая прогрессия здесь и рядом не стояла.

Чёрный словно туча, Стрекалов медленно обвёл всех присутствующих мрачным взглядом, гробовым голосом произнёс:

– Нас может спасти только прорывная идея. Если быть точным – только чудо. Есть мысли на этот счёт?

Ему никто не ответил. Все, словно троечники перед строгим учителем, упёрли взгляды в пол.

Глава двенадцатая

28 марта

Москва

Контакт! Есть контакт!

Ярослав никак не ожидал появления Мары:

– Ты почему не уехала? Случилось что-то?

– Нет. Всё нормально.

– Почему тогда ты здесь?

– А что мне делать там?

– Спасаться.

– Теперь никто не знает наверняка, где самое безопасное место. А просто так создавать толпу, вместе со всеми плакать и рыдать, пересказывая страшные новости, мне не хочется. Я не привыкла ничего не делать в ожидании неизвестности.

– Здесь легче что ли?

– Да, «легче»! – произнесла девушка с нажимом, словно пытаясь эмоциями прекратить поток очевидных вопросов. – Здесь я буду при деле. А это всегда легче. По крайней мере для меня.

– А документы? А наше изобретение? Это разве не важно? Ты считаешь, что это пустячки?

– Не считаю. Но их Бузмаков и без меня передаст. Не надорвётся.

– Вит уехал?

– Уехал. Я его уговорила. Убедила! – она повысила эмоции в голосе до предела.

– Угу, ты кого угодно убедишь, – буркнул в ответ завлаб.

Кузнецова приехала с вещами, то есть насовсем. Ей постелили на кухне, так как другие комнаты уже не обогревались.

Ярослав долго не мог заснуть. За себя он не переживал. Но теперь ему было за кого переживать. Сначала в нагрузку к его и без того сложной задаче с ним осталась бабушка. А теперь ещё и Мара. Наворчавшись вволю, он уже почти заснул, когда до него стали доноситься приглушённые звуки, похожие на чей-то негромкий разговор. «Странно, кто это там бубнит? А, наверное, Мара с кем-нибудь по голофону общается», – подумал изобретатель, натягивая одеяло на голову. Но в этот момент он услышал, как дверь в его комнату тихонько отворилась. Это были не галлюцинации. Дверь на самом деле открылась. На пороге стояла девушка, силуэт которой обозначал свет, едва проникающий сюда из кухни.

– Мара? – удивился Ярослав, садясь в постели.

– Можно зайти?

– Естественно. Тебе всё можно.

– Звучит обнадеживающе.

Она вошла и осторожно присела на край кровати. Они смотрели друг на друга и молчали. Молчали и смотрели.

Никто не решался сказать хоть что-то. Хоть что-то пустяковое, хоть что-то важное. Мара посчитала, что она и без этого совершила невероятное, сумев перешагнуть через собственные фобии. Девушка никогда не предполагала, что когда-нибудь сможет так смело зайти в комнату Яра. Что же он молчит? Пауза затянулась и стала тягостной. Наконец парень кхекнул, выдавив комок из горла, и прошептал:

– Мне показалось, что ты с кем-то разговаривала.

– С бабушкой. Она меня разбудила.

– «Бабушка»? Зачем?

Мара улыбнулась:

– У тебя удивительная бабушка. Просто улётная бабулечка. Она сказала: «Я вижу, что ты его любишь. Иди. А то этот телок так до конца жизни и не отелится. Он тоже тебя любит. Но не надейся – он не придёт. Поэтому иди сама. Другого момента может и не представиться. Иди... Вы не будете счастливы друг без друга. Я знаю». Вот так вот... Так она сказала.

Ярослав не знал, что ответить. Он был скован. Нет не потому, что ситуация для него была тягостной. Тягостной из-за того, что его заставляют поступать так, как он не хочет. Нет, всё не так. Всё, наоборот. Конечно, бывают в жизни случаи, когда не любишь человека, а он заставляет тебя взглядом или поступками зависеть от него, поступать якобы правильно, но не согласно велению твоего сердца. Такая мнимая зависимость создаёт ощущение, что ты этому «нелюби-

мому человеку» чем-то обязан. Он же любит тебя! Он страдает! И ты, якобы, должен его чем-то ублажать, беречь и обещать. Но в данной ситуации всё было не так. Всё было совсем не так. Тем не менее, решиться на близость с любимым человеком Ярославу было непросто. Он уже был не мальчиком по возрасту, давно перешагнув через физиологический период влюбчивости и гиперсексуальности. Но по отсутствию прошлых историй лирических взаимоотношений, по девственности сердечных чувств, он был школяром. Никакого жизненного интимного опыта у парня не было. Ни отрицательного, ни положительного. Девственник, отдавшийся навеки единственной возлюбленной – науке. Он ещё не решил готов ли взять на себя ответственность любить Мару. Звучит слишком сухо и формально. Но это так. Она ему нравилась, очень нравилась. Даже на работе, когда они находились слишком близко друг к другу, сердце всегда напоминало о том, что он мужчина, а она женщина: стуком в висках, волнением в груди. Но Шелихов постоянно старался решение сердечного вопроса отодвинуть на второй план. Учёный, одним словом. Или трус? Может, недостаточно любил? Оставим догадки на потом. А пока он был счастлив тем, что девушка сидит на его кровати и в приглушённом свете ночника не видит пунцовый цвет его лица. Наконец он прошептал:

– И ты её послушалась?

– Дурак, – не зло произнесла Мара и поднялась с кроватки.

ти. – Я всего лишь пришла пожелать тебе спокойной ночи. Спи, спокойно. Это сон. Это почти сон.

Девушка двинулась к двери. Звонко брякнули бокалы в её руке. Этот звон наконец-то вывел парня из оцепенения. Что ты за идиот! Ведь ты же её любишь! И она тебя тоже. Меня? За что? Не может быть. Может, придурок, может. Это же ясно, как аксиома. Это не требует доказательств. Она сама пришла. Ты всегда чего-то боишься. Ты боишься попасть в глупую ситуацию. Ты боишься, что тебя неправильно поймут. Ты боишься навязываться. Но здесь всё не так. Правильно бабушка сказала – ты телок! Губка поролоновая! Ты ни на что не годишься. Ты придурок! И он рванул к дверям, опередив девушку.

– Стой, стой, стой! – Ярослав ухватился за её плечи и развернул к себе лицом.

Они стояли в проёме открытой двери, слегка освещаемые кухонным светом. Шелихов, осмелев, смотрел прямо, любуясь очертаниями взволнованного женского лица. Мара слегка потупила взгляд, стараясь не смотреть на нерешительного возлюбленного. Почему? Потому. Потому, что жизненный эксперимент должен быть в идеальных условиях. Если она даже взглядом будет в него вмешиваться – это не чистый эксперимент. Это за уши притянутый результат. Она ждала развязки. Она очень любила Яра. Она давно его любила. Ещё до того, как перешла на работу лабораторию. Да и перешла она туда только благодаря своим стараниям. А старалась она

изо всех сил только потому, что очень любила его. Круг замкнулся. Давным-давно замкнулся. И из него не было выхода. Замкнутый круг. Кольцо. Или петля? Неизвестно. Пока неизвестно. Ярослав, как ей казалось, не обращал совсем никакого внимания на то, что рядом с ним постоянно находится очень хорошенькая женщина. Женщина, готовая связать с ним свою судьбу по первому взмаху его руки. По искорке в его глазах. По намёку на улыбку. По изгибу пальца. Только помани. Только позови. И я приду. Сразу приду. Прибегу. Без раздумий. Позови, Слава... Позови...

– Это что? – указал Шелихов на бутылку и два бокала, которые он только сейчас увидел в руках девушки.

– Это вино. Бабушка дала. Сказала, что «Каберне» – напиток любви.

– Где она его взяла?

Так можно долго разговаривать ни о чём. Мара слегка поморщилась. Ситуация стала невыносимой. Унизительно сделать первый шаг и не найти отклика с другой стороны. Всё это мало походило на страстную сцену взаимного признания в любви.

– Не знаю. Я замёрзла. Иди спать, Ярослав. Отложим распитие бутылки до лучших времён.

– До каких? Когда закончим лабораторные испытания?

Она только вздохнула в ответ:

– До тех пор, пока ледниковый покров сойдёт не только с лица земли, но и с сердец некоторых землян.

На кухне брякнула чайная ложечка. Бабушка на кухне? Ничего себе! Она же неходячая?! Точно, как я сразу не сообразил? Мара сказала, что в её комнату пришла бабушка...

Шелихов прошмыгнул мимо девушки. Бабуля сидела за столом и пила чай. Увидев внука, покачала головой.

– Ну вот, что я говорила? Телок, – обратилась она к Маре, обозначившейся за плечом Ярослава.

– Бабулечка, ты ходишь!?! – удивление Ярослава было неподдельным.

Было чему удивляться. Три года тело пожилой женщины прочно ассоциировалось исключительно в тандеме с кроватью. И вдруг она сидит.

– Ты мёртвого из могилы поднимешь своей инфантильностью.

– Но как?

– Не знаю, чудо.

– Сегодня?

– Давно. Но начинала с малого. Чего обо мне болтать, дурачок. Я бы ни за что не осталась обузой на твоей шее, если бы не поднялась с кровати. Чего встал? Славка, не будь телком. Другого в твоей жизни не будет. Нет вариантов. Она же тебя не простит. Не простит унижения. Я бы такого ни за что и никогда не простила. Сделать первый шаг самой не просто. Это героический поступок, – бабуля не выдержала и взорвалась: – А ты телок, давай, сиди с бабушкой! Сиди! Чего тебе ещё в жизни надо?

Ярослав качнулся всем телом и перевёл взгляд на девушку. Она не смотрела на него, уставившись куда-то в сторону. В косяк кухонного проёма. Мара! Бабуля права. Я придурок. Ты не простишь. Я сам себе не прощу. Ярослав наконец понял, что, если сейчас он не возьмёт инициативу в свои руки, этот волнующий момент в его жизни так и останется досадной оплошностью.

– Мара!

Но девушка уже созрела, чтобы вернуть всё на круги своя:

– Если можно, покиньте помещение. Я хочу спать. День был трудным...

...Сна не было. Чему тут удивляться? Дурак, ты, Ярик. Ой, дурак! Счастья своего не видишь. Не просто не видишь, но и отталкиваешь его от себя всеми возможными способами. Навертевшись, накрутившись, наворочавшись вдоволь, Шелихов отправился по направлению к кухне.

Здесь было темно и тихо. Но свет, проникающий через открытую дверь из коридора, высветил плечи и голову девушки, торчавшие из-под одеяла. Она лежала, отвернувшись к стене.

– Мара, ты спишь? – шёпотом спросил Ярослав.

Она тут же резво развернулась:

– Нет, не сплю! Страдаю, вся в слезах! Меня разрывают чувства! – неожиданно Мара перешла на интимный шёпот: – Голос милого звучит колокольчиком в ушах, пробуж-

дая чувства. Его мужественный профиль видится в туманном от слёз взгляде. Ты здесь, милый? Ты явился? Возьми меня! Я твоя... – произнесла она нежно и проникновенно. Но тут же перешла на откровенную грубость: – Ты это от меня хотел услышать? Шелихов, иди спать!

– Маша, Машенька, – Ярослав осмелел и присел на краешек кухонного дивана. – Не обижайся. Бабушка встала – эта новость номер один. Она три года лежала в параличе. Ну, что ты? У нас ещё много времени впереди. Какие наши годы?

Девушка натянула одеяло на голову. Изнутри этого «саркофага» глухо донеслись язвительные слова:

– Конечно, ты абсолютно прав. У нас ещё вся жизнь впереди. Огромная бесконечная жизнь. А если мы здесь замёрзнем, нас откапают через миллион лет и оживят. Представляешь, у нас целый миллион лет. Лежи спокойно, друг мой и не дёргайся. У нас куча времени. А разницы нет: что ты замороженный будешь лежать, что совсем холодный ко мне, хотя и живой!

– Ты сегодня не такая, как всегда...

Она вновь откинула одеяло с лица и перебила:

– Шелихов, иди спать. Поздно уже в уши лелей лить. Тем более, что ты на это не мастак.

Не мастак, не мастак... Слова обидные. Но не они подвигли парня к решительным действиям. А ведь она права – годы летят. Ещё как летят! Если он сейчас уйдёт, они так и пролетят бездарно, канув в безвозвратную бездну. Впрочем, он

об этом не думал. Он это чувствовал. Он положил руки на одеяло и слегка стянул его вниз. При этом его рука коснулась оголённого плеча.

Контакт! Есть контакт! Иногда достаточно одного контакта, чтобы двигатель взвыл на самых высоких оборотах.

В следующий момент он её обнял. Обнял жарко и страстно. Губы искали губы... Руки искали тело... А сердце искало сердце... Нашлись и слились в жаркое пламя. В пылающий факел любви в центре холодной льдины.

И Бутылка «Каберне» была испита до дна вместе с чашей любви...

Глава тринадцатая

30 марта Бочаров ручей, Сочи Ковчег

Президент уединился с начальником ФСБ в кофейной комнате, которая служила помещением для разговора тет-а-тет. Запив глоток горячего кофе ледниковой водой, Стрекалов негромко обратился к собеседнику:

– Игорёк, я просил, чтобы эта комната всегда была чистой.

– Да, Юрий Константинович, так оно и есть. Мы систематически проверяем. Ничего нет.

– Странно, – президент откинулся в кресле и замолчал, зондируя поведение подчинённого.

– Что «странно»? – не понял Джужома.

– Странно: ты говоришь, что всё чисто, а обращаешься ко мне по имени отчеству, как будто нас подслушивают.

– Извини, Юра, замотался. Не обращай внимание – я туплю в последнее время.

Стрекалов слегка усмехнулся:

– Как раз сейчас это ни к чему. Сейчас от тебя требуется предельная собранность.

Игорь Артёмович всем своим видом показал, что он внимательно слушает. Президент продолжил:

– Ты в курсе, что шансы на третий вариант развития событий набирают высоту. Они всё выше и выше. С каждым днём. У нас нет времени. Почти нет.

– Согласен, – кивнул Джужома.

– Промедление смерти подобно. Не помню, кто это сказал. Но он сказанул верно. Вот об этом я и хотел с тобой поговорить.

– Слушаю.

– Надо что-то делать. Страну не спасти и планету, очевидно, тоже. Через двадцать лет всё устаканится и успокоится навеки. Но не буду гнать волну, ты знаешь не меньше меня. Возможно, даже больше.

Джужома зафиксировал закрытие глаз. Это означало полное согласие с услышанным. Его визави продолжал излагать в своей привычной «президентской» манере, позабыв, что перед ним сидит человек, знающий его как облупленного:

– Нам народ, судьба и история поручили спасти человечество от полного вымирания. Этим мы должны заняться, отодвинув всё остальное на второй план. Всё остальное тленно. Этот мир уже на пути в могилу. Гиблый вектор развития ситуации, как это ни горько звучит, не переломить. На то божья воля. Но мы можем, мы способны... Подчеркну: не просто способны – мы обязаны спасти человечество. Как спас его Ной во время потопа. Понимаешь меня?

– В принципе, да. Ной не спасал всех. Он спас избранных.

Видимо, есть возможность создать убежище?

– В точку. За что тебя и люблю – за сообразительность.

– И что это будет?

– Сначала хочу тебя предупредить: об этом не должен знать никто. До поры до времени даже с Сарочкой не делись.

– Так Марго ей расскажет.

Жёны Джужомы и Стрекалова были близкими подругами.

– Не расскажет. Она ничего не знает. Юра, так надо. Если это просочится наружу – нас порвут. Мы исчезнем ещё до полного обледенения планеты.

– Понял, – скепсис всё же проскользнул в интонации начальника ФСБ. Шила в мешке не утаить.

– Раз «понял», то первое, что ты должен сделать – это изолировать всех, кто в курсе этого проекта и кто будет работать над ним. Это должно быть сделано сразу после того, как ты закроешь дверь моего кабинета.

– «Изолировать»?

– Да! Не в смысле «изолировать от жизни». А в смысле «изолировать от всех». Чтобы и от них не было утечки, и с ними извне не было никакой связи. Несанкционированной нами с тобой связи.

– Понятно. Но как? Каким образом?

– Решай сам. Я даю тебе в этом деле запредельные полномочия. Такие, как Сталин давал Берии для разработки атомной бомбы. Всё, что тебе понадобится, бери и решай вопрос.

Игорёк всё надо делать очень быстро. Очень. Речь идёт о нас с тобой, о России-матушке, о судьбе всей цивилизации, – Стрекалов вновь свалился на привычную патетику.

– Да понял, понял. Только ты пока не сказал в чём суть. Конкретики не хватает.

Президент откинулся в большом мягком кресле и через паузу высказался:

– Это Соболевский предложил. Голова у него варит. Не зря мы его поставили во главе Академии наук. Ты, наверняка, знаешь о Долине гейзеров.

– На Камчатке? Естественно.

– «Долина» – звучит так, словно это большое пространство. В действительности же она совсем миниатюрная. Но на территории этой малютки очень большой выход гейзеров, горячих источников, озёр и рек. В этом наше спасение.

– Купол будем строить?

– Точно. Молодец! Хватает на лету. Земля вскоре замёрзнет, но её недра спасут нас. Арсений просчитал примерное выделение тепла в данной точке земного шарика и утверждает, что его вполне хватит для обогрева нового ковчега человеческой цивилизации. Миниатюрного такого домика, который будет иметь площадь порядка девяти тысяч квадратных км.

– Погоди, погоди – «тысяч»? Ты уверен?

– А! – Стрекалов махнул рукой и засмеялся. – Я оговорился. Не привык к таким мелким масштабам. Конечно же речь

идёт о девяти квадратных километрах. Это сколько гектар?

– Девятьсот.

– Девятьсот дальневосточных гектар... О, совсем ничего. У некоторых в недавнем времени загородные дома были больше. Но нет времени на пустую болтовню. Соболевский рассчитывает, что в таком ковчеге смогут долгое время выживать 50 тысяч человек.

– На девяти квадратных?

– Да, на девяти. Я тоже сначала не поверил, но затем заглянул во всемирную энциклопедию. В Монако сорок тысяч человек проживало на двух квадратных километрах.

– Но вряд ли жители Монако употребляли только то, что выращивали и производили сами.

– Резонно. Я такой же вопрос задал. Он начал говорить про выращивание грибов в подземных пещерах, растений в подвесных садах и про прочую лабуду. Тем не менее, я согласен скорее с тобой, а не с ним. Мы должны составить списки на пятнадцать тысяч человек и на десять тысяч обслуживающего персонала.

– А не мало ли будет?

– Тебя не поймёшь: пятьдесят – много, двадцать пять – мало.

– Я не о том. Не мало ли 10 тысяч рабочих, чтобы кормить пятнадцать тысяч человек?

– Может, и мало. Узнаем позже. Но думаю, что списки нам надо составлять на пятнадцать тысяч человек. С несписоч-

ным персоналом мы решим позже. Раз Соболевский говорит о пятидесяти тысячах – значит, численность работников мы всегда можем увеличить.

– Понятно.

– Кстати, сразу про работников. Ты, помнится, рассказывал про разработку специального чипа для приговорённых к высшей мере.

– Он давно изобретён. Ещё двадцать лет назад. Лежит и ждёт своей участи.

– Напомни, в чём суть.

– Чипированный преступник перестаёт быть таковым. Он лишается возможности самостоятельно мыслить и принимать решения. «Чип-зек» будет делать то, что заложено в программу чипа. Мало того, даже самая трудная и примитивная работа будет доставлять ему естественное физиологическое удовольствие. Здесь речь идёт о завязке чипа с рецепторами получения кайфа.

Джужома неприятно улыбнулся. Но Стрекалов оставался предельно серьёзным:

– Хорошая штука. Я думаю, что мы сделаем на неё ставку при решении вопроса о работниках. Чего так смотришь? Там всего 9 квадратов. Все на виду будут. Зависть – одна из причин бунтов. Надо предусмотреть, чтобы в нашем историческом ковчеге не было никаких революций. Даже поползновений не было. Даже болтовни о ней.

– Соглашусь, – кивнул начальник ФСБ. – С этим проблем

не будет. Можем хоть завтра начать массовое чипирование.

Президент поморщился:

– Рановато пока.

– Кого в списки включим?

– Пока составляй расширенный список: правительство, естественно; учёных всяких нужных; артистов, как без них; интеллигенцию вшивую тоже придётся брать. Да, жалко, что теперь деньги уже практически ничего не решают. Можно было бы продавать входные билеты на аукционе, – президент осклабился от своей «шаловой» мысли. – Это был бы самый дорогой аукцион в мире...

– Зачем нам интеллигенция? Давай лучше девчонок побольше, так сказать, для сохранения генетического материала...

– Хорошая мысль. Надо расширить конкурс «Мисс Россия», – президент задумался. – Мысль хорошая... Да, интересная у тебя работа предстоит. Я бы сам взялся, но времени свободного нет. Совсем нет, – Стрекалов мечтательно вздохнул, но тут же вернулся из своего заоблачного мира фантазий в реальность: – Впрочем, начни с правительства. Посмотрим, сколько наберётся. А там уже будем решать по персоналиям и вообще: кого брать, а кого нет. Селить придётся семьями, поэтому все не попадут, даже при всём нашем желании. Именно поэтому я говорю о полной секретности мероприятия.

– Погоди, Юра, у меня есть кардинальный вопрос.

– Спрашивай.

– А почему именно Долина гейзеров?

– Есть другие варианты?

– Не знаю, но мне кажется, что современная атомная энергетика может обеспечить комфортное проживание такой замкнутой группы людей не только на Камчатке.

Президент ухмыльнулся:

– Опять я тебя люблю за сообразительность. Точно такой же вопрос я задал Соболевскому.

– И что?

– Он доказал мне, что атомной энергетике хватит ненадолго.

– Почему?

– Шахт урановых по понятным причинам вскоре уже не будет. А топливо долгое время держать нельзя. Я до конца не понял, но там что-то связано с периодом полураспада. Коротче, ураном на продолжительное время не запасёшься.

Глава четырнадцатая

31 марта

Сочи

Пустые хлопоты

Бузмаков, как только добрался до конечного пункта своего путешествия, сразу бросился выполнять задание начальника. Настроение у него было приподнятым. Здесь, на крайнем юге страны, уже вовсю чувствовалось приближение весны. Снег активно таял, сливаясь в ручейки и лужи, деревья украсились зеленцой набухших почек. Запах весны пробудил многоголосое песнопение птиц, наперебой прославляющих возвращение Солнца. Всё это, давно забытое, кружило голову технолога пьянящими мечтами о нормальной жизни. Хорошо... Ай, хорошо! Хорошо-то, хорошо, но Мара там, на севере. Она осталась только ради того, чтобы закончить их общее трудное дело. Эх, Маша, Маша... Замечательная ты девчонка. Лучше я не встречал. Ладно, лирика лирикой, но пора и к делу. Я не могу её подвести. Не могу...

Вит не стал искать директора своего института. Он прекрасно знал, что Гольдберг пустышка. И как учёный, и как человек, и как руководитель. Он ничем не поможет. Об этом

напутствовал и Шелихов: «К Натанычу даже не суйся. Зря потеряешь время. Иди сразу к Соболевскому. Только он может вникнуть в суть».

Но Соболевского на месте не оказалось. В приёмной сказали, что как минимум две недели академика не будет. Он в срочной командировке. Пришлось тащиться к Гольдбергу. А к кому ещё?

Владимир Натанович сидел в тесном помещении с ещё более крошечной приёмной, в которой всё же помещалась его дородная секретарша. Но она даже не успела доложить шефу, как тот сам вышел из своего чудо-кабинета:

– Ирочка, меня сегодня уже не будет.

– К вам тут человек из Москвы.

Гольдберг наконец увидел Вита и снизошёл:

– Слушаю. Вы кто?

– Бузмаков. Технолог из лаборатории Шелихова.

Директор ухмыльнулся и недовольно выдал:

– И где этот ваш «Ломоносов»?

– Шелихов в Москве. Заканчивает опыты.

– Какие, к чёрту «опыты»? – Гольдберг нервно дёрнулся. – Я месяц назад издал приказ о закрытии лаборатории. Считайте, что вы уволены по статье, без выходного пособия и без продовольственной карточки. Всё.

И он решительно двинулся на выход. Бузмаков взглянул на «Ирочку», словно пытаясь получить ответ, что ему делать дальше. Та в свою очередь ответила не менее выразительным

взглядом и пожалала своими вовсе не худыми плечами.

Пришлось бежать за шефом и объясняться на ходу. А куда деваться?

– Владимир Натаныч, мы практически закончили. У нас очень перспективный материал.

Гольдберг дошёл до лифта и нажал кнопку. Даже не глядя в сторону Бузмакова, он недовольно пробурчал:

– Милый мой, какие ещё к чёрту «перспективные материалы»? Всё рушится. И наш институт тоже закрывают. Через неделю я, как и вы – безработный.

Но Бузмаков, активно напирая, не отставал:

– Да вы поймите! Это великое изобретение. Возможно оно спасёт мир.

Лифт открылся. Директор вошёл внутрь и выставил перед собой руку, не пуская в кабинку Вита, успев сказать перед закрытием дверей:

– Идите со своим «великим изобретением» знаете куда? Адрес можете спросить у секретарши. Она лучше знает.

И уехал.

Как же так? Бузмаков готов был схватиться за голову. Что делать? Даже слушать, скотина, не хочет. Урод, бездарь, пустышка! Ноль без палочки, усевшийся в удобное кресло. Мы не жалели себя. Мы делали, старались. Готовы были сдохнуть, замёрзнуть, погибнуть. И ради чего? Чтобы этот... Тварь... Тыловая крыса... Последний нелицеприятный эпитет всплыл в голове неизвестно откуда. Тем не менее, попал

в самую точку. Тыловая крыса! Крыса! Крыса!! Крыса!!!

Так, но что же делать? Мара с Ярославом надеются на меня. Что делать? Надо! Надо найти того, кто меня выслушает и поймёт всю важность нашего изобретения. Идти было некуда, и Вит вернулся в приёмную.

– Ирина Эдуардовна, вы кажетесь самым адекватным специалистом, который может мне помочь.

– Хорошо поёшь парень. Но в данной ситуации тебе уже никто не поможет, – «Ирочка» была спокойна, равнодушна и непреклонна.

Но и Бузмаков был неумолимо настойчив. Порой секретарши понимают и знают гораздо больше своих шефов. Только молчат до поры до времени, не желая выказывать этого.

– Ирина Эдуардовна, мне тоже было бы на всё наплевать. Тем более, Гольдберг прямо сказал, что я отныне безработный.

Секретарша спокойна укладывала в большую картонную коробку свои вещи, казалось, вовсе не слушая Вита. Откуда только берутся эти контейнеры для личных вещей? Всё меняется, а они неизменны. Что сто лет назад, что теперь.

– Ирина Эдуардовна, – Вит неустанно продолжал долбиться в закрытую дверь, – я не по пустякам беспокоюсь. И вовсе не ради орденов или премии.

Женщина, не отвлекаясь от сбора вещей, монотонно переспросила:

– Ради чего тогда?

Бузмаков не сразу подобрал аргументы, неопределённо помахав в воздухе рукой:

– Э-э-э... ради чего, ради чего? Ради всех. Ради нас с вами. Ради жизни на земле. Э-э-э... наше изобретение... Вот это, – он потряс красной кожаной папкой. – Это на самом деле вовсе не изобретение.

Секретарша фыркнула:

– Фи! Так выкиньте его в ведро! Завтра отсюда будут вывозить горы ненужных бумажек, которые даже на растопку негодны.

Бузмаков посчитал, что она посмеялась над его папкой с бумажными документами. Это Шелихов вернул в техпроцесс допотопное делопроизводство. Свой шаг он объяснил предельно просто: «При минус шестидесяти электронное устройство сдохнет, а бумага стерпит». «Они здесь не знают, как трудно там, на севере – в Москве», – подумал в досаде технолог. Но эту тему развивать не стал. Не в ней суть.

– Вы не поняли. Это не изобретение, – Вит сделал театральную паузу, нагнав на выражение лица максимум серьёзности и значимости. – Это не изобретение. Это спасательный круг для всего человечества. Правда-правда. Я не вру. Иначе меня бы здесь не было. Я в этом участвовал, – он вновь потряс папкой. – Я там был, я видел и я в полной мере понимаю значение этого изобретения.

Сказано было очень веско. Женщина отвлеклась от своего

занятия:

– Я не могу вам помочь. При всём моём уважении. Гольдберг не врёт: институт закрыт, коллектив распущен, а все документы в течение этой недели будут отправлены в мусоро-сжигательный крематорий.

– Что же делать?

– Вам надо найти человека, который бы выслушал вас, понял и смог помочь.

– Кого?

– Я не знаю никого другого, кроме академика Соболевского.

– Да был я там! Был! Но его нет. Он в длительной командировке.

– Соболезную. Но другой кандидатуры у меня нет.

– Кошмар, – Бузмаков плюхнулся на стул.

– Не знаю, сходите к Рашеву. Хотя он ничем не лучше Гольдберга. Одного поля ягоды. Но вдруг?

– А он здесь?

– Да. Он ещё две недели будет здесь неотлучно. Ему поручены работы по ликвидации института. Кабинет «614».

Бузмаков ушёл, и Ирина на время забыла о нём, погрузившись в свои насущные дела...

... Примерно через час она вышла на крыльцо с картонной коробкой в руках и стала искать взглядом машину своего брата, который обещал её подвезти. Но брата не было. За-

то с высоты крыльца она увидела голову Бузмакова. Изобретатель стоял на автобусной остановке в толпе беженцев, заполонивших улицы города. «Не уж-то договорился с Рашевым? – удивилась секретарша Гольдберга. – Иначе как объяснить, что спустя целый час этот парень всё ещё здесь. Очевидно, разговор был долгим».

Неожиданно рядом с парнем тормознул микроавтобус с сильно затемнёнными окнами. Выдвижная дверь отъехала в сторону. Из темноты салона протянулись чьи-то руки, и тело технолога тут же исчезло в утробе фургона. Дверь захлопнулась, автомобиль взвизгнул покрышками, распугав прохожих, и моментально исчез из виду. Всё это выглядело нереальным. Нереальным до такой степени, что уже через пару минут женщине стало казаться, что всё это ей привиделось. А был ли Бузмаков? Кто его знает? Может и не был. Столько событий, столько волнений, столько потерь. Трудно одинокой женщине выживать в эпицентре катастрофы вселенского масштаба. Очень трудно. И в этот момент Ирочка чихнула. Вонь подпалённой резины подтвердила, всё, что она видела – вполне реально.

Глава пятнадцатая

3 апреля

Москва

Если увидишь межгалактический звездолёт – это за нами

Бабушка вздохнула и сунула последний малюсенький ломтик лимона в чашку с морковным чаем. Внук и его помощница ещё пять дней назад уехали в свою лабораторию. Старая женщина не стала им мешать и осталась дома.

У них дела, у них любовь. А я там с боку припёку. Третий лишний. Пусть вкалывают. Изобретают и любят друг друга, не отвлекаясь на бэушную старпёрку. Бэушную? О! Слово «бэушная» созвучно слову «бабушка». Хм, так я не «бабушка» – я «бэушка». Как всё верно в этом мире. Как всё взаимосвязано! Да... уже скоро семьдесят пять стукнет. Пожила. Нет, нельзя старикам путаться под ногами молодых. И лучше мне вообще уехать. Чтобы им совсем не мешать. Шестого апреля последний день эвакуации. Я записалась на пятое. Всё уже собрано. Давно собрано. Ещё пять лет назад собрано, когда впервые заговорили о полной эвакуации.

Поэтому суетиться не приходится. Осталось только дожждаться молодёжь. Надо всё же уговорить их тоже эвакуироваться. Говорят, что, когда уйдёт последний караван, город будет оставлен навсегда. Где они там запропастились? Ох-ох-ох-хох... Ждать да догонять – хуже некуда. А ведь обещал проводить. Ух-ух-ух-хухух... Вздох за вздохом – ожидания, наполненные волнением. Что ты волнуешься!? Раз обещал, значит, приедет. Старушка, разгоняя «чёрные» мысли, дёрнула плечами и хлопнула в ладоши. Включился головизор. Показывали последние новости. Кадры с орбиты сосредоточились на «итальянском сапоге». Через весь Апеннинский полуостров протянулась странная отчётливо видимая тёмная полоса. Было очевидно, что это не горы и не автострада. Наезд орбитальной камеры плавно смикшировался с картинкой, получаемой с дронов. Оказалось, что полоса – это нескончаемый людской поток, медленнодвигающийся на юг. В наше время только слишком богатые люди могут себе позволить роскошь передвигаться на автомобиле на большие расстояния. Бензин теперь в большой цене. В баснословно большой. Дрон снизился и полетел над головами людей навстречу вектору движения толпы. Мрачные, грустные, усталые лица. Абсолютно все с рюкзаками за плечами. Многие толкают телеги, коляски или идут, опираясь на руль загруженных поклажей велосипедов. Электросамокатов, электроскутеров и прочих завоевавших города электротранспортных средств не наблюдается. Как и электроав-

томобилей. Это и понятно: заряжать их стало негде.

Старая женщина напряглась. Дежавю? Где-то она уже видела такой поток. Так-так-так... Да, точно – в молодости. Видела тогда, когда потоки мигрантов двигались с юга на север Европы. Это был афро-азиатский потоп, изменивший этническую основу континента. Изменивший революционно, кардинально и навсегда. Поэтому сейчас этнический состав человеческого потока был практически таким же. Можно даже сказать, что сейчас здесь доминируют потомки тех самых мигрантов, которые много лет назад с силой прорывались на европейский материк. Теперь вектор миграций сменился на противоположный. Впрочем, есть различия. В начале века поток мигрантов состоял исключительно из молодых парней. Теперь на юг двигались женщины, дети, старики. Парней было мало. Это и понятно: они давно уже прорвались в Африку.

Бабушка вздохнула: «Господи, несчастные люди». В это время картинка сменилась, и на экране показались военные. Диктор стал рассказывать о том, что семь лет назад страны НАТО оккупировали Алжир, Марокко и Ливию. Местное население было либо сильно ущемлено в правах, либо изгнано со своих территорий. Северная Африка в современных климатических условиях быстро превратилась в «страну обетованную». Сахара перестала быть пустыней. Обилие дождей превратили её в благоденственный край. Поэтому желающих на этот кусок пирога было хоть отбавляй. Борьба шла нешуточная. Оккупационный режим жестоко расправ-

лялся с неугодными. Партизаны и борцы за независимость в большом количестве болтались на виселицах во всех областях Южного Средиземноморья. Кроме борьбы с повстанцами перед завоевателями стояла ещё одна почти неразрешимая проблема: что делать с мигрантами, хлынувшими сюда вслед за солдатами. По некоторым подсчётам за последние три года в Северную Африку уже перебралось более трёхсот миллионов европейцев. Это привело к коллапсу. Полному коллапсу. Никто из них не имел жилья и мало кто имел работу. Метаморфоза по превращению сытых бургеров в нищих бомжей была моментальной. Теперь голодные толпы бывших европейцев никому не позволяют безнаказанно выходить на улицу. Особенно в тёмное время суток. Сто процентов, что ограбят. Восемьдесят, что убьют...

«Бэушка» не выдержала обилия негатива и переключила головизор на другой канал, но здесь были те же страшилки. Противный голос за кадром вещал, комментируя кадры с дрона: «Все эти толпы мигрантов в основном афроевропейцев и азиаевропейцев двигаются по пути, которым когда-то прошёл Спартак. Вождя гладиаторов, как известно, обманули пираты и купцы, обещавшие переправить его войско в Сицилию. Сейчас в перевозчиках нет нужды. Пролив между Сицилией и Калабрией, или как говорили древние греки: между Сциллой и Харибдой, высох. Тем не менее, переправляться по дну опасно. Можно и голову сломать. Поэтому основная масса людей устремилась к знаменитому ви-

сячему мосту, перекинутому через пролив. Здесь создалась огромная пробка, неподдающаяся подсчётам. Может, пять миллионов человек, может – десять. А может, и того больше. Ежедневно тысячи, десятки тысяч людей гибнут в этой пробке от мародёрства, голода, болезней и холода. Надвигающийся с севера Великий ледник не знает жалости. Температура даже здесь, на самом юге Италии, в зимние месяцы опускается до – 30 и ниже. Прорвавшиеся в Сицилию толпы ручейками текут дальше на юг. Здесь они единым потоком спускаются на дно отступившего моря. Многие тонут в оставшихся донных солончаках. Остальные двигаются по их трупам, словно по рукотворной гати, к желанным берегам Африки. От Сицилии до Туниса 160 км. Есть места, где людям приходится переправляться на надувных лодках или плотках через трёх и пятикилометровые заводи, оставшиеся от обширных вод Средиземного моря. Можно, конечно, переправляться на лодках или катерах. Но это очень дорого. Владельцы плавательных средств берут золотом. Поэтому все стараются покинуть Европу до наступления лета, пока не растаял лёд. Сейчас, как вы видите, большинство водоёмов уже с открытой водой. Но это не самое страшное на пути миллионов страждущих. Те, кто не утонул, кто не провалился под лёд, не умер от голода, холода или от рук мародёров, штурмуют ограждения, построенные вдоль всего побережья Африки. Европейцы, захватившие Тунис, Алжир, Ливию и Марокко не желают пускать на свои земли очередных пере-

селенцев с севера. Правительство ЕС оправдывается тем, что земля Африки не сможет прокормить всех. И они так поступают из гуманитарных соображений. Голод и болезни приведут к гибели миллионов. Поэтому Европарламент принял закон, разрешающий стрелять в новых мигрантов без предупреждения. На африканском берегу пролива, ширина которого едва превышает пару километров, мигрантов «с распростёртыми руками и ногами» встречают минные поля, колючая проволока и противопехотные ежики, готовые вонзить острые ржавые иглы в натруженные стопы нарушителей. Иезуитское оружие против тех, кто не хочет превратиться в законченную на морозе мумию. Но, как вы видите, сотни тысяч обезумевших людей с чемоданами и рюкзаками всё же идут на штурм укреплённой полосы. Немногим удаётся прорваться, но каждый надеется, что именно ему повезёт. Кругом гремят взрывы, летят пули, бомбы с напалмом выжигают территорию приграничной полосы...»

Сюжет не был досмотрен, вернулся внук со своей девушкой.

Бабушка вздохнула, наконец-то. Ярослав поцеловал её и улыбнулся:

– Не смотрела бы ты новости. Страшно.

Старушка покачала головой:

– Как не смотреть? Ужас, тихий ужас. Захватили чужие земли, а теперь убивают всех подряд.

– Бабуль, успокойся, бог им судья.

– Да как же! Вот же, что творят. И на всё у них есть оправдание. А лет через десять вообще будут утверждать, что всё это творили не они, а мы. Послушать кого, так хуже нас нет. Захватчики, изверги, антидемократы. Но уверена, наши не только чужого куска земли не возьмут, но и на свою территорию запустят каких-нибудь несчастных.

– Белорусов, что ли?

– При чём здесь белорусы? Белорусы – это те же русские.

– Тогда кого?

– Да мало ли кого? Вся наша история такими примерами изобилует. Сердоболезные больно. Вечно ищем себе проблем. Правильно говорят: хочешь, чтобы тебя ударили – сделай добро.

Бабушка резко взглянула на внука. Но тут же успокоилась:

– Чего это я? Всё, ни слова больше о политике.

Она засуетилась, увлекая молодёжь на кухню:

– Голодные, небось...

– Нет, нет, нет, бабуль, мы сытые.

– «Сытые» они... Бабушка вам пирог на спиртовке испекла. Вспомнила годы молодые, лабораторные.

Она по-доброму улыбнулась, купаясь в ностальгии о далёком прошлом.

– Из чего же ты его испекла?

– Секрет. А то есть не будете.

– Заинтриговала...

– Пока накрываю, рассказывайте, как у вас дела.

– Всё нормально, – уклонился от расспросов внук.

– Чего «нормально»? Закончили опыты?

Ярослав вздохнул и приобнял Мару:

– Эко ты шустрая у меня, бабуля. Скоро слово сказывается, да не скоро дело делается. В лучшем случае мы управимся за три недели. Не меньше.

Бабушка посмурнела и плюхнулась на стул, медленно вытащив из-под себя оставленную на сидении сковородку:

– Как три недели? Да вы что! Шестого числа последний день эвакуации.

Внук легкомысленно возразил:

– Нам то что?

– Как? Сказали, всё вырубят.

– Что всё? Электричество? Так у нас своё, от генератора.

Топлива для него полно.

– Метро закроют, свет и тепло вырубят.

– Зачем нам метро? А тепло нам печка-буржуйка даёт.

Она на угле. А угля там целый вагон. Не пропадём.

– А есть что будете?

– Еды тоже полно. Кто-то спрятал на складе и забыл. Или помер.

– Какой еды?

– «Доширак, вкус детства», – Ярик засмеялся. – Типа того.

Не бойся, не пропадём.

– Угу: «не бойся». Но как вы потом выбираться будете?

– Позвоним, попросим прислать за нами транспорт.

– А если и связь отрубят?

– «Связь»? Вообще-то могут. А спутникового телефона у нас нет... Впрочем, бабуля, волноваться нет причины.

– Как?

– Так. Бузмаков наверняка уже показал наш проект кому надо. Там уже все на ушах стоят. Нас найдут. Непременно найдут.

– Ой, ли?

– Уверяю тебя. Мы сделали такое открытие! Такое... Ты должна гордиться нами. Это величайшее открытие человечества. Через пару лет Земля вновь станет «голубой и зелёной». Поэтому, если увидишь, как над Москвой кружит межгалактический звездолёт, знай – это за нами.

– Хотелось бы верить, – старая женщина вздохнула, но тут же озарилась улыбкой: – Дай вам бог счастья. Чтобы все ваши надежды сбылись. А труды воплотились в результат. Аминь.

И она перекрестила сначала парня, а затем девушку.

Глава шестнадцатая

3 апреля Сочи В подвале

Боль, адская боль... Голова нещадно трещит. Боль полыхает всюду: в сорванных ногтях, в переломанных рёбрах, в разбитых коленях, в вывернутых суставах. Страшно... Больно... Темно... Темно, как в преисподней. Зря я очнулся. Зря. Это ад. Впрочем, стоит убедиться воочию... Вит предпринял попытку открыть глаза. Но они оказались открытыми. Светлее не стало. Заплывшие в кровоподтёках веки закрывали внешний мир ярко-красными шорами. Всё же со временем откуда-то издалека из смутного полумрака пробился свет. Я вижу! Где я? Капля шлёпнулась в лужу. Я слышу! За ней вторая, третья... Сознание возвращалось медленно, в такт падающим каплям. Холодно. Холодно и сыро. Я ощущаю! Пазл мировосприятия сложился. А вместе с ним вернулась и память. Её возвращение только усилило боль. Усилило отчаянием и безысходностью ситуации. Я в подвале. В сыром подвале. С ржавых труб падают капли. Промозгло... Лампа горит над дверями. Тусклая лампа. Кругом пусто. Только

грязный рваный матрас... Лучше бы я очнулся в аду... Я всё вспомнил. Меня непрерывно пытаются. Пытают уже трое суток. А может месяц? Год? Нет, трое суток. Но пытки кажутся бесконечными. Когда тебе хорошо, год пролетает незаметно. А здесь, в этом ужасе, три дня показались вечностью. Кто-то бубнит. Или это галлюцинации? Бубнит, бубнит – точно бубнит.

Бу-бу-бу-бу-бу-бу – чей-то голос кувалдой отдавался внутри черепушки. Да, точно, звук исходит из вентиляционной решётки. Я в подвале. Если звук приходит сверху – это люди. А если снизу? Нет, всё же люди. Это не один голос. Их два. Нет – три. Я начинаю различать слова. Слух от одиночества в подвале обострился? Или сырые стены так хорошо резонируют? Возможно, собеседники подошли ближе к вентиляционной решётке.

Их было трое. Говорили они по-английски. Один голос звучал очень низко – практически, бас. Другой – слегка гнусавый. Третий человек говорил с явным славянским акцентом. Его голос казался знакомым. Кто? Кто это? Кто это говорит? Голова гудела, болела, свистела, но отказывалась выдавать результат. Ничего, ничего – я вспомню. Чуть приду в себя и обязательно вспомню. А пока послушаю о чём это они.

Английский, как и китайский, технолог знал в совершенстве. Бас-баритон поинтересовался:

– Так значит, ты подтверждаешь?

Ему ответил «знакомый» голос:

– Да, это Бузмаков. Узнать трудно – морда распухшая. Но это он.

– Он молчит, словно агент КГБ. Мы забеспокоились, может это не он, потому и молчит. Его точно до сих пор никто не схватился?

– Какое там! Здесь такой бардак! Каждый занят насущным делом по спасению своих любимых розовых полусфер.

Собеседник не понял образности выражений того, чей голос показался Бузмакову знакомым. Он недоумённо переспросил:

– Каких «полусфер»?

– Собственных, на которых сидят. Всё летит в тартарары. Но никто и пальцем не пошевелит, чтобы спасти страну. Как говорится: после нас хоть Помпадур!

Обладатель низкого голоса через паузу продолжил:

– Если ты хочешь получить обещанные преференции, ты должен постараться.

«Знакомый голос» возмутился:

– А я не стараюсь? Я вам всё на блюдечке принёс. А вы даже аванса не выдали.

– Где документы? Будут бумаги – будет аванс.

– Я здесь единственный, кто рискует своей шкурой. Я жизнь на кон поставил. Это ничего не стоит?

– Пока ничего. Где результат?

– Это я вас хочу спросить. Почему вы не можете из него

выбить, куда он спрятал проект? Проверьте его на детекторе.

Собеседники рассмеялись. В разговор вступил обладатель гнусавого голоса:

– Ты – дилетант. Детектор может только определить врёт человек или нет. А если он молчит? Полиграф не заставит его говорить.

– Хорошо, – подвёл черту баритон. – Будем ждать прилёта специалистов, которые его точно разговорят. Но мы не можем сидеть и просто ждать. Джайзани за эту тему вцепилась мёртвой хваткой и не даёт передышку. Она очень боится, что русские сами его запустят. Кому из учёных Бузмаков мог передать проект?

– Понятия не имею. В институте таких нет. Им руководят бездари. Я бы пошёл к Соболевскому. Но он сейчас в длительной командировке. И это радует. Академик сразу бы вник в суть. А остальным «светилам» нашей науки всё до фени. Тем более, они всегда смотрят на регалии. Но кто такой Шелихов? Всего-то завлаб. Для них он слишком неавторитетен, чтобы разбираться с его писульками. В лучшем случае, они бы покивали головой, но после ухода Бузмакова закинули бы его папку куда подальше.

– И что дальше? От меня требуют результат. И не когда-нибудь в будущем, а прямо сейчас, – баритон-бас раздражённо засопел. – Если клиент молчит, что ещё можно сделать?

Через паузу «знакомый» голос предложил:

– Я вижу два варианта. Первый – перевероршить весь институт. Второй – взять Шелихова.

– А ты, Иден, что думаешь?

«Гнусавый» ответил:

– Шестьсот двадцать три помещения. Плюс сигнализация и охрана. Мы будем неделю рыть, а затем окажется, что он отдал папку в чьи-то руки, и она уже покинула здание. Вторым вариант такой же сложный. Мы не знаем, где сейчас Шелихов. Может в Москве, а может уже эвакуировался. Его голофон не работает. Мы не можем отследить его геолокацию. Шеф, но у меня есть третий вариант. Давайте подсадим к Бузмакову нашего друга.

– Не-не-не-не-не... я на такое не подписывался.

– Войдёшь к нему в доверие. Узнаешь, кому он отдал папку с «Прометеем», получишь свои баксы и всё для тебя закончится. Чего ты боишься?

– Я? Да, я боюсь. Я раскроюсь. Создастся полный цугцванг.

– Что «создастся»? – не понял иностранец с низким голосом.

– Это шахматный термин. Он означает безвыходную ситуацию, когда любой новый ход только ухудшает позиции.

– И какой цугцванг создастся у тебя?

– Я раскроюсь, и он всё поймёт. Скажет Бузмаков или нет – это уже другой вопрос. Но его придётся гарантированно ликвидировать – или он в конце концов расскажет и про

меня, и про вас. А когда прольётся первая кровь, возрастут шансы, что прольётся и моя.

– Ну-ну. Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю оставить технолога в покое.

– «В покое»? – собеседник хмыкнул. – Сегодня-завтра придут специалисты. У них не бывает осечек. Все их клиенты «болтают» без умолку, – слышно было, как он ухмыльнулся. – А потом мы твоего Бузмакова «оставим в покое». В вечном покое. Он нам станет ненужным.

– Погодите, погодите: что значит «ненужным»? Почему все так легкомысленно относятся к этому изобретению?! Это технолог, который участвовал в разработке проекта, соизмеримого с изобретением атомной бомбы или освоением космоса. После окончания Второй мировой Вернера фон Брауна не расстреляли. Наоборот, ему создали тепличные условия. И по прошествии двадцати лет американский башмак первым ступил на поверхность Луны.

– Ты не путай...

– Я не путаю. Я уверен, что изобретение Шелихова, ближайшим помощником которого является Бузмаков, гораздо круче, чем ракета фон Брауна. Круче по своему значению. Это спасение, ниспосланное нам богом.

Гнусавый съязвил:

– И на этом «святом» деле ты хочешь хорошо погреть руки.

Обладатель «знакового голоса», сделал паузу, а затем

немного патетически произнёс:

– Врать не буду – деньги многое решают. Но я взялся за это дело вовсе не из-за этого.

– Интересно...

– Я не хочу, чтобы всё пошло прахом. Человечеству грозит катастрофа. Никакая-то там абстрактная, а самая, что ни на есть реальная. Отсчёт запущен. Нам всем немного осталось. И вот появился шанс на спасение. Хороший шанс. И что дальше? Россия не сможет правильно распорядиться этим подарком с небес. Она никогда не любила своих героев. Недаром говорят: «В родном отечестве пророков нет».

– О чём ты?

– О том, что, если бы Бузмаков был американским изобретателем и приехал, к примеру, из Нью-Йорка в Майами, разве могло такое произойти, чтобы он валялся в подвале иностранной спецслужбы и никто его не хватился?

«Ах вот где я нахожусь, – усвоил информацию Вит. – В конспиративном доме ЦРУ. Или Ми-6. По крайней мере, родной язык хозяев – английский».

– Нет не могло, – продолжал разглагольствовать «знакомый голос». – А в Рашке – это обыденность.

Наступила пауза. Баритон-бас подвёл черту под разговором:

– Ты, под благовидным предлогом попробуй поговорить с руководством института. Может, проболтаются. Только не перестарайся. Нам не нужен чужой интерес к «Прометею». А

ты, Иден, найди всех родственников Кузнецовой, Шелихова и Бузмакова. В первую очередь, родственников технолога. Посмотрим, как он будет молчать, когда мы начнём пытаться его мать, дочь или любимую женщину...

На этих словах Бузмаков вновь отрешился от реальности. Когда пришёл в себя, уже никто не бубнил. Они назвали наше изобретение «Прометеем». Странно. Странно, но это имя здорово подходит по смыслу.

Глава семнадцатая

7 апреля

Москва

Ты – Прометей

Воздух к утру остыл до нулевой отметки. Поэтому вылезать из-под целой кучи одеял вовсе не хотелось. Но Ярослав привычно заставил себя это сделать. Раскочегарив буржуйку, он поставил на неё выдавший виды доисторический алюминиевый чайник. Мара почувствовав его взгляд, тут же открыла глаза и улыбнулась. Вот как они это делают? Как? Как женщина чувствует взгляд? Каким органом чувств? У мужика этого уникального локатора нет. А у них, этих инопланетных существ, этих нежных лучезарных фей, интуиция развита так, что нам мужикам и не снилось. Одним словом – волшебство и фантастика. В идеале: мужчина сначала думает, а затем действует. Женщина же сперва чувствует. И чувства эти по своей правильности, состоятельности и реальности вполне могут опережать любой аналитический анализ.

– Проснулась?

В ответ улыбка стала более открытой.

– Ты сегодня особо загадочная.

Улыбка чуть потухла, приобретя мечтательные черточки:

– Мне приснился удивительный сон. Станный сон.

– «Станный»? Интересно. Свои сны я считаю менее странными, чем та реальность, в которой мы оказались.

– Мой сон был одновременно и страшным, и замечательным.

– Поделись, пока не забыла.

Мара потянулась, закинув руки далеко за голову и изогнув свою поистине кошачью спину. Одежда сползла, и она тут же поёжилась, натянув его под самый подбородок:

– З-з-з..., рассказать?

– Угу, – Ярослав присел на диван, служивший им ложем, и наклонился над лицом девушки: – Рассказывай, а я тебя буду в это время целовать.

– Хорошо, что ты никак не можешь утолить эту жажду, – Мара обняла его за шею. – Я тоже хочу целоваться. Хотя нет. Тебе будет интересно услышать то, что я расскажу.

Прерываясь время от времени на сладкие поцелуи, возлюбленная Ярослава поделилась ночными виденьями.

Ей приснилось, что она, вместе с кучей народа провалилась в расщелину ледника. Там, на глубине, было страшно, очень темно, а главное, невероятно холодно. Люди, уцелевшие во время провала, стали гибнуть пачками прямо на глазах у обезумевшей толпы. Они застывали, покрывшись инеем, падали и раскалывались на мелкие ледяные оскол-

ки. Звон этого бесконечного падения слился с паническим многоголосым рёвом. Все понимали, что смерть вот-вот наступит. Страшная, ледяная, безжалостная смерть. И когда казалось, что спасения нет, ущелье вдруг озарилось солнечным светом. Он струился непрерывным потоком, наполняя ледяное пространство безудержным теплом. Лёд тут же стал таять, превращаясь в ручьи и водопады, наполняя расщелину звоном капли. Новая опасность посеяла среди людей новую панику. От потопа невозможно было спастись. Но вдруг сверху посыпались шарики. Падая на дно ущелья, они раскрывались и превращались в полусферические купола. Кто-то первым догадался залезть внутрь раскрывшегося «зонтика», показав путь к спасению. Все тут же бросились занимать места в многочисленных миниатюрных ковчегах. Спустя мгновение заполнившая ущелье вода вознесла спасательные «лодки» вверх на поверхность ледника. Вскоре вода заполнила всё бескрайнее пространство и понесла сотни, тысячи полусфер на юг. Туда, куда ледник так и не успел добраться. Через какое-то время Мара увидела, как десятки таких же потоков несут другие тысячи «ковчегов». Эти потоки ударялись о подножие огромной горы, возвышающейся над заполнившей горизонты водной гладью. Гора! Земля! Спасение! «Зонтик» Мары, как и все остальные спасительные «лодочки», воткнулся в твердь, и её выбросило на прибрежный песок. Здесь уже стояли тысячи женщин, мужчин, стариков и детей. Они помогали выжившим подняться с зем-

ли. Давали хлеб и пресную воду. Все радовались, вознося хвалу спасителю. И спаситель не заставил себя ждать. Небо вдруг воссияло с новой силой. В тот же момент из спящего сгустка света вырвался бог. Он был мускулист, как Геракл, статен, как Ахиллес, и красив, как Аполлон. Бог летел прямо к Маре, держа в руке факел. Факел был обычным на вид. Но его тепло ощутили все. И тысячеголосый хор взревел: «Прометей! Он вернулся!» Прометей опустился рядом с Марой. И тогда она увидела, что он как две капли воды похож на Ярослава. Бог смотрел на девушку и улыбался. Люди тянули к нему свои ладони, желая выразить признательность и благодарность. Прометей взял Мару за руки, и они закружились, отрываясь от земли, в восхитительном вальсе. Девушка ощутила, что её тело стало невесомым. Они поднимались всё выше и выше, пока Земля не приобрела форму шара. Отсюда, из космоса, было хорошо видно, что ледника больше нет. Земля перестала быть белой. Она вновь стала голубой.

– Мара, – шёпотом произнёс бог, пронзая девушку нежным взглядом. – Я тебя люблю.

– Я знала. Я верила. Ты – Прометей. Ты спасёшь нас...

И в этот момент она проснулась, открыла глаза и... увидела, что ей улыбается Прометей...

– Хм. Интересный сон. На фоне наших неудач по повторению эксперимента – он вполне оптимистичен.

– Давай назовём этот проект «Прометеем».

– Разве мы уже его так не назвали?

Мара задумалась:

– Не помню, чтобы мы это обсуждали.

– Странно, мне казалось, что я уже произносил это название вслух. Впрочем, всё это внешняя красочная оболочка, которая мне безразлична. Собственно говоря, без разницы: «Прометей» или «Креогеноустойчивый уплотнительный материал АЛ-53». Главное, чтобы мы смогли отработать технологию.

Все проведённые опыты оказались безрезультатными. Получить материал с нужными характеристиками никак не удавалось. Ярослава это мучило. В чём причина неудач? Или в расчётах закралась ошибка, или на отрицательный результат влияют различия в лабораторном оборудовании. Но Шелихов не сдавался и практически всё время посвящал работе. Мара, естественно, всегда была рядом: и умом, и сердцем, и рукой.

– А в Сочи, или в другом городе, мы не сможем отладить технологию?

– Ты задаёшь этот вопрос каждый день.

– Правда? Не замечала.

– Я понимаю, ты волнуешься, что за нами так никого и не прислали.

– Да. Если ты обратил внимание, у нас давно нет связи с внешним миром.

– Ничего, не волнуйся. Это обычная российская бюрократ-

тия. Куда они денутся? Прискачут, как козлики.

– Ты так считаешь?

– Да, я так считаю. Пойми, хорошая моя, мы не можем всё бросить и с сырым материалом предстать перед президентом.

– Перед кем?

– А ты думала, что наше изобретение важно только для науки? Мы просто обязаны отработать технологию. Надо приехать в Сочи не с пустыми руками, а с готовым изделием, выпуск которого легко поставить на поток. Пойми, люди мрут, словно мухи. Ежечасно мрут, ежесекундно. Поэтому мы не будем откладывать всё на потом. Мы закончим дело здесь и только здесь. – Ярослав был серьёзен, как никогда. – Здесь нам никто не мешает. Мы прибудем в Сочи не просителями лаборатории. Мы явимся в Сочи триумфаторами.

– А если не закончим?

Ярослав сверкнул провалившимися от усталости глазами:

– Ты не веришь?

– Вера – это одно. А гипотетическое предположение – совсем другое. Конечно, верю. Но всё же?

Шелихов неожиданно расслабился, обмяк. Взяв её холодные ладони в свои горячие руки, он прижал их к губам:

– Милая моя, ты устала. Я понимаю. Давай сегодня съездим к бабушке и там уже решим, что нам делать дальше.

Помолчав, он всё же добавил:

– Но я за то, чтобы довести дело до конца здесь. Именно

здесь.

Она кивнула. Кивнула не очень уверенно:

– Где же ты Вит? Чем ты там занимаешься? Даже не позвонил ни разу, после того как уехал. Что-то случилось?

– Не знаю. Зачем гадать? Надо работать. Других вариантов нет.

Глава восемнадцатая

7 апреля

Сочи

Надо уметь сказать «нет»

Калачова не отпускало. Раздражение схватило за горло, опустилось по пищеводу вниз и надолго застряло в районе подреберья. Он отказался от одного из главных своих принципов – в любой ситуации необходимо иметь мужество сказать «нет». И он всегда соответствовал своим принципам, говоря «нет» и тем, кто снизу просил его об одолжении, и тем, кто сидел в кресле в кабинете повыше. Но в этот раз всё же согласился. Хоть и после долгих уговоров, но согласился. Это, конечно, не оправдание, но ему надоело сидеть в собственной хате, в далёкой от столичных проблем станице, и выращивать в утеплённой теплице скудный урожай моркови, репы и картофеля. Натуральные овощи многие вообще в своей жизни никогда не видели, поэтому на его огород часто покушались «преступники». Одного он даже подстрелил. А куда деваться? На чужой вершок не разевай роток! Это произошло как раз накануне приезда «переговорщиков». Геннадий Васильевич сначала даже подумал, что это по его ду-

шу прибыли в связи с напичканным солью грабителем. Но оказалось, что в машине сидел его старый знакомый. Молодцы, что скажешь! Сообразили, кого подослать – Гакова. Гаков знал Калачова, как самого себя. Двадцать лет совместной службы. Поэтому Глеб прекрасно понимал, на что давить во время уговоров. Естественно, на патриотизм. Страна рушится, народ гибнет – а тут появилась возможность всё спасти. Но для этого нужна твоя помощь: преданного, умного, опытного. Не смог отказать... Не смог отказаться... Не смог... «Страна рушится, народ гибнет» – грустно! Грустно и смешно. Смешно, когда, согласившись с «патриотическими» доводами, сидишь в вычурном от изобилия антиквариата кабинете Джужомы. Сидишь на стуле из сандалового дерева, а на тебя смотрит хозяин кабинета в жутко дорогом костюме, с причёской, над которой ежедневно воркуют лучшие мастера. Имидж всё! Остальное – удел биологической массы. Не вы ли Игорь Артёмович подписывали приказ о моём увольнении, о лишении звания и наград? Вы. Кто же ещё? Дурак, что согласился. Нельзя поступаться принципами. Тот, кто не умеет сказать «нет», в конце концов теряет свободу. Ладно, выслушаем хозяина кабинета, а затем уже скажем «нет». Джужома начал с личного:

– От лица руководства страны я извиняюсь за тот при-
скорбный эпизод. Надо признать: мы не разобрались, пове-
рили доносам и поступили неправильно. Надеюсь, что вы,
Геннадий Васильевич, не держите на нас зла.

Ни один мускул не дрогнул на лице Калачова. Начальник ФСБ, протянул гостю документ и продолжил:

– Это указ президента, в котором он восстанавливает вас в должности, обязывает выплатить неустойку за все восемь лет и присваивает вам очередное воинское звание. Поздравляю вас, генерал Калачов.

Интересно, что это за дело, если моей персоной так заинтересовались? Указ президента, генеральское звание, деньги, много денег... Всё это неспроста. Хм, интригует.

Джужома поднялся с кресла и с улыбкой протянул для рукопожатия ладонь. Но гость только кивнул головой, сразу уперев взгляд в текст переданной ему бумаги. Игорь Артёмович особо не обиделся, но всё же взглянул на Гакова, присутствующего здесь же. Мол, видал, что твой протеже вытворяет? Это точно правильный выбор? Глеб Олегович успокаивающе кивнул, мол, ничего, характер несносный, но дело своё он знает лучше всех. Джужома продолжил:

– Геннадий Васильевич, если вы согласны заняться этим важным поручением, ради которого мы вызволили вас из опалы, вы должны подписать обязательство о неразглашении, – он подсунул Калачову ещё один документ.

Тот внимательно его изучил, кивнул и поставил роспись.

– Ну, тогда приступим к делу, – хозяин кабинета откинулся в удобном кресле. – Суть его можно изложить всего в нескольких предложениях, – он сделал паузу, очевидно для того, чтобы слушатели отнеслись к информации предельно

серьёзно. – К нам поступили оперативные данные от американской резидентуры. Спецслужбы США подняты на уши. Они ищут в России некий объект, человека или какую-то программу, обозначенную кодовым словом «Прометей».

Калачов напрягся, накренив голову:

– Что, простите, ищут?

– Мы точно не знаем.

– Вы это серьёзно?

– Более чем.

– Они ищут у нас, а мы не знаем что?

– Резонный вопрос, резонный... – Джужома встал, закинул руки за спину и подошёл к окну. – Мы тоже сначала восприняли это сообщение как недостаточно серьёзное. Наши аналитики посчитали, что нас провоцируют на какой-то скандал или игру с двойными агентами. Мы всё же на всякий случай устроили тщательную проверку по всем источникам и направлениям. Но она не дала действенного результата. Никто ничего не знает о чём-то до такой степени важном, что могло заинтересовать ЦРУ. Погодите, я закончу. Но вчера сообщения о поиске в России «Прометея» поступили от нашей агентуры из Израиля, Англии и Японии. Сегодня, пока вы ехали сюда, об этом же сообщил наш резидент в Китае. Судя по всему, дело серьёзное. Очень серьёзное.

Калачов хмыкнул:

– Оказывается, все знают. Все кроме нас. Но хоть что-то известно об этом «Прометее»? Кто это или что?

Джужома вернулся на своё место:

– Вы меня внимательно слушали? Внимательно? Тогда повторюсь: НЕ ЗНАЮ. Никто у нас не знает. Естественно, что вся наша заграничная резидентура сейчас только и занимается этим вопросом. Единственно, что могу сказать: столь активный интерес к «Прометею» прямо говорит о его чрезвычайной важности. Скажу более того, со времён изобретения Россией водородной бомбы и запуска космической программы никогда ещё не было такого интереса к нашим стратегическим продуктам. Я всё же склоняюсь, что на территории нашей страны кто-то что-то изобрёл. И это изобретение способно, как минимум, изменить распределение сил и влияния на нашей планете. Президент поставлен в известность и согласился с нашей оценкой. Нам дана отмашка на любые чрезвычайные меры, мероприятия и акции. Дело особой важности. Мы не имеем права сесть в калошу истории. Никто нам не простит бездействия. Вам понятно?

– Понятно. Надо пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что.

Начальник ФСБ вновь недовольно качнул головой, криво ухмыльнулся, но всё же попытался сгладить едкую реакцию гостя:

– Совершенно верно. Поэтому вас и вызвали. Мы очень надеемся на ваш талант, сообразительность и аналитический ум. Вам даны исключительные полномочия. Вот, – он положил перед Калачовым очередной документ. – Для прове-

дения операции «Прометей» президентским указом создано Особое управление стратегических операций. Его начальником назначены вы. В этом документе прописано всё. В том числе ваши полномочия. Вы имеете право привлекать для осуществления своей деятельности любую государственную структуру, любой транспорт. Вы можете производить процессуальные действия без санкций прокуратуры, без согласования свыше и так далее. Здесь всё сказано. Полномочия предельные. Мы с Глебом Олеговичем уверены, что вы этим оружием будете пользоваться рационально. Мало того, по любому вашему запросу мы будем реагировать предельно быстро. Ваши обращения во все государственные органы будут иметь приоритетное значение. Такая директива за подписью самого Стрекалова уже повсеместно разослана. Оперативную группу для выполнения этого особо важного задания вы можете собрать сами. Впрочем, нами уже составлен рекомендательный список с функциями каждого оперативного работника. Финансы и техническое обеспечение подтверждены в полном объёме. Отдел специальных технических средств слежения и контроля за номером «21/33» будет работать только на вас. Личный ваш куратор – Глеб Олегович. Он мой заместитель, поэтому в моё отсутствие сможет решить все серьёзные задачи. Но я тоже всегда на прямой линии. Обращайтесь в любом случае, даже по мелочам. По кажущимся мелочам. Всё, что я не упомянул, расскажет вам генерал Гаков. Ну что Геннадий Васильевич? Работаем?

– Хорошо...

Когда Калачов с Гаковым удалились, в кабинет начальника ФСБ вошёл ещё один его заместитель – генерал Проскурин. Он плюхнулся в соседнее с начальником кресло и доложил:

– Вы просили подобрать надёжного человека.

– Та-а-ак...

– Кандидатуры лучше полковника Нутрецова я не нашёл.

Владимир Артурович многократно проверенный кадр. Он молод, энергичен, предан. Имеет замечательный послужной список. Вот, посмотрите, – он положил перед начальником резюме на своего выдвиженца.

Глава девятнадцатая

7 апреля

Москва

Целую, бабушка

Поход до квартиры оказался невероятно трудным. Мало того, он был опасным. Метро уже не работало, и идти пришлось пешком прямо по рельсам. Идти в трудных условиях – во тьме и холоде. Теперь здесь было также морозно, как и на поверхности земли. Яру и Маре пришлось вернуться в лабораторию и изготовить с десятков факелов – надежда на бесперебойную работу электрических фонариков была слабой.

В свете горящих факелов туннели казались древними и давно заброшенными. Стены блестели от толстого слоя инея, на земле тут и там валялись окоченевшие трупы крыс.

Ярослав успокаивал попутчицу:

– Мёртвые они нам не страшны.

– Ужас их сколько... Где они обитали до этого?

– Не знаю. Да и плевать – они все замёрзли.

Дорога до дома заняла полдня. В конце путешествия Мара уже с трудом передвигала ноги, и Ярославу приходилось

прикладывать дополнительные усилия, чтобы она не встала окончательно:

– Давай, давай... Если мы остановимся, то можем уже не дойти.

Девушка не отвечала. Её мучили страшные предчувствия. Как теперь они отсюда выберутся? Угля и еды надолго не хватит. А надежда на помощь извне с каждым днём становится всё призрачней. Именно эти жуткие мысли съедали последние её силы. Как? Как? Что делать? Мы вдвоём на дне огромного ледяного купола. А вокруг никого – только холод, холод и трупы крыс. Перспективы были вовсе не радужными.

Взглянув очередной раз на девушку, впавшую в ступор, Шелихов проворчал:

– Зря теряем время. Зря. Целый день без опытов...

В замёрзшей квартире они никого не нашли. Бабушка эвакуировалась. На кухонном столе лежал рюкзак и записка: «Дорогие мои, к сожалению, не смогла до вас дозвониться. Связь стала совсем никудышной. Но скоро её уже вовсе не будет. Очень надеюсь, что вы, как обещали, приедете сюда до шестого числа. В этот день отходит последний караван. МЧС уже тоже не может ни до кого дозвониться. Они привезли бумажное уведомление о прекращении функционирования Москвы. Ваш караван отправляется 6 апреля в 14. 00. Смотрите не опоздайте. С седьмого числа в Москве уже никого не будет, всё отключат. Надеюсь, что у вас всё хорошо, так как уверена: Маришка не даст вам пропасть. В любом

случае, добравшись до Большой земли, я буду бить в набат (в том случае, если вы не появитесь в ближайшие два дня). На всякий случай оставляю всё, что по моему мнению поможет вам: лекарства, спирт, спички, свечи, мыло, остатки сухих пайков. Там ещё немного риса и изюма. Берегла это сокровище для себя. Поэтому очень надеюсь, что вы всё же прибудете следом за мной в Сочи на одном из последних караванов, и кутья останется целой. Шучу, естественно. Успехов вам и здоровья. Надеюсь на скорую встречу. Целую, бабушка. 05.04.2063».

Ярик пробормотал:

– Всё же закончили эвакуацию. Я думал, её будут неоднократно продлевать...

Глава двадцатая

9 апреля

Сочи

Особое управление стратегических операций (ОУСО) Прежде чем закинуть невод

Прежде, чем закинуть невод, его надо сплести...

Генерал сидел в своём новом кресле начальника ОУСО. Напротив него расположился актив – шесть человек. Двоих он знал давно, ещё двоих подобрал сейчас. Остальных рекомендовали замы Джужомы. Ничего, сработаемся.

В чьём-то кармане завибрировал голофон.

– Володя, отключи аппарат, и сосредоточься, – голос Ка-лачова звучал негромко, но внушительно. – Все гаджеты должны быть отключены. Нас могут прослушивать.

Нутрецов, не поднимая глаз, быстро исправил свою оплошность. Остальные не шелохнулись. Отключать аппараты перед совещанием – это азы службы в контрразведке.

Внешне новоиспечённый генерал представлялся человеком суровым, волевым и решительным. Пятьдесят лет лишь

слегка посеребрили ему виски и выдавили на лбу пару глубоких морщин. Что только усиливало его мужественность. Во всём другом он был подтянут и моложав. Одевался Калачов предельно демократично. Вот и сейчас он сидел в тёмно-коричневой тонкой водолазке, подчёркивающей его развитую мускулатуру. Взгляд холодных серых глаз был несколько тяжеловат. Его мало кто мог выдержать. Улыбка редко гостила на его скуластом лице. Но особый трепет подчинённых вызывал голос генерала. Когда он начинал говорить, затихали все. У него был глубокий баритон с небольшой хрипотцой. Говорил Калачов не громко, но всегда кратко и уверенно. Геннадий Васильевич был страстным трудоголиком, который уж если возьмётся за гуж, то не выпустит просто так вожжи, пока не достигнет заданной цели. С подчинёнными он был справедлив, но крайне требователен. Впрочем, не больше, чем к самому себе. Генерал обладал прекрасной памятью и всегда в точности помнил, когда, кому и что поручал. И спрос за эти поручения был по самому высокому разряду.

Калачов продолжил оперативку:

– Если кто-нибудь чувствует, что не тянет или кому-то не нравится мой стиль руководства – пишите рапорт прямо сейчас. Другой возможности не будет, – его холодный взгляд вновь цепанул каждого из присутствующих. – Есть желающие? – никто не шелохнулся. – Хорошо. Лиза, докладывай.

Елизавета Юшкевич пришла в ФСБ 20 лет назад и начи-

нала свою работу в отделе Калачова. Генерал ценил её за смекалку, решительность, ответственность и работоспособность. Если бы для решения поставленных задач его поставили перед выбором: всё управление или одна Лиза, он безусловно остановился бы на втором варианте.

– Ничего, Геннадий Васильевич. Никто ничего не знает и даже не слышал про прорывные изобретения, как технологий, так и техники.

Юшкевич возглавляла отдел научной аналитики и вполне разбиралась во всех перипетиях российской академической и прикладной науки. Она продолжила:

– Я провела анализ всех современных перспективных разработок. В наше время их не так уж много. Поверьте мне, ничего такого, что могло бы заинтересовать зарубежных партнёров, нет. Все специалисты-атомщики заняты исключительно перебазированием мощностей на юг. Даже для этого людей не хватает. Куда там до прорывных разработок. Ракетчики так же пытаются спасти то, что есть, с минимизацией потерь. Космос у нас в упадке. Давно в упадке. Из работающих пусковых комплексов остался только Байконур. Морские платформы, как вы понимаете, теперь недоступны. Тихий океан далеко, в Атлантику выхода нет, а из Чёрного моря вода ушла. Есть планы по сооружению платформы на Каспии. Но это тема не очень перспективна для появления какого-либо ажиотажа вокруг неё. По остальным отраслям такая же история.

– Кир, – обратился генерал к компьютерному гению ФСБ Кириллу Целовальникову, которого все по аббревиатуре называли Кацэ. Причём Кирилла это не раздражало, даже наоборот.

«Гений» в ответ развёл руками:

– Командор, буду предельно краток – голяк.

С лёгкой руки Кирилла все сразу стали именовать генерала командором. Калачов, казалось, не обращал на этот факт никакого внимания. Работе не мешает и ладно. Целовальников оказался в команде по настоятельной рекомендации Юшкевич. Поэтому другие кандидатуры генерал даже не рассматривал.

Он продолжил планёрку:

– Влад, что у тебя?

Руководитель отдела анализа стратегических разработок вероятного противника Влад Ахтаров только пожал плечами.

Его генерал тоже прекрасно знал и позвал в новое управление одним из первых.

Калачов что-то отметил в планшете, затем поднял вопросительный взгляд на Алису Андрееву:

– Алиса, хоть ты порадууй!

Стройная симпатичная блондинка, по внешнему виду – совсем девочка, сразу же оживилась:

– Я проверила всех, так сказать, списочных учёных. Все сколько-нибудь значительные персоны находятся на месте, и

занимаются привычным делом. Каким? Тем же, чем и раньше занимались. Ничего прорывного. Далее... Понятно, что в связи со всеобщим массовым переселением на юг кое-кого не могут найти. Но я сверялась – все отсутствующие не были заняты чем-то особенным, что могло бы нас заинтересовать. Так, ерунда всякая.

– Списки отсутствующих есть?

– Да, сорок три человека. Семнадцать из них умерли по факту. Вот список оставшихся двадцати шести. Я, как вы просили, в бумажном виде составила.

– Правильно, ещё не хватало светиться с этой проблемой в сети, – Калачов забрал скоросшиватель и пролистал документы:

– Тут вот целая куча ботаников отсутствует – 7 человек. Эта отрасль нас не интересует? Чем они занимались?

– Они нашлись. Там карандашом помечено. Двадцать шесть отсутствующих – это без них. Они в командировке в группе Соболевского. Глеб Олегович сказал, что вы в курсе насчёт академика.

– Первый раз слышу. Чем они занимаются?

– Не знаю. Гаков сказал, чтобы их не трогали. Они точно не имеют отношения к «Прометею».

– Ну ладно, это отдельная тема. А вот здесь, я смотрю, у тебя отмечен целый отряд из «НИИ прикладной нанохимии». Сразу девять человек отсутствует.

– Проверяла. Этот институт сейчас в стадии закрытия,

как бесперспективный. Основной коллектив уже давно распущен. Была одна лаборатория, которая работала до последнего момента в Москве, но как я выяснила, там занимались разработкой морозоустойчивых полимеров для прокладок.

– Каких «прокладок»? – не понял Калачов. – Выражайся яснее.

Алиса слегка улыбнулась уголками рта, осмыслив весь перечень всевозможных прокладок, и пояснила:

– Уплотнительных. Для различных машин и механизмов.

– Да, прокладку, хоть и хорошую, вряд ли назовут «Прометеем». Всё у тебя? – он тут же перевёл взгляд на следующего из присутствующих: – Артём.

Артём Шустицкий, научный эксперт, доложил:

– Лингвистический и психофизический анализ сообщений о «Прометее» говорит о вероятности события выше 83 %. Анализ традиционной деятельности зарубежных спецслужб, их наработок в области провокаций, секретных операций и контропераций прямо указывает, что данное событие имеет место быть. Другими словами, всё говорит о том, что «Прометей» существует. И существует он на территории нашей страны. Его появление оценивается зарубежными спецслужбами как высшая категория опасности – явная стратегическая угроза для их государств. Семантический анализ «Прометей», как ни странно, указывает на происхождение этого термина здесь, у нас в России. Американцы и их союзники никогда не берут в качестве кодового обозна-

чения термины, у которых совершенно отсутствует агрессия и «мышечная масса». «Прометей» абсолютно не агрессивен. Наоборот – он даёт людям счастье. Использование подобных «мягких» кодовых слов – давняя традиция наших стратегических разработок и военных обозначений. В качестве примера можно вспомнить цветочную тематику для обозначения грозного артиллерийского оружия российской армии: «Гиацинт», «Фиалка», «Пион», «Акация» и так далее. Страны НАТО никогда не назовут своё оружие подобными терминами. В их традиции применение таких кодовых обозначений, как: «Терминатор», «Сатана», «Незримый хищник», «Скорпион», «Полуночная смерть», «Аллигатор» и т.д. Секретные службы США именуют свои операции по тем же лекалам, что и Пентагон – «Копьё Нептуна», «Укус вампира», «Годзилла», «Скелет пересмешника» и т.д. Поэтому наш отдел рекомендует искать «Прометей» у нас. Он существует и представляет стратегическую ценность, как для нашей страны, так и для любой другой.

Калачов дослушал, покивал и подвёл итог услышанного:

– Хорошо, отрицательный результат – тоже результат. Пока условно отрицательный. Это нормально. Давайте, прямо сейчас проведём мозговой штурм на тему: разработку в какой области можно было бы назвать кодовым словом «Прометей». Высказываемся по часовой стрелке. Влад, начинай!

– Во-первых, предположу, что искомый объект никак не связан с научными разработками нашего военно-промыш-

ленного комплекса. Здесь известны все направления научного интереса. Финансирование, профиль и структура, деятельность каждого научного сообщества – всё прописано до мельчайшей детали. Поэтому, естественно, мы не могли что-то упустить. Тем более такое, что поставило на уши всю резидентуру вероятного противника. Я считаю, что надо искать в тех областях научных изысканий, где открытие может произойти случайно, но эффект от его воплощения в жизнь может иметь далеко идущие последствия. Наш интерес должен быть направлен, как в сторону научных разработок нестратегического значения, не имеющего никакого отношения к ВПК, так и к учёным-самоучкам, что несколько затрудняет поиск. Мне кажется, что какое-то прорывное открытие может быть связано с физикой, химией или даже биологией.

– Биологией-то, каким образом? – возразила Алиса.

– Всё может быть. Возможно, произошло открытие нового вида питания. К примеру, какого-то съедобного вида плесени, которая не боится низких температур. Это я так, леплю всё, что в голову взбредёт. Но, тем не менее, никто не будет отрицать, что одна из самых насущных проблем современности – как прокормить человечество в условиях глобального похолодания.

– Соглашусь, – кивнул генерал. – А что по другим наукам? К примеру, может «Прометей» иметь отношение к медицине?

– Почему нет? К примеру, кто-то изобрёл реальный способ длительного анабиоза. Тогда большую часть населения можно было бы погрузить в спячку до лучших времён.

Алиса вновь хмыкнула, покрутила головой, но ничего не сказала.

– Алиса, тебе есть что добавить? – заметил её скепсис Калачов.

– Да! – девушка оживилась. – Вспомним, что Прометей не накормил народ – это сделал Иисус, не уложил спать – это сделал Морфей и не соорудил, как мы все знаем, ковчег. Это сделал Ной. А что сделал Прометей? Правильно – дал людям огонь. Он согрел людей. Есть у нас в настоящее время такая проблема? – Алиса с улыбкой на кончиках губ обвела всех взглядом своих пронзительно-синих глаз. – Есть. Поэтому, как я считаю, именно в этой плоскости и надо смотреть на проблему поиска «Прометея» ...

...Весь день Калачов провёл в здании руководимого им управления. На начальном этапе необходимо было наладить эффективную работу каждого отдела и каждого сотрудника. Чтобы всё работало, как часы, без сбоев и пробелов. Работы было невпроворот. Но постепенно становилось понятным в каких направлениях двигаться. Верил Калачов и в случайную подсказку. Главное, держать ухо востро и правильно анализировать любую поступающую информацию.

Глава двадцать первая

10 апреля

Сочи

Предатель поневоле

До этого момента Бузмаков считал, что он не подвержен гипнозу. По крайней мере, все предыдущие попытки ввести его в гипнотическое состояние потерпели фиаско. Вит всегда гордился данным фактом, считая его проявлением своей силы воли и крепости духа. Впрочем, возможно, в прошлые разы гипнотизёры были похуже, а состояние организма получше. Теперь же, обессиленный бесконечными попытками и голодом Бузмаков легко впал в транс. Тем более, из-за гадости, которую ему впрыснули в вену, всё сразу поплыло перед глазами, а окружающие предметы приобрели странный оранжево-фиолетовый окрас. В голове успела мелькнуть шальная, весёлая от безысходности мысль: «Хи-хи, мне всё фиолетово: оранжевое небо, оранжевый верблюд...». В следующий момент самостоятельные мысли выпорхнули из черепной коробки. Остался только громкий навязчивый повелительный голос, болью отдающийся то в висках, то в затылке. Бузмаков не мог не отвечать. Когда он молчал, боль бес-

конечно усиливалась, в душу проникал страх. Приходилось отвечать.

– Как тебя зовут?

– Вс-с-с..., а-э-э-э – боль парализовала лицевые мышцы, превращая ответ в нечленораздельные звуки. – Меня зовут Витольдом.

– «Витольдом»? Ты врёшь!

– Нет, нет, нет... А-э-э-э, так меня родители называли. А друзья зовут Витом.

– Тебе нравится боль?

– Ы-ы-ы! Не-е-ет...

– Где ты оставил документы?

– А-а-а... Какие?

– Ты знаешь «какие»? Где?

– Я-я-я оставил их в кабинете Рашева.

– Кого?

– Заместителя директора нашего института.

– Ты отдал их секретарю?

– Нет-нет-нет. У него нет секретаря. Я положил их ему на стол.

– Они до сих пор там?

– А-а-а... Я не знаю. Скорее всего.

– Где сейчас Шелихов?

– Не знаю...

– Где?

– Нет! Нет! Не скажу.

– Скажешь. Или твоя голова взорвётся.

– А-э-э-э, о-о-о... Хорошо, хорошо... Он вместе с Кузнецовой заканчивает лабораторные опыты в Москве...

– После того, как ты уехал, они звонили тебе?

– Нет! С ними не было связи.

Глава двадцать вторая

10 апреля

Сочи. ОУСО ФСБ

Всегда есть люди, которые знают больше других

Калачов раздал каждому ворох конкретных заданий. Подчинённые взяли под козырёк и тут же растаяли за дверью «командора». Завис только Нутрецов:

– Я не привык заниматься рутинной. Хотя у меня на погонах по три звезды, я всё же полковник, а не старший лейтенант.

– Что конкретно тебе, Володя, не нравится? Берёшь список отсутствующих учёных, находишь их досье, выявляешь контакты. И по этим контактам узнаёшь, где они и чем конкретным сейчас занимаются. Обычная работа.

Нутрецов даже дёрнулся:

– Это может сделать любая из ваших девочек!

– Не «ваших», а «наших». Володя, поменьше эмоций. Ты сам ведёшь себя, как капризная гимназистка.

Нутрецов закусил губу, но ничего не ответил. Генерал всё

же добавил тем же монотонным баритоном:

– Бестолковый разговор. Я хочу слышать его в последний раз. Понятно выражаюсь? Раз понятно, вот дверь, вот порог, списки возьмёшь у наших девочек.

Оставшись в одиночестве, Калачов решил: «Они ищут «Прометей» у нас. Но все дороги нынче ведут в Сочи. Здесь сосредоточены идеи, деньги, все мало-мальски значимые персоны и вся информация о них. Шила в мешке не утаить. Всегда есть люди, которые знают больше других. Так, кто у нас знает «больше других»? Известно кто. Так чего сидим?»

И генерал поехал к старому знакомому, который неоднократно сидел в его кабинетах по другую сторону стола в качестве обвиняемого, свидетеля, информатора. Этот человек был знаменит тем, что знал решительно всё и про всех. Он жил в большом загородном доме, с террасы которого открывался замечательный вид на Чёрное море. Вид замечательный, но вот беда, воды теперь в этом море не стало. Только замёрзшие лужи, да марсианский пейзаж оголившегося дна.

Михаил Моисеевич встретил Калачова с маской показной радости на лице. Он засуетился, проводив гостя на эту самую террасу, где стоял большой антикварный обеденный стол с такими же дорогими креслами на изогнутых ножках:

– Геннадий Васильевич! Какими судьбами? Я думал, вы давно того... ку-ку...

– Мечтай, мечтай! Многие мечтают, чтобы я «того... ку-

ку».

– Бог с вами! Я вам только здоровья желаю. Я думал вы уже на пенсии.

– На пенсии? Я? В своём уме? Всё рушится, а Калачов на пенсии отдыхает? Не дождётесь.

– А мне говорили, что вы не при делах.

– Как видишь, твоя информация давно прокисла.

– Да-да, просто так вы ко мне не пришли бы.

– А куда мне ещё идти? Есть на земном шарике народ, который всё про всё и про всех знает лучше других.

Всезнайка изобразил обиду:

– Я не еврей. Я серб. Я не Михаил Моисеевич. Я Михаил Алексеевич. Моисеевич – это фамилия. Точно такая же, как Милошевич.

Хозяину террасы было давно за восемьдесят, но за внешностью дряхлого старика прятался всё тот же молодой, активный, пытливый ум. Все его называли просто Мишей и часто обращались за советом. В общении с гостями он и собирал информацию, которую использовал сам, или предлагал другим. Естественно, не за спасибо. В молодости он был искусным махинатором, проворачивающим хитрые аферы на очень большие суммы. Жертвами часто становились люди, относящиеся к сливкам российского общества. Иногда страдали и иностранцы. Среди потерпевших были послы, министры, депутаты Госдумы. Это и стало причиной его знакомства с сотрудниками ФСБ. Калачов любил поболтать с Ми-

шей на любые темы, ценя его ум, начитанность и природную хитрость. Но сейчас он решил просто немного поразмять собеседника перед тем, как перейти к серьёзному разговору:

– Знаю, верю. Но всё же ты не Милошевич, не Иванович и не Семёнович, а Моисеевич.

– Что за нападки? Я же лучше знаю, что у меня сербские корни.

– Ну, да, сербско-еврейские.

– Вот что вы начинаете?

– Будь ты даже не Михаилом Моисеевичем, а Моисеем Миколовичем слов из песни не выкинешь.

– Вот вы всегда нас не любите. Всегда у вас евреи виноваты.

– Ну-ну. Если русские такие жуткие антисемиты, с каких бы это шей в России пригелась самая большая еврейская диаспора в мире? Она до сих пор гораздо больше американской или собственно израильской. Хотя и там, и там в основном выходцы отсюда, из нашей страны.

Хозяин укоризненно покачал головой. Калачов в ответ примирительно улыбнулся, поудобней откинулся в кресле и перешёл к делу:

– Ну ладно, ладно, меня мало интересует твоё происхождение. Но я знаю, что у тебя есть брат.

– У меня два брата, одна сестра, три сына, дочь и семнадцать внуков.

– Меня интересует тот, который в Моссад занимает не са-

мое хилое кресло.

Михаил Алексеевич осклабился блеском слишком белых вставных челюстей и пропел:

– Господи, откуда вы всё знаете? Я по вам удивляюсь.

– Миша, ради бога, брось этот свой псевдо-одесский акцент. Я знаю, что ты москвич не в первом поколении.

– Да, Москва-а-а... – вздохнул Моисеевич.

– Ладно, не отвлекайся.

– Хорошо, что вас интересует? Всегда готов помочь. В разумных пределах, канешно. Но сразу скажу: с братом я не разговариваю. Не разговариваю по принципиальным соображениям. Вообще не разговариваю. Уже десять лет не разговариваю. Как вы этого не знаете? Сделайте запрос в вашу службу электронного контроля. Они подтвердят.

– Что так?

– Нет, не думайте, не из патриотических побуждений – я здесь, а он в Моссад. Просто этот поц сагитировал на переезд в Израиль близких мне людей. Этим он сильно расстроил своего брата, который старше его на семнадцать лет. Никакого уважения к моим сединам. Он даже не посоветовался. А ведь ему, как брату, я даю советы совершенно бесплатно. И заметьте, не самые плохие советы. Это удар в самое сердце. Даже ниже. Но это Мишины проблемы, они вас не касаются. Тем не менее, Геннадий Васильевич, хотя сердце Миши кровоточит от одиночества, он всегда готов вам помочь.

Калачов, словно кастаньетами, громко прощёлкал пальца-

ми мелодию фламенко, помогая при этом ладонями. Получилось очень натурально. Точкой этой музыкальной тирады стал большой палец, взмывший вверх:

– Похвально. Меня интересует сущий пустячок. Спецслужбы Америки, Японии, Англии, Китая и некоторых других стран в последнее время создают, как в старые добрые времена, страшные пробки в Сочи.

– Правда? Не замечал.

– «Не замечал»? Странно... Носятся туда-сюда, как угорелые, распугивая несчастных беженцев.

– И за кем они, интересно узнать, носятся?

– Это я тебя хотел спросить.

– Я же не дорожная служба и не работаю, как вы или мой братик в спецслужбах. Я даже из дома не выхожу. Откуда мне знать?

– Миша, давай, сократим до предела всю цепочку наших препирательств. Мы оба знаем, что будет в конце этого диалога.

– Хорошо. И что я могу с этого иметь?

– Ты можешь иметь отсутствие неприятностей.

– Вы обещаете?

– Естественно. Поверь моему слову.

– О, Геннадий Васильевич, кому-кому, а вам я верю беспрдельно. Вы никогда не подводили бедного Мишу. Сейчас такие страшные времена – никому нельзя верить. Даже самому себе я верю не в полной мере. А вот вам доверяю...

– Я понял, можешь не продолжать. Так что, есть что рассказать?

Миша замялся, складывая и разводя ладони, закатывая глаза и исподтишка зондируя поведение Калачова. Наконец выдавил:

– Ну, я не знаю, что вас конкретно интересует. Информации много. Все в наше время что-то и кого-то ищут.

– Меня интересует «Прометей».

– Ах, «Прометей»! Так сразу бы и сказали.

– Что тебе известно?

– Я маленький человек. Естественно, мне известно меньше вашего.

– Вот и давай проверим, так это или нет.

– Вы тоже поделитесь своими знаниями с бедным Мишей?

– Ты издеваешься? Или тебе больше всех надо?

– Понял, понял. Просто вы так непонятно высказались.

– Говори уже. У меня дел полный рот. Не прожевать.

Только знай: соврёшь – пеняй на себя.

– Ой, я и так весь на нервах... А надо всё рассказывать?

– Всё. Даже ерунду.

– Понял-понял, но таки опять вынужден предупредить – я мало знаю.

Калачов угрожающе склонил голову набок, его взгляд выражал недовольство. Миша успокаивающе потряс растопыренными ладонями:

– Говорят, что какие-то талантливые ребята... Знаете, я

даже подумал сначала, что это наши... – он замялся.

Калачов ухмыльнулся:

– Сербы, что ли?

– Нет, не сербы. Это предки моего папы сербы, а мамы нет. Так вот, я подумал сначала, что раз изобрели что-то важное, то это наши. А потом, оказалось, что нет. Или я всё же прав? Нет? Да?

– Не тяни резину.

– «Резину»? Намёк понял: нашим спецслужбам известно всё. Да, они хотели получить именно резину, а получили материал для Солнца.

– Поясни.

– Я толком не знаю. Знаю только, что это необычайно лёгкий, необычайно крепкий и просто необычайно уникальный материал. Он отражает солнечные лучи лучше всех. И главное, как мне сказали, он волшебный. При помощи обычного реостата на его поверхность можно подать ток и под действием этого тока он или складывается в маленькую горошину или приобретает форму, которая была ему задана в момент застывания. Больше мне ничего неизвестно. Мамой клянусь.

– Как все узнали о «Прометее»? Где источник?

– Откуда я знаю? Мне совершенно это неизвестно. Знаю только, что на пиндосов вышел один человек. Видно, он хочет немного подзаработать. Впрочем, неправильно выразился. Он захотел сорвать банк. Из грязи сразу в князи. Речь идёт о баснословных деньгах. Наивный дурачок. Это был

плохой ход с его стороны.

– Кто он?

– Я же говорю, не знаю. Знаю только, что, скорее всего, тот, кто обратился к пиндосам, всё знает, но он не имеет отношения к разработке. Это я так думаю. К таким мыслям подталкивает тот факт, что результата пока нет. Все продолжают беситься и чего-то ищут. Вы умный человек, должны понимать. Вот скажите мне, Геннадий Васильевич, где этот самый «Прометей» в настоящее время прячется? Нет, нет, нет – я не хочу выпытать все секреты. Просто, если он в надёжном месте, под наблюдением наших доблестных спецслужб, так это даже очень хорошо. Я перешагну через свою гордость, скажу брату – пусть успокоится. Чего зря силы и время тратить?

– Ох и хитёр ты, Мишаня. Чувствую, как только я уйду, ты тут же сообщишь своему брату: русские ещё не завладели технологией, но тоже уже ищут. А теперь назови мне источник информации.

– Мы так не договаривались.

– Считай, договорились. Говори-говори, или хочешь, чтобы я в тебе разочаровался?

– Вот вы всегда так.

– Я жду...

– Геннадий Васильевич, что вы такой нервный? Сейчас расскажу. Надеюсь, моё имя не всплывёт на поверхность?

– Гарантирую.

– Верю. Кому-кому, а вам, Геннадий Васильевич, я верю. Так слушайте. При отеле «Москва-бич» есть ночной клуб. Очень популярный. Очень. Туда заходит один посольский мэн. Он американец. Очень любит эту новомодную дрянь. Подсел на неё конкретно. Думаю, что с такими привычками он вскоре перестанет работать в государственных структурах США. Но пока он частый гость казино, у него полно баксов и болтливый язык. А у хозяина весь клуб набит подслушивающими устройствами. Он в курсе всего, что делается в этой стране и в мире. Я всегда ему говорил, что он поплатится за своё любопытство сполна. Но он только смеётся в ответ. Дурачок, думает, раз у него сейф забит компроматом – он в шоколаде и его никто не тронет.

– Хватит лить воду. К делу, к делу!

– А всё. На этом всё. Я рассказал всё, что знал.

– Как его фамилия?

– Американца? Понятия не имею.

– Хозяина.

– Что вы, Геннадий Васильевич, вам это известно и без меня.

– Нет времени с тобой препираться. Говори.

– Это Лёва Альпинист.

– Фамилию, а не кликуху.

– Э-э-э, понял. Официально он именуется Александр Вениаминович Преображенскопосадский-Мамин-Папин-Сибиряк.

– Такая длинная фамилия? Это шутка?

– Истинная правда. У некоторых бывают очень большие проблемы с мозгами. У Шуры этих проблем нет, так-таки нет и мозгов. Ему не нравятся короткие фамилии. А кому они нравятся? Кому, скажите? Мне бы тоже не нравилось, если бы меня звали Лев Кац. Представляете: Левкац, иди к доске; Левкац, сбегай за мячом, Левкац, отстань и не приставай ко мне. Звучит, как собачья кличка. Поэтому Лёве, очевидно, это тоже с детства не нравилось. И он в конце концов официально поменял имя, данное ему папой с мамой, когда стал уже совершенно созревшим. Я бы даже сказал: перезревшим. Этот поц тогда сидел в колонии. Отсюда «по-садский». У него пять ходок. И все по глупости. «Сибиряк» – это он приврал. Лёва никогда не сидел в Сибири. Но ему видимо туда всегда хотелось. А иначе, скажите на милость, зачем попадаться нашим доблестным служителям закона целых пять раз? Откуда взялся «преображенский» – никто не знает. Лёва молчит об этом. Если вы узнаете, шепните бедному Мише. Мне любопытно.

Глава двадцать третья

11 апреля

Рио-де-Жанейро

Сотворение и низвержение кумиров – самая древняя игра

Угрюмая девочка со зверским взглядом близоруко прищуренных глаз никак не отреагировала на многочисленные путы, брошенные на её шею и руки. Люди продолжали активно закидывать на её каменное сорокаметровое тело прочные капроновые канаты. Снизу несло невозможное: проклятия, ругань, шум. Миллионы голосов слились в один невообразимый гул. Все мечтали приобщиться к сносу памятника. Но узкая дорога, ведущая на вершину Корковаду, позволяла стать участником исторического процесса лишь нескольким тысячам человек. На вершине горы десятки крепких парней рьяно долбили молотками, кувалдами и ломом место крепления памятника к пьедесталу. Ноги Греты Тунберг быстро превращались в уродливые конечности какой-нибудь анорексичной фанатички в канун её голодной смерти. Последние десять лет огромное каменное изваяние

величайшего борца с глобальным потеплением подвергалось систематическим осквернениям. Поэтому ещё год назад руководство города приняло решение о сносе «злой девочки». Задержка была связана только с дороговизной намеченного мероприятия.

Работа была долгой и кропотливой. Лишь к вечеру удалось раздолбить каменную облицовку и срезать металлическую сердцевину ног, внутри которых был лифт и металлическая лестница, ведущие на голову Греты. Освещаемая последними лучами заходящего солнца уродливая фигура «жертвы глобального потепления» резко накренилась вперёд и полетела вниз, давя зевак, забивших смотровые площадки Корковаду. В воздух взметнулись кубометры пыли, закрывая и без того тусклое солнце эпохи нового Великого оледенения.

Это был последний памятник девочки, успевшей стать при жизни символом сначала всеобщего обожания, а затем всеобщего презрения.

Когда грохот снесённой статуи успокоился, толпа услышала зычный голос, усиленный мощными динамиками. Он был слышен даже на далёких окраинах Рио:

– На колени! Помолимся всевышнему! Вспомним о боге. Сегодня мы избавились от последнего символа сатанизма. Все наши беды от того, что мы забыли имя бога, мы отреклись от него. Так сделаем всё, чтобы вернуть Христа Икупителя на его прежнее место. Вот вам жизненный урок.

Помните о нём и расскажите об этом своим детям! Бог наказал нас за нашу гордыню и глупость! Как только мы скинули Христа с Корковаду и поставили на его место ведьму, тут же на человечество обрушилась божья кара. И так будет всегда с теми, кто не носит в своём сердце имя бога. Но Всевышний милостив. Он простит заблудших овечек. Он не бросит свою паству в беде. Наш долг собрать средства и вернуть образ Спасителя на его законное место. Аминь!

Как люди падки на кумиров! Вчера был старый, сегодня – новый, а завтра уж иной.

Глава двадцать четвёртая

11 апреля 2063 года Сочи ОУСО ФСБ Женский разговор

Калачов взял Лизу Юшкевич в свою команду, потому что хорошо знал её таланты. А вот Алису Андрееву ему посоветовал Гаков. Мол, голова варит, образование отличное, в совершенстве знает пять языков. И главное, у неё аналитический склад ума, которому могут позавидовать многие из мужиков.

У Алисы в неполные двадцать пять теперь были свои подчинённые. Но она не стеснялась бегать за советом к более опытной коллеге.

Вот и сейчас она пришла в кабинет Юшкевич для помощи в решении насущной задачки. Но после этого задержалась.

– Елизавета Егоровна... – Алиса замялась, не зная, как правильно спросить.

Юшкевич приняла заминку за проблему «разности в возрасте» – молоденькой девушке трудно было подобрать манеру общения с более взрослой коллегой по работе. Поэтому женщина попыталась помочь:

– Можешь называть меня Лизой, если тебе так удобней.

– Хорошо. Лиза, а ты давно знаешь Геннадия Васильевича?

– Давно. Я устроилась работать в его отдел, когда была примерно такая, как ты. Сразу после академии.

Девушка опять помялась. Лиза приободрила:

– Спрашивай, что ты хотела узнать?

– Хм, а у него есть жена?

– «Жена»? – вопрос был немного неожиданным.

– Ну да, я всё время смотрю, он никогда не торопится домой. словно его никто и не ждёт. Вот по тебе сразу видно, что ты всё время думаешь о семье. Правда, правда! А он какой-то одинокий, неухоженный что ли, холодный и колючий. Бирюк, одним словом.

– Уж не собралась ли ты, девушка, приударить за нашим патроном?

Алиса улыбнулась, но по её улыбке было видно, что это простое любопытство и ничего более. Тем не менее она поддержала игривый мотив диалога:

– А почему бы нет? Если его причесать, приодеть и смыть с него коросту одиночества – наш генерал просто идеал мужчины. Высокий, стройный, подтянутый, умный, седовласый. А этот баритон? Если он скажет: «Я тебя люблю. Стань моею», – Алиса натужно понизила голос, изображая Калачова, – то мало кто сможет устоять.

– Угу, – грустно констатировала Лиза, – правду говорят,

что жизнь течёт по кругу. Дежавю. Я уже это видела и слышала. Была тут одна, такая же, как ты, только брюнетка. Глазки командору строила. Тогда ему и сорока ещё не было. Могу фотку показать, как он в то время выглядел.

– И что? Чем дело закончилось?

– Через год поженились.

– Правда?

– Истина.

– А, значит, он женат...

– Нет, не женат. Не везёт командору на жён. Первую жену он боготворил и любил, как говорят, больше жизни. Это, естественно, ещё до меня было. Мне рассказывали, что они были близки с самого детства. Школу закончили и сразу свадьбу сыграли. Но детей так и не завели, потому что первая супруга командора вскоре заболела. Одни говорили, что у неё обнаружили рак крови. Другие – порог сердца. Два последних года супруга командора вообще не вставала. Скорее всего, она так долго не протянула бы, если бы муж, как говорят, разве что райских яблок ей не приносил. Обложил заботой, возил по всем академикам. В общем, ты поняла. Когда я пришла в контору, четыре года минуло с её смерти. Но на него без слёз смотреть было нельзя – «каменный гость», суровый трудоголик. Он очень долго страдал. Очень. Вот считай, первая жена умерла, когда ему двадцать пять было. А второй раз женился в тридцать девять. Представляешь? Вообще никого к себе не подпускал. Так бы, наверное, и остал-

ся бобылём. Остался, если бы не Арина, так звали эту брюнетку. Она в него втрескалась по уши с первой минуты, как пришла. И вцепилась – не оторвать. Уж не знаю, как и что, но мы вскоре заметили, что наш командор изменился – расцвёл, помолодел, стал улыбаться, чего за ним никогда не водилось.

– Когда это было?

– Так-так-так, я как раз беременная дочкой была. Значит, почти двенадцать лет назад.

– Давно.

– Вчера..., – Лиза тяжело выдула воздух через губы.

– Продолжай.

– М-да... Он начал шутить, улыбаться, а, главное, на Аринку стал смотреть по-другому. Внешне вроде как обычно. Но во взгляде – теплота, нежность. Даже завидно было.

– Она тоже умерла?

– Я же говорю: не везёт командору в личной жизни. Она покончила с собой.

– Как покончила? – Алиса даже руку приложила к губам.

– Так... отравилась.

– Из-за чего?

– Мутная история, – Юшкевич понизила голос, чтобы её слышала только Алиса. – Ходили слухи, что она это сделала из-за того, что была бездетной. Но я в это не верю. Сейчас есть много вариантов, чтобы завести детей. Да и прожили они всего лишь три года вместе. Наверняка, не все вариан-

ты лечения за такой срок можно пройти. Говорю же, в наше время можно и при помощи искусственного донора родить. Не проблема.

– Из-за чего, по-твоему, она отравилась?

– Не знаю. А сочинять не стану. Только мы с тобой следователи, поэтому логика у нас выше, чем у стандартного человека. Я тебе дам вводную, а дальше думай сама. Вот смотри, это было восемь лет назад. Тогда произошла целая череда событий. Сначала покончила с собой Арина, затем наш патрон избил до полусмерти своего старого друга. И тот умер в больнице. Калачова тут же арестовали, но кто-то ему тогда помог, – Лиза замолчала, очевидно, осмысливая заново полузабытую историю.

– Чем помог?

– Знаешь, как обычно расследуются такие истории?

– Откуда?

– Пройдутся по верхам и быстро все документы в суд. А чего тянуть? Вот жертва – вот убийца. Всё просто и понятно. Бил? Бил. Не отрицает. Чего ещё? Я вот сейчас вспоминаю – мне и тогда многое показалось странным. Следствие к делу отнеслось предельно серьёзно. Под Калачова копали до кровавых мозолей. Словно сверху была спущена команда: ату! А потом вдруг всё затихло – тишь, да гладь. Калачову дали год условно и уволили из органов. Лишили при этом звания и всех наград. Какая-то полумера, непонятная. Если Костин умер от побоев, тогда наказание несправедливо мало. А если

драка не имеет отношения к смерти – то приговор слишком суров. Я всё же сошлась на втором.

– Наверное, вы, – Алиса неожиданно перешла на официальное обращение, хотя до этого в разговоре употребляла «ты», – пришли к таким выводам с предубеждением.

– С чего ты взяла?

– Всё-таки Калачов – любимый начальник. А Костин кто для вас? Никто.

– Нет, Алиса, ты ошибаешься. Я всё прекрасно помню. К таким выводам я пришла на основе конкретных данных. Я считаю, что Костин умер вовсе не от ран. Раны были достаточно банальными: перелом носа, сломанная челюсть и, падая, он ударился головой о паркетный пол. Последняя травма тоже не была смертельной – небольшое сотрясение. На основе характера ран можно прийти к выводу, что это была не какая-нибудь заурядная драка с жестокими непредсказуемыми последствиями, а выяснение отношений.

Алиса поджала губы, чуть вытаращив глаза, и мелко затрясла головой:

– Интересно, как вы делаете такие выводы?

Лизу слегка насторожила дрожь в голосе собеседницы, а также агрессивное неприятие её позиции. Она сделала паузу, но продолжила в той же спокойной и рассудительной манере:

– Сама посуди, отбитых почек нет. Сломанных рёбер тоже. Калачов бил только в лицо. Бил благородно, не исподтишка и не применяя всякие там кастеты, биты или холодное

оружие. Это подобие дуэли с определённым кодексом чести.

Алиса неопределённо покрутила головой:

– Странные кодексы – морду бить.

– Хм, на мой взгляд, это лучше, чем мстить «по-женски».

– Что вы имеете в виду?

– Давай не будем отвлекаться. Тебе ещё интересно то, что я тебе рассказываю?

– Очень.

– Далее ещё выяснилось, что Костин за последние три года изрядно разбогател. У него завелись большие деньги, дорогие автомобили, загородные дома, счета в зарубежных банках.

– Взятки?

– Не уверена, но судить не берусь, так как не имею точной инфы. Многие судачили, но никто ничего толком не знает. Короче, был у Костина какой-то нехороший скелет в шкафу. Возможно, из-за этого дело и спустили на тормозах. Возможно. Болтали даже, что Арина распростилась со своей молодой жизнью не просто так, и у этого прискорбного события есть определённая предыстория. Якобы, Костин был её любовником. За что и получил по морде. Хотя другие эту версию отвергали начисто.

– А вы как думаете?

– Я не хочу думать. У меня на душе кошки скребут, когда я вспоминаю эту историю. Если бы я читала об этом книжку, я бы думала, а так... Всё происходило у меня на глазах.

Происходило с людьми, которых я прекрасно знаю. Я и Костина знала. Константин Константинович из нашей системы. Он руководил отделом в Службе внешней разведки. Часто приходил к Калачову по делу и просто так. Я же говорю – они дружили. Ты чего? Плачешь?

Алиса отвернулась и шмыгнула носом:

– Хороша дружба, нечего сказать. У попа была собака, он её любил..., – она не удержалась и, вновь скусившись, всхлипнула.

– У, какая ты у нас впечатлительная, – Лиза выдернула салфетку из специального деревянного прибора и протянула Алисе: – На-ка, утись, душа святая.

Глава двадцать пятая

11 апреля

Сочи

Картина истины рисуется штрихами

На улицах новой столицы было многолюдно. А у входа в казино «Москва-бич» и того пуще – яблоку негде упасть. Чтобы пройти к хозяину заведения, Калачову пришлось показать не только удостоверение, но и личный Указ президента. В зале было весело. Молодёжь, слившись телами, подёргивалась в сопровождении странной музыки – без мелодии и ритма. Калачову эта «музыка» напомнила звуки канализационного коллектора, когда его прочищают от пробки. Гости постарше сидели за столами, покуривали кальян, попивали виски и наслаждались кривляньями у шеста совершенно голых девушек-андроидов. Кругом шныряли официанты и какие-то подозрительные типы, которые время от времени что-то шептали на уши посетителям. Седовласые любители азартных игр не задерживались здесь, а проходили мимо эстрады в следующий зал, где виднелись столы и автоматы. Калачова проводили на второй этаж. Здесь, как это можно увидеть в любом кинофильме, обнаружился большой каби-

нет, с полупрозрачной зеркальной стеной, позволяющей видеть всё, что происходило внизу. Хозяин казино ужинал в присутствии трёх милovidных дам. Он был примерно одного возраста с командором. Во всём остальном – полная противоположность: невысокий рост, излишняя полнота, роскошная лысина, слишком дорогой костюмчик.

Генерал без приглашения сел за стол, при этом чуть задрал нос, всасывая воздух:

– Кофе? Принеси, голубчик, чашечку, – скомандовал он официанту. – Только завари покрепче. И обязательно в турке.

Лёва не удивился, хотя такой наглости давно не наблюдал. Он моментально понял, кто к нему пришёл, и кратким жестом резко раскрывающихся ладоней приказал девушкам удалиться.

Генерал поудобней устроился в кресле и улыбнулся хозяйину:

– Ну надо же, знакомые всё лица. А я всё думаю: кто такой этот Александр Вениаминович Преображенскопосадский-Мамин-Папин-Сибиряк? Почему не знаю? А это мой старый добрый друг. Давно освободился?

– Ой, давно, Геннадий Васильевич. Ой, давно. Многие за это время родились, выросли и полысели. Легко меня отыскали?

– Легко.

– Эх, Геннадий Васильевич, как ещё много в этом мире

завистливых людей. Если бы их не было, вы бы меня ни за что не нашли. Вопрос на засыпку: под каким именем вы меня помните?

– Их было много, но основное – Александр Знаменский. Откуда, кстати, оно?

– Не помню уже. А, да! Мне на тридцатилетие друзья паспорт с этим именем подогнали. Давно это было. Двадцать пять лет прошло.

– А я всё думаю, куда подевался Шура Знаменский? А он оказывается спокойно в Сочи обитает.

– Да, да, Сочи – столица русского казино. Здесь по-прежнему жарко от ставок и потерянных состояний. Только с тех пор, как я здесь обосновался, очень холодно стало. Причём везде.

– Это точно. Но почему бы тогда не перебраться в Израиль?

– Что мне там делать?

– Тоже, что и здесь.

– Вы с ума сошли.

– Но там, говорят, теперь хорошо. Тепло, но не жарко. Дожди идут. Урожаи собирают рекордные.

– А народу? Там теперь столько народу – не продохнуть.

– Но здесь тоже не подарок: камню некуда упасть.

– Ой, Геннадий Васильевич, к чему все эти расспросы?

– И всё-таки.

– Ой, ой, ой, такой умный человек. Ясно, что вы меня не

просто так расспрашиваете. И мой ответ вы прекрасно знаете. Конечно, пока в этой стране есть люди, у которых есть денежные знаки – я не замёрзну и не сдохну с голоду.

– Но там тоже шекели имеют хождение.

– Да. Но там слишком много таких как я. Слишком много. Все тёплые места давно забиты. Я недавно прочитал, что в Израиле теперь проживают сто тысяч евреев с фамилией Кац. Представляете? А всего население страны приближается к двадцати миллионам. И все поголовно играют на скрипках. И не спят по ночам, думая, что ещё такого изобрести, чтобы сказочно разбогатеть. Нет, Геннадий Васильевич, можете верить, а можете нет, но я патриот России. Вы это хотели услышать?

– Допустим. Понимаешь теперь, о чём я тебя хочу спросить?

– Лёва не дурак. Лёва очень даже понимает. Теперь вы хотите, чтобы я, как патриот России, помог вам. Так?

Официант принёс кофе. Поблагодарив, генерал сделал глоток и замер, явно получая сказочное удовольствие. Так и не ответив на вопрос, он закинул ногу на ногу, откинувшись в удобном кресле с чашечкой в руке. Частично удовлетворив свои вкусовые рецепторы, он внезапно спросил:

– А не пора ли тебе на пенсию? Сколько можно работать? Поди в заглавнике на сто жизней вперёд накоплено.

– Нет, вы не понимаете. Денег достаточно не бывает. Их всегда мало, – хозяин казино махнул рукой. – Впрочем, не

мне учить вас жизни. То, что находится под вашими седыми висками, и без Лёвиных советов, всё знает, всё понимает. Вы просто мне зубы заговариваете, как тот рыбак с червячком на крючке. Скажите прямо: что вас интересует? Если интересует экстази, так и попросите, вам принесут лучшее.

– Наркотик?

– Да какой там «наркотик»? О чём вы? Всё, что здесь предлагают клиентам, разрешено Минздравом. Лёва не враг чужому здоровью. Никакого химического воздействия это средство не даёт. Гуманный вариант. Даже не вариант, а просто лекарство от депрессии. Это не я, врачи так утверждают. Мы лишь слегка усилили эффект воздействия.

– Что-то я отстал от жизни. Расскажи подробнее.

– Чего там рассказывать? Откройте интернет, вас там просят на всю тысячу процентов, – так как генерал спокойно и неотрывно продолжал смотреть на него, Лёва махнул рукой: – Геннадий Васильевич, вы работаете лучше дыбы или испанского сапога. Всё расскажу, начальник. Сам расскажу. Это мы зовём его экстази, но к старой доброй таблетке с таким же названием этот электронный вариант получения удовольствий не имеет никакого отношения. Впрочем, имеет. Он, как и все наркотики действует на рецепторы получения удовольствия. Опущу механизм этого воздействия, там слишком много сложных научных терминов. Нам это надо? Вкратце дело обстоит так. Вы глотаете начинённую электроникой пилюлю. Она, попав на слизистую, тут же сама вклю-

чается и по мере продвижения вниз, к естественному выходу из организма, воздействует на эти самые рецепторы.

– И сколько это удовольствие длится?

– У кого как. У кого слабый желудок, у того пять минут и готово. А кто-то ловит пилюлю через несколько часов.

– «Ловит»? Так она многоразовая?

– А как же! В этом особый цимус. При покидании тела человека она издаёт звуковой сигнал, который ни с чем другим не перепутаешь. Поэтому за небольшие деньги, вы можете приобрести качественную пилюлю, которой будете пользоваться года два, а может быть и дольше. Хотите, я вам подарю самый мой любимый экземпляр.

– Спасибо, не надо.

– Не хотите, как хотите. А девушку не желаете?

Девушка видимо получила условный сигнал, который генерал даже не усёк, и тут же всплыла в кабинет из потайной двери. Она была прекрасна в своём совершенстве. Генерал не удержался от пристального созерцания. Кац, довольный произведённым эффектом откинулся в кресле:

– Чудное создание. Для вас крайне недорого.

– Это «чудное создание» – андроид.

– А я и говорю «крайне недорого». Но всё же согласитесь: она великолепна.

– Не пробовал, не знаю.

– Так в чём же дело? В жизни надо попробовать всё.

– Если на улице лежит собачье дерьмо – чего его пробо-

вать? И так понятно, что это дерьмо. Поэтому не всё в жизни надо пробовать. Цианистый калий, в частности, я не советую пробовать даже теще.

– Да, ум у вас не отнять, Геннадий Васильевич. Внешность время немного потрепало..., – здесь Лёва всё же посчитал, что не стоит такому гостю говорить что-либо неприятное и тут же переменялся: – Но это вам к лицу. Раньше вы выглядели молодым гусаром. А сейчас не просто гусаром, а бывалым гусаром. Ах, женщины, наверное, к вам так и липнут.

– Ладно, без лести обойдёмся. Расскажи-ка мне, друг любезный, всё, что тебе ведомо о «Прометее».

– О «Прометее»? Странный вопрос.

– А я и сам странный. Являюсь без приглашения. И заметь, никто меня не выгоняет. Даже наоборот, все по имени отчеству величают, – голос генерала становился всё жёстче и жёстче. – Давай, выкладывай!

Кац заёрзал, стараясь не встречаться с колючим взглядом Калачова, не предвещающим ничего хорошего. На всякий случай, чтобы выиграть время, всё же заюлил:

– Только исключительно по школьной программе...

– Не верти задом, Лёва, я знаю всё. Выкладывай. И лучше по-хорошему. А то у меня по этому делу полномочий – Магадан можно заново заселить. Ты там будешь владельцем не казино, а именной лопаты БСЛ-2.

Лёва понял, что ему не отвертеться. Собираясь с мыслями, с чего начать, он машинально переспросил:

– А что такое «БСЛ-2»?

– Большая совковая лопата, два куба. Греби больше – кидай дальше. Пока летит – отдыхай. Ну? Я не намерен больше шутки шутить.

– Ну что вы так волнуетесь? Мы оба знали с того момента, как вы заявили, что я расскажу всё. Всё, как на духу. Я вас отлично понимаю. Дело важное, государственное, – увидев, что у собеседника заиграли желваки, затараторил: – Зачастил в последнее время к нам один сотрудник американского посольства. Я так и не понял: мелкая сошка или наоборот. Но, думаю, мелкая, хотя и строит из себя важную птицу. Любит он всё: рулетку, блек-джет, выпивку, экстази, девочек, мальчиков. Всеядный такой урод. Давеча... когда это было, дай бог памяти... Да, это было в прошлую субботу, шестого числа. Надрался он до беспамятства, раздухарился, андроид сломал – очень хорошая девочка была. Совсем молодая, едва себя окупила. Кое-как его ребята повязали, уже потащили в такси, а он в фойе вырвался. Да, да – вот там. И тут на него нашло затмение, о котором он, если вспомнит конечно, будет жалеть всю оставшуюся жизнь. Начал брызгать слюной: «Свиньи вы, все! Скоро передохните! Но прежде приползёте на коленях к дядюшке Сэму – помощи. А мы подумаем: помогать вам, или нет. Теперь у нас есть «Прометей». Мы отныне и навсегда будем владеть всем миром и решать, кому жить, а кому сдыхать». Примерно так вещал.

Кац замолчал.

– Это всё?

Лёва уверенно, но довольно нервно, кивнул головой.

– Смотри у меня! – на всякий случай показал ему Калачов кулак.

– Ну что вы, Геннадий Васильевич! Кабы я знал, что это так важно, тут же к вам бы наведалься. Но тогда я его словам не придавал никакого значения. Мало ли кто что трепанёт по пьяни? Я так понимаю, это вам Моисеич на меня стрелку перевёл. Можете не отвечать. Больше никому. Мы в покер ре-зались, я от нечего делать и рассказал эту историю: мол, пиндосы совсем стыд потеряли, ведут себя как крысы во время чумы. Или это неправильный образ? Нет, я сказал, что они ведут себя, как на пиру во время чумы. Да, точно. Ничего, мол, человеческого у них не осталось.

– Запись есть?

– Что вы Геннадий Васильевич, как можно? К нам серьёзные клиенты заходят. Даже министры бывают. Если что-то просочится, или кто-то просто узнает, что мы ведём запись – нам сразу кирдык. Сами должны понимать.

– Я понимаю, – Калачов согласно кивнул головой. – Неси записи.

Лёва дёрнулся, процедив недовольство сквозь зубы, но всё же повернулся в сторону худосочного помощника, стоявшего чуть в стороне с эскортом из двух верзил, и кивнул ему. Тот сразу исчез.

Генерал попытался сделать очередной глоток уже холод-

ного кофе, но увы – в чашке оставалась только гуща. Он по-морщился, аккуратно сплёвывая кофейную кашицу обратно:

– Кофе у тебя обалденный. Лучше, чем твои роботы в женском обличье. Где достаёшь?

Кац расплылся в довольной ухмылке:

– Личным самолётом из Бразилии привожу.

– Тогда с тебя ящик.

– Взятку просишь? Я бы дал, если бы знал за что, – после того, как генерал оказался в роли просителя, Лёва тут же машинально перешёл на «ты».

– «Взятку»? Да ты смеёшься.

– Кофе сейчас на вес золота.

– Да хоть – бриллиантов. Разве цена имеет значение, когда речь идёт о детях?

– О «детях»? И много их у тебя?

– Тридцать голов. И все день и ночь заняты одним делом: спасают твой бизнес.

– Хе-хе, ну ты, Геннадий Васильевич загнул! Причём здесь мой бизнес?

– А притом! Тот, кто владеет «Прометеем» – тот владеет миром. И ребята работают не покладая рук в поте лица, чтобы не дать американцам вывезти отсюда наш «Прометей». Но работают они больше головой, чем руками или ногами. Поэтому кофе в данном процессе крайне необходим.

– Но мне-то какая разница, кто будет владеть «Прометеем» – вы или пиндосы?

– Большая, Лёва, очень большая! – Калачов не знал пока, что из себя представляет «Прометей», но его значение он уже оценивал сполна. Поэтому развил свою мысль: – Власть – это деньги. Американцы, владея «Прометеем» загнут всех остальных. Сам же говорил про этого пиндоса. Что он там кричал? «На коленях приползёте»? Во-во. Всё богатство будет сосредоточено там, за океаном. Остальных дядя Сэм будет нагибать и гнобить. Там будет бабло, а здесь картофельные очистки. Или ты будешь принимать ставки в «картофельном» эквиваленте?

– Ну и фантазёр же ты, Геннадий Васильевич! Ох, фантазёр!

– Нет, ну ты, конечно, можешь перебраться за океан и там начать всё сначала. Но это такая морока. К тому же ты, помнится, говорил, что являешься патриотом. Сейчас такое время – каждый ответственный гражданин обязан вносить свою лепту в дело спасения родины. Если этого не делать, то останешься у разбитого корыта.

– Сколько логики, ума, патетики. И всё только ради того, чтобы получить ящик бразильского кофе. Да, всё меняется в этой стране.

– Да, подавись ты своим кофе, – спокойно ухмыльнулся Калачов. – Я просто паузу заполнил. О чём с тобой ещё говорить? О наркоте, девочках и крутых тачках? Но это всё не моё. Вон, кстати и твой мальчик идёт.

«Мальчику» было не меньше, чем самому генералу. Он

торопливо подбежал и учтиво передал гостю носитель, запечатанный в красивый кожаный чехол. Генерал вынул гаджет, осмотрел его и засунул обратно:

– Спасибо и на этом. Можешь не провожать.

Глава двадцать шестая

11 апреля

Москва

Отчаяние

Мара проснулась и сразу же вскочила. Печка давно потухла. В комнате стало так холодно, что чайник, наверняка, застыл. А её любимый сидит на постели, обхватив согнутые колени и уставившись куда-то в стену. Всё замёрзло – значит время уже не ночное. Обычно вечерней закладки угля хватало до той поры, когда вставал Ярослав, растапливал печь, пил чай, будил её и они вместе отправлялись в лабораторию. Сегодня железный распорядок сломался.

– Славка, ты чего? Что случилось? – она нежно положила ладонь на его плечо.

Он только вздохнул, так и не ответив. Взгляд прочно пристыл к выбранной на стене точке – не оторвёшь.

Девушка предприняла несколько попыток лаской оживить возлюбленного. Не помогло. Она не выдержала и вспылила:

– Что это за выходки? Пустил нюни. Ты здесь не один!
Ноль реакции.

– Да что это такое?! – и она отвесила пару громких пощёчин. – Шелихов! Чёртов плакса!

Он вскочил с дивана, встал в середине этой маленькой комнаты и громко засопел. Продышавшись, дёрнул в воздухе кулаками:

– Я не могу больше! Не могу! Ничего не получается. Мы бродим в потёмках, тыкаясь наугад. А истина где-то рядом. В чём? В чём ошибка?

– Успокойся и засядь заново над теорией. Ты же гений!

– «Гений»? Какой я к чёрту гений? Материал получился случайно, Бузмаков пропал. Где он? Уткнулся в тёплое место и наплевал на нас? Бабушка тоже не шевелится. Все на нас поставили крест. Большой, чёрный, кладбищенский крест. Мы сдохнем в этих катакомбах. Сдохнем от голода, а ещё быстрее от холода. Угля осталась дней на пять. Не больше!

Мара успокоилась, чуть презрительно глядя на парня. Он ей казался жалким. Жалким и смешным. Разве такого она полюбила? Девушка сложила руки калачиком:

– Ты всё сказал? Всё, я спрашиваю?

– Всё, – упавшим голосом вымолвил Ярослав, уперев взгляд в пол.

– А теперь я скажу. Я тебя считала великим учёным, чистым, добрым человеком с ясным умом и сильной волей. Я тебя считала мужчиной, воплощением женской мечты. А ты скулишь, как собака, которая боится взрыва новогодних петард. Если ты сейчас не возьмёшь себя в руки и не примешь-

ся за решение насущных задач... А их во! – она резко провела по горлу. – Их пруд пруди. У нас нет времени на скулёж.

Он поднял взгляд до уровня её лица и тихо прошептал:

– Я не могу, Мара! Не могу. Я обычный ботаник, а не бог, с факелом в руке. Всё кончено. Никто нам не поможет, а сами мы не способны найти ошибку и исправить её. Даже если найдём, то исправить уже не успеем. Нас убьёт безжалостный холод. Мы опоздали. Всё зря! Зря, зря... Наш героический риск был неоправданным.

Она спокойно кивнула головой:

– Раз ты не способен, я сама займусь и проектом, и опытами.

Мара неторопливо оделась, не удосужив при этом милого взглядом, взяла папку с расчётами и тронула ручку входной двери. Не поворачиваясь, произнесла:

– Чтобы, когда я вернусь, ужин был готов! И приберись здесь. Не комната, а полный бардак!

Она ушла, а Шелихов ещё долго сидел на кровати, напряжённо скобля пальцами виски. Психанула! Ну и ладно. Не долго осталось. Предчувствия меня ещё никогда не обманывали. Я явственно ощущаю, что в ближайшее время умру. Замёрзну. И мой труп будет лежать в этом леднике тысячу лет. Десятки тысяч лет. А труп Мары будет лежать рядом и молчать. Будет лежать и молчать. Лежать и молчать. Труп Мары. Мары?! Нет. Ни за что...

Он воспрял, оделся и выскочил вслед за девушкой.

Глава двадцать седьмая

12 апреля Сочи Поиски Рашева

Американец на видео оказался одним из помощников атташе по культуре. Запись полностью подтверждала реальность проекта «Прометей» и повышенный интерес к нему со стороны спецслужб Америки. Но не более. Никаких реальных подсказок на записи не оказалось. Во всяком расследовании, кроме анализа, оперативного поиска, данных технических средств контроля, докладов информаторов и интуиции следователей, важную роль зачастую играет его величество случай. Вот и в деле о «Прометее» случай не заставил себя ждать. Поздно вечером на пороге кабинета командора появилась Юшкевич:

- Геннадий Васильевич, Рашев пропал.
- «Рашев»? Это кто?
- Это заместитель начальника НИИ синтетических полимеров. Помните, я об этой организации докладывала?
- Откуда поступила информация о пропаже?
- От меня.

– ???

– Я с ним вчера общалась. А сегодня решила уточнить, вернулись ли ребята, которые до последнего работали в Москве.

– А что тебя в них заинтересовало?

– Особо ничего. Но вот запала в голове одна занозная мысль и никак я от неё не могу избавиться.

– Говори.

– Судите сами. К примеру, мы с вами занимаемся прокладками. Пусть, имеющими замечательные характеристики по востребованной ныне морозоустойчивости. Но Рашев говорил, что приказ о закрытии этой лаборатории был издан ещё первого марта. Спрашивается, зачем вы на свой страх и риск остались в замёрзшем городе? Ради прокладок?

– Понял, резонно. Вполне возможно, что дело обстоит именно так, как ты предполагаешь. Но пропали не они, а Рашев. Расскажи подробнее.

– Сразу после совещания я начала его вызванивать. Когда поняла, что ни на один контакт он не выходит, стала расширять круг поиска, задействовав других людей. Жены тоже нет – исчезла. Ладно думаю, люди самостоятельные, могли уйти в гости и отключиться от внешнего мира. Но на всякий случай вышла на консьержа дома, в котором живут Рашевы. Тот сообщил, что рано утром за Рашевым заехал Гольдберг, это директор института, и они укатили каждый на своём автомобиле, но в одну сторону. Консьерж слышал, как они взвол-

нованно обсуждали какую-то проблему, но поравнявшись с ним, сразу заткнулись. Я тут же стала искать людей из института. Никого там не было, нашёлся только охранник. Он мне сказал, что за весь день проходили только четыре человека: рано утром – Рашев с Гольдбергом и в обед – Бузмаков с Шелиховым. Я даже обрадовалась. Ведь Бузмаков с Шелиховым – это как раз те исследователи, которые задержались в лаборатории в Москве. Думаю, сейчас сниму эту проблемку с повестки дня. Поэтому попросила охранника подняться в кабинет Гольдберга или Рашева, чтобы связаться с ними. Он поднялся в кабинет Рашева и тут же доложил мне: всё перекрыто, ящики и полки вывалены на пол, полный разгром. И никого при этом нет... Я сказала, чтобы он все двери проверил, запер и ждал нас.

– Всё правильно, – генерал нажал тревожную кнопку, – Оперативная – срочно на выезд!

...Бардак в кабинете Рашева явно указывал на то, что здесь что-то тщательно искали. Причём искали не хозяйские ручки, а равнодушные руки пришлого человека, которого сохранность вещей не интересовала вовсе. Генерал, осторожно хрустя разбитыми вдребезги стёклами аквариума, прошёл к окну и аккуратно заглянул за штору. Окно оказалось закрытым. Странно, куда же все подевались? Пора раздавать команды:

– Володя! Возьми криминалиста и проводника с собакой.

Аккуратно обойди вокруг здания.

– Что искать? – откликнулся по оперативной связи Нутрецов, оставшийся с оцеплением во дворе.

– Следы ищи и всё, что покажется подозрительным. И смотри, какое окно в здании открыто. Короче, надо узнать, как они отсюда все выбрались. Если псина возьмёт след – проследи до какого места и далее действуй по обстоятельствам. Да не забывай докладывать. Ясно?

Загрузив Нутрецова, генерал не успокоился:

– А ты, Алиса, поднимись прямо сейчас в кабинет директора института. Да возьми с собой пару бойцов на всякий случай. Кир, посмотри, что можно использовать или восстановить из компьютерных дисков, – указал генерал стоящему рядом с ним Целовальникову на разбитый компьютер. Лиза, на тебе камеры, как внутри здания, так и во всей округе. А ты, Влад, займись осмотром этой разрушенной комнаты.

Озадачив свою команду, Калачов начал допрос сторожа:

– Значит, Владимир Семёнович, о, как Высоцкого звать... Значит, говорите, Гольдберг и Рашев приехали аж в семь утра.

– Да. У меня так в компе отмечено. Я в восемь пришёл, ночью Хабибуллин дежурил.

– Звони ему, пусть едет срочно.

– Я сразу его вызвал, как только вашей девушке доложил о разгромленной комнате.

– Молодец.

– Это она сказала, чтобы я позвонил. О! Вот и Марат явился.

В фойе зашёл мужчина в гражданской одежде. Он был несколько ошарашен большим количеством спецсигналов и бойцов в форме спецназа. Через минуту Хабибуллин рассказывал:

– Они никогда в это время не приезжали. В такую рань только уборщицы и повара приходят. Ну и разные там обслуживающие нас организации. К примеру, те, кто кулеры заправляют.

– Сегодня кто из них был?

– Никого. Последнюю неделю уже никто здание не обслуживает. Институт закрывают.

Калачов хотел высказать рассказчику своё «фи» за избыток ненужной информацией, но промолчал, лишь отметив мысленно, что это даже хорошо, что никого не было. Меньше народа – меньше путаницы и ненужной информации. Да и следов больше – топтать некому. Хабибуллин поведал, что ничего особенного в то утро не заметил. Мол, да, начальство заявилось непривычно рано, но вело себя, как обычно. Подошло к лифту и укатило к себе наверх. А вскоре меня Владимир Семёнович сменил. Тёзка Высоцкого в свою очередь рассказал, что в его смену всё было тихо. Он даже забыл, что начальство в здании. Единственно, что в 11 часов заявились эти двое: Шелихов и Бузмаков. Да, они показали удостоверения. Я сверился со списком: они в нём были, потому и про-

пустил. Да, до этого я их никогда не видел, поэтому и задал такой же вопрос. Они сказали, что всё это время работали в Москве.

В это время Кацэ уже успел познакомиться с компьютерными данными, которые оказались слишком скудными:

– Шеф, в кабинете Рашева ничего интересного нет, за исключением того факта, что все жёсткие диски испарились. Это раз. Скажу ещё по поводу записей с камер наблюдения. Лиза пошла по окрестностям, но я уже прошустрил. Уверен, что она вернётся без результата. Камеры внутри здания ничего не записали. Впрочем, как и уличные. Работали суперспециалисты. Это два. Интересно, что они применили? Буду разбираться, но ничего уже не работало с 10 часов 55 минут. Братья, мои, – обратился он к охранникам, – как же так? Почему у вас не функционирует программа распознавания лиц? А вдруг это не Шелихов с Бузмаковым приходили?

– А кто ж ещё? – удивился старичок, назвавший себя Владимиром Семёновичем. – Кому мы нужны? Мы не номерное предприятие. Да к тому же всё равно закрывают.

– Погодите, – вступил в разговор Хабибуллин, – Бузмаков приходил на днях. Посмотрите в журнале.

Кирилл прокрутил данные в компьютерном журнале:

– 31 марта его фамилия фигурирует.

– Да точно – я в этот день дежурил.

– Кир, можешь найти его физиономию на записи недельной давности? – внёс свою лепту командор.

– Сейчас посмотрим. Такс, тридцать первого, тридцать первого... Ага он отмечился в журнале прихода в 10. 03. Смотрим! – Кацэ вывел запись с камеры на экран. – Он?

– Да, точно, он приходил, – подтвердил Марат.

– Владимир Семёнович, взгляните, этот сегодня приходил?

Старик долго вглядывался:

– Чёрт его знает? Вроде не похож. Одежда на нём другая.

По прикиду я бы сразу узнал. А так. Но вроде не он.

На связь вышла Алиса:

– Геннадий Васильевич, срочно поднимитесь на седьмой этаж.

– Что-то новенькое?

– Поднимайтесь скорей! Гольдберга нашли.

Над директором института, вернее, над его трупом, порхал неизвестный Калачову молодой криминалист. Генерал обратился к нему:

– Докладывай!

– Только начал, пока могу сказать приблизительно.

Смерть наступила не раньше половины двенадцатого и не позже половины первого. Признаков насильственной смерти не наблюдается. Судя по всему, внезапная остановка сердца. Обширный инфаркт. Через минут пятнадцать смогу доложить точнее.

Генерал мысленно хмыкнул: если это простой инфаркт, тогда я эксперт моды. Кабинет директора и приёмная под-

верглись точно такому же разгрому, что и кабинет Рашева. Шмон был всеобъемлющим и тщательным. Выводы делать рано, но интуиция старого фээсбэшника меня пока не подводила. «Прометей» они ищут. «Прометей». Вопрос только в том: нашли или нет?

– Нашли! – перед генералом возникла стройная фигура шустрой Алисы.

– Что нашли? – не понял Калачов.

– Нашли, куда все остальные делись. Идёмте!

Она отвела генерала в маленький кабинет Рашева. Оказалось, что в задней стене имелся проход, открываемый потайной кнопкой вместе со шкафом. Ничего особенного за фальшивой стеной не наблюдалось: туалет, диван, стол, кресла. Всё, что нужно для нормального отдыха ответственного работника. Но в этой комнате было открыто окно. Алиса Андреева доложила:

– Из окна он выбрался на пожарную лестницу и по ней спустился на землю. Я сказала Нутрецову. По следу пустили собаку. Она вывела к месту, где он перелез через забор и далее к проезжей части. Там Рашев, очевидно, сел в такси или в свою машину.

– С чего ты взяла, что это след именно Рашева?

– А я бросила Нутрецову банные тапочки, которые стояли перед душевой кабинкой. Дальше объяснять?

– Не надо. Молодец, – Калачов выдавил скупую улыбку. – Он один спустился? А куда же делись Бузмаков с Шелихо-

вым?

– Геннадий Васильевич! – это уже докладывал по спецсвя-зи Нутрецов. – Эти двое вылезли из окна соседнего кабинета и бросились в погоню за человеком с запахом тапочек. Так следопыт говорит, проводник собаки.

– М-да, судя по всему, они не нашли здесь «Прометей». А иначе не бросились бы в погоню. Теперь остался висеть в воздухе один вопрос: догнали они Рашева или не догнали.

Кацэ ухмыльнулся:

– Не догнали. Теперь есть точные сведения, что уже после бегства Рашев позвонил жене. И она тут же испарилась. Вместе с детьми. Родственников тоже найти не можем. Они где-то менжуются. В смысле, прячутся.

– Давай, Кир, срочно со своими кадрами займись поиском Рашева. В расставленные тобой виртуальные сети он быстрее попадёт. Теперь всё зависит от того, кто его быстрее вычислит: мы, или любая другая секретная служба мира. Да, и вот ещё что. Забейте в зондирование всех видов связи кодовое слово «Прометей». Можете ссылаться на мой разрешительный «президентский» допуск. Я подтверждаю такое распоряжение в любом виде, в каком потребуется.

Глава двадцать восьмая

13 апреля

Эр-Рияд

Страна роз и тюльпанов

Король пил в саду утренний кофе, когда началась гроза. И хотя беседка была основательной, слуга всё же предложил Рахману вернуться во дворец. В отличие от своего сюзерена он очень боялся грома и молний. Но король ничего не ответил, встал, и с чашкой в руке подошёл вплотную к выходу из беседки в сад. От завесы плотного ливня его отделяли сущие сантиметры. Так он стоял, уставившись взглядом в стихию до тех пор, пока кофе в чашке не иссяк.

– Позови Фаттаха.

Верный раб склонился в поклоне и, семеня мелкими шажками, попятился назад. Через секунду он исчез.

Фаттах был наследным принцем, сыном правящего до Рахмана короля. А также министром обороны, вице-премьером королевства и по совместительству губернатором провинции Эр-Рияд. Кроме того, Фаттах подмял под себя все спецслужбы Саудовской Аравии. Но больше всего он уделял внимание внешней разведке. Ему безумно нравилось быть

зубастой акулой в океане мировой политики. Он испытывал восторг от удачно проведённой операции, от введения противника в заблуждение, от состоявшейся интриги по стравливанию руководителей мировых держав.

В обычной жизни Фаттах тоже очень любил производить эффекты. Вот и сейчас он возник рядом с королём как всегда предельно тихо и неожиданно.

Рахман не шелохнулся, продолжая лицезреть бурю, негромко проговорил, заставляя собеседника приблизить своё ухо на кратчайшее расстояние до его губ:

– Мне очень нравится современный климат. Очень. Я не хочу ничего менять.

Фаттах прекрасно понял, о чём идёт речь:

– Значит, мы завладеем «Прометеем»? Ты даёшь добро?

– Нет. Его надо уничтожить.

– Проект «Прометей»?

– Да. И всех, кто был с ним связан.

– Всех? Ты имеешь в виду учёных?

– И не только. Всех, кто хотел им завладеть. Кто был в курсе возможностей этого изобретения. Я не хочу, чтобы у наших врагов была даже ничтожная надежда изобрести нечто подобное.

– Но почему, Рахман? Почему бы не попробовать нам самим завладеть этой технологией?

– Нам не нужен «Прометей». Он нужен неверным. Так пусть онидохнут, как мухи. Это аллах их наказал. Мы не

вправе идти наперекор всевышнему.

Король развернулся к племяннику. Тень улыбки смягчила обычную суровость его непроницаемой маски:

– Мне нравится этот климат. Слава аллаху, он избавил нас от пустынь. Теперь у нас повсюду растут розы и тюльпаны. Да будет так...

Глава двадцать девятая

12 апреля

Сочи

Я гений

Патроны заканчивались, а многочисленные преследователи настырно приближались. Пули свистели у самого виска. Народ вокруг в ужасе вопил и прятался, кто где мог. Краем глаза Целовальников заметил, как пуля попала в лоб водителя лимузина. Неуправляемый престижный автомобиль, не сбавляя скорости, выскочил на перекрёсток, где тут же был замят автоцистерной с жидким кислородом. Какофония сигналов, визг тормозов, удары сталкивающихся автомобилей. Тут же эту кучу-малу таранит переполненный людьми электробус. Оставшиеся в живых люди лезут через окна, пытаются отворить двери. Из цистерны, вскипая и дымясь, вытекает жидкий кислород. Он мгновенно окисляет асфальт, из-за чего последний активно взрывается. Куски дорожного покрытия словно шрапнель ранят и убивают всякого. Волна жидкого кислорода захлёстывает толпу. Большинство тут же падает в криогенную жидкость, моментально превращаясь в лёд и разламываясь на куски. Из лужи торчат чьи-то мгно-

венно замёрзшие ноги. Кругом крики, треск взрывов, мольбы о помощи. Шрапнель из асфальта на мгновение приостанавливает погоню, и Кирилл успевает проскочить во входную дверь ресторана. Швейцар с дыркой в голове заливает кровью крыльцо, а внутри заведения – как ни в чём не бывало – смех, музыка, звон бокалов. Сбивая прислугу с подносами и напугав полуголую танцовщицу, Кацэ несётся в сторону кухни. Преследователи в это время отворяют входную дверь. Кирилл делает два выстрела и, сбив очередного официанта, влетает на кухню. В зал вбегают бандиты и очертя пуляют в кого попало. Музыканты продолжают играть, кровь льётся рекой, паника не поддаётся описанию. Вставшие на пути Целовальникова повара летят в разные стороны. На пол сыплются пирамиды тарелок, вилки, ложки, сковородки. На пылающую жаровню валится открытый бутыль с оливковым маслом. Полыхнуло так, что паника приобрела высший уровень маниакального психоза. Объятый пламенем повар бежит прямо на преследователей, появившихся в дверях. Гремят выстрелы, повар отлетает в сторону и уже спокойно догорает на полу. Кирилл этого не видит, а только слышит. Он уже свернул в подсобку, пробежал мимо кладовых и оказался в маленьком коридорчике. Вот и выход на задний двор. В глазах Кацэ события фиксируются кадрами фотохроники. Щелчок – проём спасительного выхода неожиданно загорается молодой поварёнок с огромной кастрюлей. Следующий кадр: поварёнок лежит на спине, на лице ужас, руки вы-

ставлены перед собой, сверху на него льются помои и следом падает кастрюля. Кадр: Кирилл бросает гранату, а сам щучкой прыгает за бак с мусором. Кадр: граната взрывается, разрывая в клочья парочку колоритных бандитов. Кадр: активная перестрелка и у Кирилла кончаются патроны. Кадр: Он бросается на преследователей с финкой. Кадр: бандиты оказываются японцами, побросав огнестрельное оружие, они выхватывают самурайские мечи. Кадр: два мёртвых самурая валяются у ног Целовальникова, но третий успеваеет снести его голову. Тут же слышен победный клич на японском языке и появляется противная надпись «Убит».

Красная дверь с табличкой «Не входить – смертельно опасно» открылась, и из неё вышел мокрый от пота Кирилл. На его шее висело полотенце, которым он непрерывно вытирался. Ф-у-у, устал. Блин, снова не прошёл девятый уровень. Впрочем, какая разница! Детская игра. Главное, потренировался вволю. Кацэ недавно исполнилось двадцать пять, но его всегда пугали три побочных эффекта его работы: потеря зрения, геморрой и животик от фастфуда. Поэтому он давно и регулярно занимался спортом. Естественно, не бегом трусцой и не потением на тренажёрах. Оборудованная им комната голографических виртуальных игр – лучший спортзал для компьютерного гения. Он таковым считал себя без преувеличения. Впрочем, не он один.

Кирилл Целовальников родился и до тринадцати лет жил

в Твери. Неплохо жил. Как все. Но быстро наступающий ледник моментально лишил родителей работы, накоплений, а затем и крыши над головой. Пришлось бежать к родственникам в Цимлянск. В дороге лихие людишки зарезали отца и забрали последнее. Мать из последних сил старалась заработать на пропитание. Втроём, голодные и оборванные, они добраться только до Воронежа. Здесь мама попала в больницу и через три дня скончалась. А Кирилл и его сестру Соною отдали в православный детский приют. Соне было всего лишь десять. Вскоре она исчезла. Просто исчезла и всё. Добиться правды от наставницы или игуменьи Кацэ так и не смог. Теперь его ничто не удерживало, и он без сожалений ударился в бег. Судьба занесла его в Ростов, где он прибил к стайке беспризорников, промышлявших мелким воровством на улицах и рынках города. Однажды он вытащил у подвернувшегося под руку мажора голофон. Аппарат, как аппарат. Принципиально от всех других он ничем не отличался. Разве что ценой. Но в руках Кирилла этот гаджет превратился в источник наживы. Он моментально научился вскрывать и составлять программы, преодолевать барьеры безопасности, подбирать пароли. Талант! Криминальный талант! Хакерский талант! Через год новоявленный крэкер уже жил в трёхкомнатной квартире в центре Ростова. Все комнаты его жилища-офиса были забиты дорогим «железом». Девчонки, музыка, дорогие рестораны и ночные клубы. Всё это было. Но основное время занимали компьютерные дела. Он

строчил программы с невероятной скоростью. Лучшего специалиста по взлому любых уровней безопасности закрытых сообществ, наверное, не было. Сам Кирилл про себя стал говорить: «Я не компьютерный гений. Я просто гений». Однажды он для прикола запустил в сеть трояна, который повсеместно подменял аудиофайл с гимном Российской Федерации на «Боже царя храни...». Конфуз от подмены случался не только у простых пользователей, но даже на высшем государственном уровне. Вредоносная программа так искусно маскировалась, что её удалось нейтрализовать только после того, как выявили автора.

Так Целовальников попал в обойму спецслужб. Выбора не было: три года тюрьмы, либо работа в секретном спецучреждении под эгидой Службы внешней разведки. Через год его перевели в ФСБ. Кирилл никогда не сожалел о прошлом. А настоящим он просто наслаждался. Реальная работа, реальная оценка его талантов. И что немаловажно – его таланты востребованы страной, в которой он родился. Как рад был послужить России, как бы громко это не звучало.

Приглашение в группу Калачова он принял сразу. Интуиция подсказывала, что ему предстоит решать задачи самого высокого уровня. Кайф, адреналин, драйв – вот всё, что он хотел получать от проделанной работы. Ну, и естественно, успех. Триумфальная победа над серьёзным соперником, сидящим за океаном, была частой гостьей во сне. Теперь он хотел испытать подобные эмоции наяву. Поэтому каждая сво-

бодная минутка его жизни была без принуждения посвящена новой работе.

Вот и сейчас, чуть обсохнув и попив талой воды «проклятого» ледника, он плотненько уселся в любимое кресло и внимательно уставился в экран.

– Так-так-так... Сейчас посмотрим, как к вам пробраться, господа пиндосы. Так, так, так... – пальцы тархтели по клавишам в ритме ударной дрели. – Вот гады, вот нагромоздили! Как же вы работаете с такими навешенными на систему сложностями? Три уровня общей защиты и неизвестно, сколько уровней личной. Экран для предотвращения выходов внутренних сигналов и глушилка для внешних. Ёшкин кот, а тут ещё что такое!?

Провозившись часа два, Кирилл резко отпрянул от стола, крутанувшись в кресле. Угу, быстро попасть в систему не получается. А что нам подсказывает опыт? А опыт нам подсказывает: если не можешь войти в дверь, ищи щелку в окне. Нет, не в «винде», а в гипотетическом окне. Узнать бы, где оно? Стоп! А не дурак ли я? Нет, я гений! У меня же есть муха. Кстати, где она? Хи, она там, где ей и положено быть. Он катнулся в кресле и оказался у странного никелированного шкафа, который полностью занимал одну из стен комнаты. Кирилл сканировал свой палец – тут же появились голографические клавиатура и экран. Кацэ набил слово «Муха» и из крыши шкафа выперся манипулятор, который запустил свою лапу в выдвинувшийся из металлической панели

ящичек. В следующий момент лапа опустила на ладонь Кирилла металлическую коробочку, размером с человеческий ноготь.

Кирилл скомандовал:

– Откройся.

Верхняя крышка разделилась пополам, а половинки разъехались в разные стороны. Следом из глубины коробочки взмыл вверх крохотный манипулятор с тремя металлическими пальчиками, которые аккуратно сжимали настоящую муху. По крайней мере, внешне она ничем от настоящей не отличалась.

– Эх, зря я тогда не доработал программу и надолго забыл о тебе, – Кацэ поднёс муху поближе к глазам и внимательно со всех сторон её осмотрел: – Хороша, чертовка. Не переживай, родная, скоро ты у меня полетишь. Правда для этого сегодня не придётся спать. Эх, успеть бы! Да куда я денусь? Как не готовься, как не планируй, а всё равно всё великое делается за одну ночь. За последнюю ночь.

Глава тридцатая

13 апреля

Сочи

В бой идут трансгендеры-лесбияны

Калачов поставил перед подчинёнными задачу найти Рашева раньше американцев:

– Идеи есть?

Лиза с ходу предложила:

– Надо обложить посольство так, чтобы мышь не проскочила.

Шустицкий демонстративно пожал плечами:

– Зачем? Оно и так у нас под колпаком. Но янки приспособились. Нашу внешнюю прослушку они надёжно глушат. К тому же, если пиндосы уже схватили Рашева, вряд ли они держат учёного в самом посольстве. Это неправильно. Никто так не поступает.

– Но в экстренных случаях могли бы, – возразила Лиза.

– Все экстренные случаи предусмотрены за много лет до того. Где-нибудь в конспиративной квартире давным-давно сидит агент-крот. Ничем себя не выказывает. Человек, как человек. Но в час «икс» к нему приходит другой агент, ко-

торый называет кодовое слово и всё меняется.

– Так, – активизировалась Алиса. – Этот крот явно живёт не в многоквартирном доме. Для того, чтобы надёжно спрятать пленника от любопытных глаз, нужен частный дом. В Сочи таких полно, но можно провести аналитическое просеивание, применив заданные применительно к нашей ситуации фильтры. Например, слишком тихий домик, слишком примерные хозяева. Можно сразу не учитывать дома, принадлежащие публичным личностям, или наоборот лицам низкой социальной ответственности: наркоманам, алкоголикам, нарушителям закона.

– Трудная задача. Требуется больших усилий и ресурсов. Но ты, Алиса, подумай над её разрешением.

– Хорошо, Геннадий Васильевич.

– И тем не менее, – Лиза снова вернула в обсуждение свою версию, – кто-нибудь из посольства ездит в эту нору. Не может, не ездить. Им надо срочно завладеть «Прометеем». А иначе они могут опоздать навсегда.

– Возможно, возможно. Но в современных условиях проследить будет сложно, – рассудил генерал. – Улицы забиты беженцами. Агенты могут не выезжать из посольства, а просто выйти, оторваться от преследования, а уже потом использовать транспорт. Придётся задействовать все ресурсы, чтобы проследить все контакты абсолютно всех сотрудников американского посольства. Есть множество способов уйти от слежки. Тот, с помощью которого они остались незамечен-

ными при посещении НИИ нанохимии – всего лишь один из многих.

В кабинет генерала осторожно заглянул Целовальников. Вид усталый, глаза краснющие, но улыбка довольная. Генерал понял, что Кацэ опоздал не просто так и не стал его распекать. Он указал рукой на свободный стул и сразу спросил:

– Кстати, Кирилл, ты выяснил, каким образом они отключили все камеры?

– Пока не до конца, патрон. На этот момент нам удалось выявить следы вредоносной программы. Она сидит в центре управления электросетями. Судя по тому, что мне до сих пор не удалось определить алгоритм её появления и действия – продукт хороший, качественный. Мы убили её на одном из серверов, а сам сервер отключили от сети. Но она снова всплыла. Как? Каким образом? Пока загадка. Но я обязательно её хакну, – Кирилл сжал губы и цыкнул. Но тут же воодушевился: – Нам противостоят профессионалы высокого уровня. Но и мы не лыком шиты.

Последнюю фразу он произнёс с многозначительной интонацией. Чем вызвал вопрос командора:

– Есть идея?

Кирилл внимательно прошёлся взглядом по присутствующим, а затем огляделся по сторонам. Генерал его уgomонил:

– Чего ты вертишься? Здесь все свои.

Компьютерный гений ухмыльнулся:

– Точно сказано: «Все свои». Слава богу, «засланного ка-

зачка» нет.

Командор понял, что речь идёт о Нутрецове. Он сразу отреагировал:

– И с ним – все свои.

Кирилл сморщил нос, словно под него сунули какую-то тухлятину:

– Не нравится мне этот тип.

Калачову пришлось ужесточить свой голос:

– Оставь своё личное мнение при себе. Давай рассказывай.

Кацэ натянул на лицо хитрую гримасу и многозначительно произнёс:

– Всё просто. Они нам засунули червя. А мы им подкинем муху.

– Муху? – даже генерал сразу не смог оценить великую идею Кирилла.

– Да! Именно, муху.

– Он бредит, – закатила глаза Алиска.

– Сами вы... Я безмерно талантлив, но есть люди не хуже меня. Хотя не так. В моей профессии лучше меня нет. А вот в других есть такие же, как я – корифеи, вундеркинды, спецы экстракласса. Один из них сконструировал роботизированный аналог обычной мухи.

– Кто он? – укоротил тронную речь новоявленного «корифея» Калачов.

Лицо Кацэ превратилось в нечто загадочное:

– У меня нет полномочий раскрывать его имя. Он работает в очень секретной организации. Поэтому зашифрован так, что нам и не снилось.

Генерал ухмыльнулся:

– Ты что там делал?

– Где?

– В супер «секретной организации».

Парень понял, что над ним подтрунивают, поэтому решил обидеться. Но тут же передумал:

– С ним я встретился случайно на нейтральной территории. Где – я вам не скажу. Не пытайте меня.

– Бог с ним, с твоим корифеем. Что там про муху?

– Короче, он в свободное от основной работы время собрал электронную муху, а я обеспечил её программным обеспечением.

И далее «корифей» изложил свой план. План понравился всем. А единственный закономерный вопрос, тут же получил ответ:

– Естественно, где-нибудь в лесу проблемы энергообеспечения возникнут. Но в городских условиях муха может жить вечно. Она заряжается от электромагнитного поля любого прибора. В том числе обычного электропровода...

...На следующий день к пункту пропуска американского посольства подошли двое. Одеты они были странно: пёстро, эпатажно, ярко. Крашенные во все цвета радуги волосы

не имели формы какой-либо из известных причёсок. Вместо лица броский макияж. В таком «боевом» камуфляже трудно было узнать Юшкевич и Ахтарова. Командор сделал ставку на опыт. У Лизы из-под короткой оранжевой юбочки торчали ноги в фиолетовых чулках. Коленки Влада, обтягиваемые оранжевыми колготками, едва прикрывал клетчатый килт.

Как только они остановились перед дверью КПП, тут же перед ними возник голографический привратник в форме американского офицера:

– Сегодня посольство не принимает. Пожалуйста, не останавливайтесь. Проходите мимо.

Влад и Лиза переглянулись, словно бросая жребий кому отвечать. Мужчина взял инициативу на себя:

– Вы не имеете права нас прогонять. Нас преследуют.

– Вы американские граждане?

– Нет. Но хотим ими стать.

– Вы можете подать соответствующее заявление завтра с десяти утра.

– Мы не доживём до завтра! – взволнованно подключилась к розыгрышу Юшкевич.

– Сегодня посольство не работает. Приходите завтра, – неумолимо повторил прозрачный облик офицера и начал растворяться в воздухе.

Всё пошло насмарку. Влад это ощутил по полной программе, поэтому завопил:

– Если вы нас не впустите, все узнают о вашем равноду-

шии к проблемам сексменьшинств! Вы не толерантны! Мы послали письма во все демократические СМИ. Если нас сегодня убьют, они опубликуют их!

В ответ ничего...

В это время рядом с «сексменьшинствами» остановился представительский автомобиль. Из него вышел Калачов в форме генерала и два здоровенных лба в новеньких чёрных костюмах – явно спецагенты ФСБ. Костюмы встали чуть позади генеральского мундира. Троица пристально уставилась на яркую парочку. При этом генерал властно поманил перебежчиков пальцем.

Разукрашенные просители политического убежища переглянулись и бросились к дверям КПП с новыми воплями:

– Спасите! Помогите! Они нас убьют!

На их стук вновь явился «призрак» офицера:

– В чём вас обвиняют?

– Ни в чём! – жалобно всхлипнул Ахтаров. – Помогите, ради всего святого.

– Теряем время. В чём конкретно вас обвиняют?

– Правда, ни в чём! – Влад вдруг рухнул на колени и, разрывая яркие колготки, двинулся в сторону голограммы. – Они нас преследуют за то, что мы хотим быть свободными.

– «Свободными»? И это всё? – прозрачный офицер ухмыльнулся и вновь вознамерился раствориться в воздухе.

Лиза выпучила глаза в сторону напарника и грозно качнула подбородком. На подготовку акции был отпущен все-

го один вечер. Лиза привыкла действовать обстоятельно, без сюрпризов, и готова была расписывать все возможные варианты событий хоть до утра. Но Влад уверил её: он всё берёт на себя – сейчас лучше разойтись по домам. Надо выспаться и тогда импровизация его бодрого организма найдёт выход из любой ситуации.

Обладатель клетчатого килта понял содержание её взгляда – в провале будет виноват только он. Поэтому вновь завопил:

– Хорошо! Хорошо! Я признаюсь. Нас преследуют за то, что мы трансгендеры-лесбияны!

«Охренеть!» – прошептали губы напарницы.

– Не совсем понял – кто? – переспросил офицер.

– Трансгендеры-лесбияны, – внятно произнёс Влад, влезая на любимого конька. Он обожал потрепаться на любую заданную тему.

– Это как?

– Обыкновенно, – неожиданно для Лизы голос Влада вдруг стал нежным, наполненным лирикой и патетикой. – Я полюбил Маргариту. Но полюбил её не пошлой, обрыдлой, банальной любовью разнополых особей. Я полюбил её невероятной любовью. Необыкновенной любовью! Неповторимой. Дивной, бесподобной и прекрасной! Лучшей в мире! Когда-нибудь про нашу любовь новый Шекспир напишет великую трагедию. Ведь это так замечательно, так чудно! Я полюбил так, что чувствовал себя... – он затряс ладонью,

подыскивая мысли и слова. – Хм, я чувствовал себя ею. Я хотел быть её зеркальным отражением. Нет, не зеркальным! Я желал быть точно такой же, как она! Я хотел быть ею! Чтобы мы не могли понять сами «ху из ху». Жаль, что мы не родились сиаемскими близняшками! Нет ничего прекрасней, чем любовь двух алых роз, растущих на одной клумбе. Поэтому я сделал операцию. Каково же было моё удивление, когда, вернувшись домой, я обнаружил Марго в облике мужчины. Она испытывала те же чувства, что и я. И это прекрасно! Я вернулся в свой прежний облик. Она сделала тоже самое. Мы делали операции до тех пор, пока вот эти, – Влад презрительно ткнул пальцем в сторону генерала, – не заинтересовались нашими манипуляциями, как с внешностью, так и гендерными признаками. Мы знали, что нас ждёт. И вот мы здесь!

На этих его словах стоявшая в полном оцепенении Юшкевич сделала глубокий вздох и шумно выдохнула воздух. Внутри неё боролись два противоположных чувства. С одной стороны, хотелось плюнуть в сторону напарника и удалиться. Так ей было противно. С другой стороны – долг. Долг победил. Победил предельно быстро. Она завопила в унисон дружку-подруге:

– Если вы не поможете, весь мир узнает, что вы могли спасти Ромео и Джульетту нашего времени, но проявили равнодушные и отсутствие толерантности...

Офицер не стал дослушивать. Электронный замок щелк-

нул, и «друзья-подруги» тут же исчезли в приоткрытых дверях.

Проходная была небольшой. Хипповатую парочку здесь встречал всё тот же виртуальный офицер и два реальных секьюрити.

– Как к вам обращаться? – задал вопрос офицер.

Влад был последователен в сочинённой им легенде прикрытия:

– Мистер Марго и миссис Эдик.

Один из двух охранников предложил «хроническим трансгендерам» проследовать через рамку. Влад прошёл без проблем. Но на Лизу прибор среагировал агрессивным сигналом. Охранники тут же облепили женщину с двух сторон и подвели её к столу:

– Положите ваш рюкзак сюда, – указал секьюрити на поверхность стола, – и аккуратно выложите всё содержимое.

Стоило Лизе развязать разукрашенную пёстрыми ленточками замшевую походную сумку, как сотрудники посольства, схватившись за носы, разбежались в разные стороны. Но спасения не было нигде – жуткая рвотная вонь моментально заполнила всё помещение. В тот же момент из котомки на волю вырвался рой мух.

Лиза отскочила в сторону и, закрыв лицо вязанной радужной кепи, присела рядом с входной дверью:

– Что это?

Вопрос был задан Владу. Тот был единственным, кто не

тронулся с места. Он привык к этому запаху ещё накануне вечером:

– Ты забыла, любовь моя, что ещё на прошлой неделе в помойке рядом с кухней Министерства финансов мы нашли обалденный кусок мяса. Тогда он ещё даже не вонял.

Очевидно, в самом посольстве наблюдали за действиями внешней охраны по мониторам. Они не поняли смысл и содержание судорожных конвульсий своих сотрудников и выслали на помощь тревожную группу. Внутренняя дверь в КПП распахнулась, и в помещение ввалились три лба, внешне очень похожие на эскорт русского генерала.

– Стоять! – крикнул первый из них.

И тут же согнулся в рвотном позыве.

Влад схватил Юшкевич за рукав и насильно вытолкнул её в ту самую дверь, для входа в которую они так долго просились. На улице он мимоходом вдул в её ухо простую информацию:

– Уходим из зоны наблюдения камер. Спокойно уходим.

Лиза послушно пристроилась рядом со своим «миссис Эдик». В тихом глухом переулке их уже поджидала машина. Рядом с водителем сидел Калачов:

– Как всё прошло?

Лиза пожала плечами:

– Как обычно у профессионалов, – улыбнувшись, она ткнула в бок своего напарника: – Хотя в какой-то момент я подумала о провале. Где ты достал столько мух?

Влад с достоинством произнёс:

– Секрет фирмы.

– И всё же? На улице ещё далеко до лета. А в твоём холодильнике, как я помню с давних пор, традиционно пусто. Там нечему гнить.

– Сосед у меня заядлый рыбак. Он уехал в длительную командировку на Камчатку и дал мне ключи. Вчера я вспомнил, что уже неделю не кормил рыбок. Открываю его холодильник – ба! Да там целая банка готовых мух. Совпало, как никогда. Спасибо тебе боже, повезло.

– Везёт профессионалам, – подытожил генерал.

Уже в конторе Целовальников бодро доложил:

– Всё «хоккей», мой командор! – компьютерный гений был сдержанно самодоволен. – Америкосы вооружились хлопучками и скачут с ними по всей территории посольства. Идиоты не закрыли двери в основное здание и запустили туда чуть ли не всю стаю. Впрочем, подсчитать трудно, так как я вижу мух повсюду. Но наша уже сидит за вентиляционной решёткой в коридоре, как раз напротив дверей главного цэр-эушника. Я имею в виду атташе по культуре. До утра у мухи включён «мёртвый» режим, так как, в связи с этим... – Кирилл хохотнул, – инцидентом с трансгендерами-лесбиянками, в посольстве будет капитальный шмон. Янки не дураки. Они будут тщательно всё проверять.

Калачов одобрительно кивнул, скупко оценив гениальность сотрудника:

– Что сказать, молодец!

– Oui, mon general, есть ещё одна хорошая новость. Мои парни прогуглили сети камер наблюдения и вычислили, что в тот день авто Рашева стояло возле института с раннего утра. Затем, как мы знаем, камеры не работали. Но когда они заработали вновь, авто уже не было.

– Это точно его автомобиль?

– Точно, точно. Мы проббили по всем базам. Так вот, после этого парни расширили поиск. Короче, Рашев заезжал домой, забрал жену с детьми и быстренько рванул по шоссе в сторону Майкопа. Сейчас мы прошерстим этот городишко и выясним, где он спрятался.

Глава тридцать первая

13 апреля

Москва

Любовь на дне ледника

Днём обрушилась северная стена здания. Хорошо, что помещение, в котором работали Мара и Яр, находится на другом конце. Но грохот их сильно напугал. Любой звук в тихих катакомбах ледника кажется громче, чем обычно. Так вот значит, как ледник рушит всё на своём пути! Вот как истирает в порошок всё, что находится на поверхности земли. Вот как он двигает каменные глыбы на огромные расстояния. До этого молодые естествоиспытатели об этом только читали. Теперь убедились воочию. Всё правильно, пока Москва была обитаема, неутомимые роботы-парогенераторы день и ночь объезжали периметры зданий, отпаривая своды над ними. Теперь, ледник получил карт-бланш. Теперь никто не ограничивал его безжалостные разрушительные наклонности.

Наступила ночь. Здесь её наступление можно узнать только по часам и привычкам организма раз в сутки отдыхать. Но сегодня спать не хотелось. Влюблённые устроили роман-

тический ужин при свечах. Свечи, оставленные бабушкой, тихо догорали на всех горизонтальных поверхностях комнаты: подоконнике, столе, шкафу, полу. Их свет падал с разных сторон на обнажённые фигуры девушки и парня. Они сидели на постели, поджав ноги, взявшись за руки, упёршись коленками друг в друга. Сидели и смотрели глаза в глаза, иногда осторожно дотрагиваясь до обнажённых частей предмета своего обожания. Тактильные, чувственные игры любви...

Мара простила Яра. Простила за ту маленькую выходку, всплеск негативных эмоций, слабость духа. Конечно, простила. Только Ярослав не мог простить себе своё малодушие, своё унижение. Страх и паника, оказывается, способны его победить. Это счастье, что рядом с ним любимая. Она права: оптимист не тот, кто просто слепо верит в лучшее будущее. Настоящий оптимист тот, кто делает всё, чтобы эти мечты сбылись...

Мара простила Ярослава. А как его не простить? Это счастье, что рядом с тобой любимый. Вот он: родной, близкий, горячий. Горячий в этом холодном мире вечного льда. Почти вечного.

Ужин был недолгим. Недолгим, но царским. Они пили разбавленный спирт, закусывая его кутьей. Божественный напиток, пища богов... Удивительное наслаждение.

Было жарко. Печка пылала, раскаляясь добела от набитого в топку угля. Но им казалось, что их греет не спирт и не печка, а исключительно любовь. Романтический вечер, ро-

мантический ужин, романтический свет. Тени на стене, колыхаясь в пляшущих огнях свечей, медленно приближались друг к другу. Вот слились воедино очертания голов в поцелуе, а следом слились и контуры тел. Любовь. Она расцветает везде, где есть он и она. Стоны – песня любви. Её можно услышать даже на дне самого глубокого ледяного колодца...

Глава тридцать вторая

13 апреля

Сочи. ОУСО ФСБ

Шелковица – это дерево

Алиса привычно выключила всю аппаратуру и встала, чтобы пойти на обед, но в это время в дверях её кабинета с улыбкой на лице появился Артём Шустницкий.

Артёму в этом году должно стукнуть тридцать. Но по его поведению и внешнему виду ему никто столько не давал. Чисто, студент. Худой, среднего роста, с ультрамодной причёской на голове. На первый взгляд, он ничем особо не выделялся на фоне других парней. Тем не менее Артёмка слыл известным ловеласом, не пропускающим ни одной юбки. И, надо признать, «юбки» на него тоже были очень падки. Он пользовался повышенным вниманием женщин. Трудно назвать причину этого феномена. Чем он привлекал первых красавиц – непонятно. Разве что бездонной глубиной глаз, голубой цвет которых удивительным образом сочетался с чёрным, словно смоль, цветом его волос. Или пухлыми губами, воспроизводящими его улыбку слишком настойчиво и призывно. Сам он считал, что его успех на этом поприще

кроется в хорошо подвешенном языке и во всенародной славе восхитительного любовника. Но не будем заглядывать так глубоко, а примем факт его популярности за истину, которую никто в конторе не пытался оспорить.

Вот и сейчас он явно решил приударить за симпатичной и пока немного загадочной для него блондинкой. Без каких-либо прелюдий он прямо с порога спросил:

– Слушай, Алис, а кем тебе приходится полковник Андреев?

Девушка внимательно взглянула на гостя, явно примеряя вопрос – зачем он спрашивает? Так и не поняв, коротко ответила:

– Отцом.

– Правда? Почему тогда ты по отчеству Константиновна, а не Евгеньевна?

– По кочану. Зачем тебе это надо знать?

– У, какая ершистая! Иголки выставляешь, словно ёжик, которого лапой трогает лиса. Просто так спрашиваю, чтобы разговор завязать.

– Странная манера заводить знакомство, суя при этом свой нос туда, куда не надо.

Всё с той же знаменитой улыбкой на лице, Артём легкомысленно пожал плечами:

– В том и проблема, – он неопределённо взмахнул руками, – желания познакомиться у меня хоть отбавляй, а информационного повода для начала разговора – кот наплакал.

– Я ухожу. Если что-то хотел сказать – говори.

Алиса имела в виду работу, но Шустницкий понял её слова в контексте «клюнула и согласна выслушать предложение». Поэтому он тут же вкрадчиво «замурлыкал»:

– Знаешь, Алисонька, чтобы у нас было больше поводов для дружеских бесед, я хочу пригласить тебя в одно классное место. Не будем обманываться, ресторан я не потяну. Для госслужащих путь туда ныне заказан. Но мне студенческий товарищ, он армянин, от щедрот своей кавказской души подогнал бутылочку. Бутылочку чудесного напитка, произведённого из плодов шелковицы, экзотического теперь для нашей страны кустарника.

– Деревя, – поправила его девушка. – И почему я должна принять твоё предложение?

– Ты даже не выслушала до конца, – демонстративно расстроился кавалер.

– Я понятливая. Зачем время тянуть?

– Вот, это хорошо, что ты понятливая, умная и образованная. Видишь, как мне не хватает общения с образованными людьми? Я даже не знал, что шелковица – это дерево. Прошу тебя, возьми надо мной шефство...

– Хорошо, как скажешь, – неожиданно быстро согласилась Алиса. – Завтра я тебе принесу первый том Большой российской энциклопедии.

Улыбка Шустницкого чуть потухла, но всё же он продолжил усилия:

– Есть надежда, что ты мне считаешь её вслух? Может, уже сегодня начнём?

Ему ответил густой мужской баритон:

– Сегодня не получится, – за спиной стоял командор. – Прямо сейчас ты едешь в Майкоп.

Глава тридцать третья

14 апреля

Майкоп

Пещера затворника

Президент подошёл вплотную и уважительно произнёс:

– Мы давно следим за вами, Наиль Ахмедзиевич. Очень давно.

– И что? – благоговейно пролепетал Рашев.

– Мы впечатлены. Пожалуй, никто, вообще никто, не сделал для процветания нашей страны больше, чем вы. Никто. Даже я не могу похвастаться таким обилием заслуг.

– Спасибо, – голос Рашева окреп и приобрёл окрас самоуважения.

– За спасибо сыт не будешь.

– Несомненно, вы правы. Я исхожу из того же, – собеседник президента пришёл в себя и стал употреблять слова, которые, как он считал, обязаны вызывать уважение к нему, как к представителю академической науки. Одновременно с этим изменилась его поза и выражение лица: – Господин президент, я очень горд тем фактом, что моя скромная деятельность в большой науке привлекла ваше пристальное внима-

ние. Знаете, нам скромным учёным, положившим жизнь и здоровье на поприще мировых научных достижений, очень лестно ваше внимание.

Здесь Рашев немного смутился. Зачем я употребил термин «поприще»? Болван. Надо было сказать «на плаху». Впрочем, и «плаха» не очень подходит. Грубое слово. Эх Наиль, Наиль! Ты теряешь своё прежнее красноречие и имидж большого учёного. А! Точно, в данном контексте надо употреблять «на алтарь». Вот ведь, башка! Рашева разрывал избыток чувств. Ему, из кожи вон, так хотелось понравиться президенту. Понравиться больше всех. Боже мой, Наиль, теперь тебя ждёт повышение и целая россыпь наград! Ведь не просто так президент заявился к тебе домой и рассыпается в любезностях. Боже мой... боже мой... Ба! Неужели я займу пост этого дуралея Соболевского?! Ес-с! Я сделаю всё, чтобы с него слетел весь этот напыщенный лоск. Я сделаю всё, чтобы его лишили всех регалий и не взяли в «ковчег». Я не забыл, как он задвинул мою кандидатуру, когда подбирали директора нашего института. Ничего, ничего – он сдохнет в нищете и в забвении. Я вычеркну его имя не только из истории науки, но даже из мелких брошюр и статей, написанных, якобы, им. Я прекрасно знаю, как они пишутся. Сам не раз пользовался услугами никому не известных авторов, так и оставшихся в небытие. Бездарь! Бездарь! Бездарь!

Поборов волнение и всплеск внутренних эмоций, Рашев обратился к гостю красиво поставленным голосом восточно-

го льстеца:

– Юрий Константинович, вы прекрасно выглядите. Просто прекрасно. Мы с супругой часто обсуждаем ваше правление. Это просто счастье и наслаждение жить в одну эпоху с вами. Да, а вы сегодня завтракали? Айбанат Алисовна, подсуетись.

– Не беспокойтесь, я сыт, – президент улыбнулся: – У вас я оказался по одной простой причине. Вы знаете, что мы строим «ковчег»?

– Да, слышан.

– Так вот, человеческая цивилизация крайне заинтересована, чтобы в нём спаслись самые уважаемые, самые мудрые и самые заслуженные представители науки. Только такие гении, как вы, способны дать полноценное потомство, которое сможет быстро восстановить и продвинуть нашу цивилизацию в постледниковую эпоху. На вас мы выделили персональную квоту, – президент закрепил сказанное дружеским рукопожатием.

– «Персональную»? – эта новость раздосадовала Наиля. Он завёлся с пол-оборота. – Да вы что? Опять? Накануне Гольдберг, этот ничтожный пустозвон, который самостоятельно не написал ни одной строчки в своих фальшивых бездарных диссертациях, тоже предлагал мне персональную квоту. Но у меня жена, пятеро детей, тёща, тесть, родители. Два брата, сестра и племянники, наконец! А Фатима? Как мы без неё? Кто будет готовить нам обед?

Стрекалов слушал и кивал головой. Рашев подумал: «Молодец я! Не промолчал трусливо, а смело потребовал то, что мне обязаны дать по заслугам. Айбанат будет довольна. Она мне ухо в мочалку превратила, шепча, крича и требуя выбить необходимые заслуженные квоты».

Наконец президент кивнул головой особенно сильно и произнёс:

– Вы меня убедили. Мы вам дадим не одну, а две квоты.

– «Две»?! Нет, так дело не пойдёт! Заберите у этого прощелыги Гольдберга все четыре квоты, выделенные на наш институт, и отдайте их мне. Это хоть как-то будет напоминать справедливость.

– Хорошо. Всё будет так, как вы пожелаете, – гость панибратски похлопал «знаменитость» по плечу. Рука показалась тяжёлой – было больно. В тот же момент, без явной причины, ладонь президента шлёпнула Рашева по щеке: – Просыпайтесь! У нас нет времени... Просыпайтесь.

Наиль Ахмедзиевич открыл глаза и вернулся в реальность. Она была далека от его грёз. Сон был во сто раз приятней. «Великий учёный» спал на раскладушке, поставленной в узкой рукотворной пещере, выкопанной на дне высохшего колодца. Он не мог без посторонней помощи покинуть своё убежище – не было лестницы, по которой можно было выбраться на свет. Три раза в день в колодец опускалась верёвка, с помощью которой ему доставлялась еда и забирались излишки деятельности его организма. Он прятался в доме

своих дальних родственников, живших на окраине Майкопа. В настоящий момент Рашев готов был согласиться, чтобы его кормили на один раз меньше, чем обычно. Лишь бы не видеть то, что он видел сейчас. В его тесной конуре сгрудились два мордovorота. Зверские выражения их лиц не сулили ничего хорошего. Впрочем, возможно, что такими ужасающими их рисовали его страхи и всполохи свечей. Тем более, что одним из «мордovorотов» был щуплый Артём Шустичкий.

– Не губите меня! – Наиль шлёпнулся на колени. – Я всё скажу! Всё! – руки Артёма покрылись подобострастными поцелуями. – Только не убивайте! Я всё расскажу! И про ковчег, и про квоты, и про всё остальное!

Реальный, а не приснившийся, гость брезгливо вырвал руку из хватки Наиля и сделал шаг назад:

– «Про ковчег»?

– Да! Да!

– Нас не интересует ковчег. Мы по другому поводу.

– Всё, что угодно... всё что угодно... – дрожащим голосом лепетал горе-учёный, предпринимая новую попытку добраться губами до рук Шустичкого.

Тот отступал назад, но хозяин коморки напористо преследовал его. Наконец Артём упёрся в стенку грота, не выдержал и громко скомандовал:

– Стоять!

В небольшом помещении его крик показался оглушитель-

ным. Настолько громким, что даже спецназовец вздрогнул и непроизвольно щёлкнул затвором автомата. Рашев замер, словно подвергся мгновенной заморозке.

– Сядьте! – Шустицкий указал на спальное место отшельника.

Наиль Ахмедзиевич покорно сел и открыл рот, чтобы что-то сказать. Но гость вновь его перебил:

– Молчать! Отвечать только тогда, когда я прикажу. Понятно?

Рашев покорно кивнул. Артём понизил голос до спокойного:

– Нас интересует «Прометей». Он у вас?

Хозяин пещеры молчал, боясь открыть рот без приказа.

– Отвечайте.

– Извините, уважаемый, но я не понимаю, о чём вы меня спрашиваете. Какой-токой прометей-мометей? – неожиданно для себя маститый учёный прикинулся торговцем восточными сладостями.

Вот что с нами делает страх! Шустицкий посчитал это за хитрость:

– Не юли! На меня смотри! Глаза – в глаза! Где «Прометей»?

Рашев немного пришёл в себя:

– Я на самом деле не знаю, что такое этот «прометей»?

– Это научный проект особой государственной важности, – отчеканил Шустицкий, не отрывая от собеседника

пристальный взгляд. – Мы знаем, что вы имеете к нему отношение.

– Ни сном, ни духом. Истинный крест, – зачем-то перекрестился пещерный затворник, вряд ли являющийся адептом Христа.

– Врёшь! Зачем ты тогда прячешься? От кого?

Вопрос практически убил Рашева. По крайней мере, тяжело ранил. Он не знал, как на него ответить. Раскрыться было страшно. Рашев до конца не осознавал, с кем он разговаривает. Поэтому он осторожно спросил:

– А вы кто?

Шустицкий кивнул и шлёпнул рукой по нагрудному карману. Тут же над его плечом возникло голографическое удостоверение сотрудника ФСБ. 3-d фотография вращалась, показывая голову владельца документа во всех ракурсах.

– Понятно?

– Фу-у-у, наши... – облегчённо выдохнул Наиль Ахмедзиевич.

– Кого вы испугались? Вас преследуют?

– Нет, – учёный расслабленно повёл плечами и даже попытался встать.

Но Шустицкий не терял нить допроса. Никаких поблажек!

– Сидеть! – скомандовал он резко. – У меня большие полномочия. Я с вами ещё не закончил.

Рашев вновь уселся на место, согласно кивнув головой:

– Я весь внимание.

– Расскажите всё, что знаете про «Прометей».

– Но я ничего не знаю... Правда, правда, совсем ничего.

– Тогда почему вы прячетесь? – повторил свой вопрос

гость.

Рашев помолчал и пожал плечами:

– Врачи советуют. У меня проблемы с лёгкими. Вот-вот должны подвезти особую соль.

Артём ухмыльнулся, встал и начал расхаживать перед сидящим на раскладушке хозяином:

– Не советовал бы вам упорствовать. Речь идёт о государственных интересах. За ложь вы можете поплатиться. Жестоко поплатиться.

Рашев синхронно с рассказом гостя либо выражал соответствующие эмоции, либо кивал головой. Шустицкий продолжил:

– Мы знаем много. Достаточно много, чтобы уличить вас во лжи. Поэтому отвечайте подробно и обстоятельно. Я записываю ваши ответы, – он хлопнул по другому нагрудному карману, и над ним возникло видео с Рашевым, сидящим на кровати. В углу кадра можно было прочесть надпись «Оперативная съёмка».

– Я готов рассказать всё, – на учёного без слёз нельзя было смотреть. – Но я не знаю, что рассказывать. Правда, не знаю. Подскажите с чего начать.

– Хорошо. Начните с того момента, как вы позавчера утром явились в свой институт.

Рашев обречённо вздохнул и начал свой рассказ.

Этот день был четвергом. Но уже с прошлой пятницы никто из сотрудников на работе не появлялся. Институт упразднили. Накануне вечером ему позвонил Гольдберг, пригласив на работу. Пригласил, чтобы в нейтральной обстановке поговорить о квотах. На институт было выделено четыре квоты. Директор предложил Рашеву одну из них. Они поругались по этому поводу, и Наиль ушёл в свой кабинет. Когда, успокоившись, он явился назад, дверь в приёмную Гольдберга была приоткрыта. Из глубины кабинета раздавались крики: «Говори! Где документы? Мы всё равно найдём и тогда тебе конец!»

Рашев сообразил, что его появление не сулит ему ничего хорошего. Он решил ретироваться незамеченным, как вдруг из-под стола секретарши высунулся человек. В руках он держал свалившиеся на пол папки с документами. На секунду их взгляды пересеклись. И Наиль понял, что ему срочно надо спастись. Со всех ног, ничего не соображая, он бросился в свой кабинет. Там, за секретной перегородкой, у него была комната отдыха. В ней он принимал важных гостей. Но преследователь увидел, как он юркнул из коридора в дверь кабинета и проследовал по его стопам. Он громыхал шкафами и ругался, находясь всего в шаге от трясущегося за перегородкой учёного. Рашев не стал дожидаться, когда потайная комната перестанет быть таковой. Он растворил окно и спустился по пожарной лестнице на землю. Такой подвиг он

вряд ли сможет повторить в будущем. Слишком опасно в его возрасте лазать по верхотуре. Убегая, Наиль Ахмедзиевич заметил, что по этой же лестнице вниз спускается его преследователь. Беглый учёный решил: «Ничего, сейчас сяду в машину – он не догонит». Но у преследователя тоже оказался автомобиль. И он его постоянно догонял: всё ближе и ближе. Пару раз Рашеву пришлось притормозить, чтобы не сбить беженцев, перебегающих улицу в неположенном месте. Страшно ругаясь, он выжал из дорогой машины все её возможности, чтобы успеть проскочить светофор на зелёный свет. Не успел. Не успел – красный загорелся раньше. Но беглецу повезло. Он чудом вырулил, чтобы не врезаться в поток перпендикулярно движущегося транспорта. Этот его рискованный манёвр устроил страшную кучу-малу на перекрёстке. Наиль не знал, попал в аварию преступник или нет. Но больше его никто не преследовал.

Добравшись до дома, он забрал семью и уехал в Майкоп, никого при этом не предупредив.

– Как вы меня нашли?

– Дело техники. Надо было найти – нашли. Собирайтесь, поедете с нами.

Глава тридцать четвёртая

14 апреля

Сочи. Кабинет Калачова

Опечатка

– Он и правда ничего не знает. Мы его проверили на детекторе, – доложил Артём генералу.

– Снова тупик?

Загадочное выражение лица Артёма говорило об обратном.

– Не томи.

– Рашева, после его побега из института, преследовал автомобиль. По записям камер наблюдения мы выяснили, кто в нём находился.

Шустицкий продемонстрировал генералу снимки автомобиля, где через лобовое стекло хорошо просматривались лица преследователей:

– За рулём водитель посольства.

– Русский?

– К сожалению, нет. У него иммунитет. А второй – советник атташе по культуре. Иден Мортенсен – наш коллега.

– Значит, всё-таки американцы.

Генерал встал, машинально подошёл к окну, застыл на мгновение, задёрнул штору и резко повернулся:

– Раз Рашев ни сном ни духом о проекте не знает, то получается, что наши «друзья», тоже обмишурились, вцепившись не в того, кто им нужен.

Артём пожал плечами, скривив при этом гримасу «не ошибается тот, кто не ошибается».

– Нет, дорогой мой друг и соратник. Всё не так. Они знали, что искали. Они искали не Рашева, а технический проект.

– С чего вы взяли?

– С того, Артёмка, с того. Мы упустили маленькую деталь. Ребята из Лэнгли, назовём их так, хотя их штаб-квартира давно переехала в более тёплые края, прокололись. Но прокололись не в том, что посчитали Рашева отцом проекта «Прометей», а в том, что назвали Шелиховым и Бузмаковым. Они хотели под этими именами легко проникнуть в институт, найти проект, а после этого уже плевать на эту зацепку для нас. Но по какой-то непонятной мне причине цэрэушники не нашли то, что искали. Они вообще не думали, что застанут на месте директора и его зама – институт уже давно не действует. Но, встретив в месте своего поиска Рашева и Гольдберга, ребятки посчитали, что кто-то из этих двоих перепрятал проект. Именно поэтому довели до инфаркта Гольдберга и пустились в погоню за Рашевым. Но мы теперь, благодаря их промаху, знаем, что нам надо искать Шелихова

и Бузмакова. Подумай, почему они назвались именно этими именами? Откуда они им известны? Предположу, что Шелихов и Бузмаков сидят у американцев в подвале, но, по-видимому, до сих пор отказываются на них работать. Янки прекрасно понимают, что изобретатели «Прометея», даже подписав согласие на сотрудничество, могут тихо саботировать, имитируя работу над проектом. Что-то типа итальянской забастовки. Вот если бы у америкосов были на руках все документы по «Прометею» – всё изменилось бы мгновенно. У них полно своих талантливых ребят, которые, имея готовый проект, способны его запустить самостоятельно. Вот так-то. Тем не менее, для нас ничего не меняется. У нас нет ни документов, ни изобретателей, ни самого изобретения. Жуткий цейтнот, но флажок ещё не упал. Надо спешить. Итак, проект не попал в чужие руки. Но если бумаги не у наших заокеанских друзей – тогда где? И я тебе отвечу. Они всё ещё в НИИ. Что говорил охранник?

– Что? – не понял шефа Шустицкий.

– Он говорил, что 31 марта в контору приходил Бузмаков. Мы его видели на видеозаписи. Срочно объявляй аврал. Прямо сейчас езжай с Алиской в НИИ, узнай, кто был в тот день в здании и всех тащите сюда.

На вызов в кабинет буквально вбежали: Лиза, Влад и Кацэ.

– Вы, – Калачов указал на Ахтарова и Юшкевич, – бросайте всё. Займитесь поисками реальных Бузмакова и Шелихо-

ва. Если не найдёте их самих, подробненько составьте базу всех их контактов, всех родственников до седьмого колена, всех любовниц, собутыльников и случайных знакомых. Лиза, с тебя досье: чем они дышали, что заканчивали, где работали, какие научные звания имели и главное, чем конкретно в последнее время занимались. Действуйте!

В дверях Лиза с Владом столкнулись с Нутрецовым. Генерал тут же отреагировал на его появление:

– О! Товарищ полковник пожаловали. Соизволили. Снизошли. Что так долго? Докладывал вышестоящему начальству или ботинки чистил?

Нутрецов в ответ сжал добела губы, но промолчал.

– Володенька, когда объявляют тревогу, ты у меня должен появляться ровно через сорок две секунды. Понятно? Нет? Или ты письменный приказ ждал? Раз опоздал – значит, сегодня не у дел. Можешь идти домой. Завтра в 8:00 чтобы был у меня в кабинете.

Нутрецов вышел. Калачов перевёл взгляд с входной двери на Целовальникова, который вальяжно развалился в кресле, закинув ногу на ногу.

– А ты чего такой деловой здесь расселся? – по генералу никогда невозможно было понять: серьёзно он говорит или шутит.

Кацэ к соблюдению субординации всегда относился поверхностно. Он уважал командора и наивно считал, что для взаимоотношения с начальством этого достаточно. Кирилл

расплылся в улыбке и развёл руками:

– Я что, тоже свободен?

– Ага, сейчас. Ты у меня здесь жить будешь. Потому что ты человек незаменимый. Цени это звание.

– Я ценю. Мало того, я здесь давно уже живу. Даже забыл, как двери моего дома выглядят. Плохо одно – чемоданы двигаются.

– Какие «чемоданы»?

– Обычные – с моими вещами.

– Куда двигаются?

– К входным дверям. Командор, я ведь женат. Ты не знал? Эх, давно мы дома не были...

– Что ты врёшь? Я тебя, как облупленного знаю. Женат он...

– Вот ведь! Даже помечтать нельзя. Естественно, не женат. Когда мне? Всё время на работе.

– О, господи, совсем мне мозги запарил. Давай, докладывай, как там наше насекомое?

– Ja, ja, mein General. Насекомое – нормально. Всё видит, всё слышит. Только этот наш атташе больно хитрожопый. Он музыку включает и отворачивается к стене, когда разговаривает о чём-нибудь серьёзном. Но я обратил внимание, что на этой стене портрет их первого президента висит за стеклом. Пишу видео в его отражении. Подобрал программки, которые хорошо восстанавливают картинку. И распознаватель речи по губам нашёл подходящий. Уже кое-что есть.

Аналитики сбивают записи в осмысленный текст. Кстати, пока здесь у вас сидел, ввёл в программку распознавания фамилии: Бузмаков и Шелихов. Чётко встали в нерасшифрованные дырки. Скажу так, атташе наш очень интересуется этими ребятами. Только по тексту можно понять, что Шелихов не здесь находится, а в Москве.

– В Москве?

– Да, хочешь, дам послушать?

– Не надо. Я тебе верю. Значит, он в Москве...

...Первым с докладом к генералу явился Шустицкий:

– Андреева пока занимается остальными. А я, как только нашёл секретаршу Гольдберга, так сразу привёз её сюда. Даже не стал без вас её допрашивать.

– Зови.

Ирина Эдуардовна подробно рассказала, как к ней приходил Бузмаков и к кому она его послала.

По приказу генерала привели Рашева. Женщина при нём повторила:

– Я ему сказала: иди прямо к Соболевскому. Он говорит: академик в длительной командировке. После этого я направила его в кабинет Наиля Ахмедзиевича.

– Ко мне? – выдохнул Рашев, прижав растопыренную ладонь к груди. Эмоциям в его мимике не было предела. Можно было даже подумать, что он вообще в своём кабинете никогда никого не принимал. Наиль Ахмедзиевич возмущённо

затряс руками, словно его пытались уличить в государственной измене: – Она лжёт. Никакой Бузмаков ко мне не приходил.

– Вы не знаете Бузмакова? – задал естественный вопрос генерал.

– Конечно, нет! – убедительно ответил заместитель директора института. Ответил так, как будто от этого зависела его жизнь.

– Это же ваш работник, – генерал не менял тона. – Вот и Ирина Эдуардовна подтверждает.

– Не знаю я никакого Бузмакова, – упорствовал заместитель директора института.

– Как же так? – удивилась Ирочка. – Владимир Натанович сразу его признал. Правда, тут же объявил о его увольнении. Я ещё не выжила из ума и прекрасно помню его слова: «Вся ваша лаборатория, которая зависла в Москве, уволена без выходного пособия за самоуправство». Так прямо и сказал.

– А! – дошло наконец до Рашева. Он тут же переменялся в лице и в голосе: – Да, да, да, да... я и забыл совсем. Лаборатория Шелихова. Как же... конечно... Я лично сто раз им звонил, чтобы они законсервировали лабораторию, а сами с отчётами срочно явились сюда. Но они не послушались. Пусть теперь пеняют на себя. Я не понимаю некоторых людей: есть приказ – надо его исполнять.

Артём ухмыльнулся и пробурчал что-то ехидное.

Рашев уловил его ехидство и, осёкшись, настороженно

спросил:

– Они что-то натворили?

– Хотели вас с Гольдбергом убить, – Шустицкий уже откровенно издевался над Рашевым. – Это ведь Бузмаков и Шелихов явились в институт в то утро и пытали Гольдберга до тех пор, пока он не скончался.

Рашев опешил:

– Бузмаков и Шелихов?

– Это ведь они гнались за вами до того злосчастного перекрёстка.

До учёного наконец дошло, что над ним откровенно издеваются:

– Нет, те, что пытали уважаемого Владимира Натановича, были иностранцами. У них был акцент. С Бузмаковым я не знаком, а Шелихова прекрасно знаю. Сам его рекомендовал на должность руководителя лаборатории.

Опытная секретарша при его последних словах слегка закатила глаза и дёрнула плечами, явно указывая на враньё Рашева.

Генерал всё видел. Он спокойно сказал:

– Толку от вас, господин Рашев, никакого. Ни для нас, ни для российской науки. Много шума, но мало толку. Одним словом: вы пустышка.

Наиль Ахмедзиевич не осмелился перечить человеку в генеральском костюме со знаками отличия ФСБ. Он обмяк и затих на своём стуле.

Но генерал не унимался:

– Если вы сейчас не признаетесь, кому передали проект, мы к вам применим радикальные меры.

Рашев вскочил, словно пружина:

– Да не знаю я! Истинный бог не знаю! Меня же проверяли на этом вашем чудо-приборе!

Артём согласно кивнул.

Калачов вздохнул, встал с кресла и подошёл к окну. За стеклом уже давно стемнело. Геннадий Васильевич развернулся лицом к «аудитории»:

– Ладно, насчёт самих изобретателей что-то начинает проясняться. Но всё равно сальдо с бульдо не сходится. Что-то тут не так. Куда проект подевался? Не могли наши заокеанские друзья им завладеть? – обратился генерал к компьютерному гению. – Что там наша «птичка» докладывает?

Кирилл прекрасно понял, какую птичку имел в виду генерал:

– Она докладывает, что «заокеанские друзья» продолжают поиски. Даже наращивают усилия. Очень активно наращивают.

– Понятно, значит, надо искать, – Калачов вновь обратился к секретарше: – Ирина Эдуардовна, а Бузмаков случайно при вас не говорил о некоем «Прометее»?

– Нет.

– А просто о проекте? Об очень важном проекте.

– О проекте говорил, – оживилась женщина. – У него в ру-

ках была красная кожаная папка. Он ей эмоционально тряс перед моим лицом. Это, говорит, проект, который спасёт Россию. Да что там Россию – весь мир. Но я не знала, как ему помочь. Соболевского нет, Гольдберг его и слушать не стал. Тогда я его и отправила к Наилу Ахмедзиевичу. Надежды мало, но всё же...

Рашев вновь эмоционально развёл руками и закатил глаза. Женщина продолжила рассказ:

– Я подумала, что он встретился с Рашевым. Прошёл час, я собралась и вышла на улицу. И там, на остановке, снова увидела Бузмакова. Парень садился в фургон с сильно затемнёнными стёклами. Где-то же он целый час торчал в нашем почти пустом здании.

– У меня пока нет провалов памяти. В тот день я раскладывал документы, стирал файлы, писал докладные. Допоздна работал. Но Бузмаков в моём кабинете не появлялся.

– У него не было этой папки в руках, когда он садился в фургон? – обратился Калачов к Ирине Эдуардовне.

– Не было. Я это отчётливо видела.

– Стало быть, папка в институте. Возможно, Бузмаков передал её ещё кому-нибудь.

– Нет, в тот день в здании никого больше не было. Только Гольдберг и Рашев. Он не мог к нему не зайти. Я Бузмакову чётко сказала: «Идите в 614 кабинет...»

Внутри Рашева распрявилась пружина. Он подскочил к женщине и грубо заорал:

– Идиотка! Я в 514 сижу, дура.

Генерал погрозил ему пальцем:

– Не забываетесь, где вы находитесь.

Но женщина внешне не обиделась, спокойно и чётко изложив свою позицию:

– Я не обязана бегать по зданию и проверять, где кто сидит. Есть официальный сайт. Там чёрным по белому указано – кабинет 614.

Целовальников тихонько захлопал в ладоши:

– Молодцы, молодцы. С нашим бардаком никакие цэрэушники не страшны. Опечатка в сайте нам только на руку.

В кабинет быстрым шагом зашла Юшкевич. Увидев посторонних, она нагнулась к уху генерала и прошептала:

– Я нашла бабушку Шелихова. Её внук и Кузнецова остались в замороженной Москве.

Глава тридцать пятая

14 апреля

Резиденция президента США

Палм-Бич, Майами

План «А» и план «Б»

Президент попыталась одним ударом загнать мяч на лужайку. Не получилось. Порыв бокового ветра снёс его в бункер с песком.

– Дьявол! А вот наш любимый Джо на этой лунке всегда кладёт мяч рядом с флажком, – вспомнила она о госсекретаре.

– Нэнси, Карриган мужчина, – заметила Леа Джайзани, назначенная на должность директора ЦРУ три недели назад. – Причём здоровенный мужчина.

Нэнси Льюис усмехнулась:

– Когда я была мужчиной, я всё равно никогда не могла положить мяч на «грин» с первого драйва. Не знаю почему. Вероятно, мне это не дано. Впрочем, в то время, я не любила гольф. Вернее, не любил. Он мне казался очень нудным.

– Признаться, я тоже не любила. Женщины до сих пор в

него мало играют. Но мой отец был победителем «Чемпионата путешественников – 2027» в Коннектикуте. Он всегда таскал меня с собой, считая, что гольф очень развивает человека не только физически, но и интеллектуально. Мой папа говорил, что в гольфе мозги важнее мускулов.

Они сели в гольф-карт и двинулись к тому месту, куда долетели их мячи. Президент предложила:

– Говори.

Леа улыбнулась: как здорово, что президент тоже женщина. Не надо лишних слов. Естественно, они уединились не для игры в гольф.

– Мне нужна отмашка на проведение операции в Москве.

Нэнси удивилась:

– А разве там кто-то ещё есть?

– Нет. Русские её забросили.

– Зачем тогда нужно моё разрешение?

Леа кивнула:

– Нужно, просто необходимо. Я не могу брать на себя такую ответственность. Этот важный вопрос необходимо решать коллегиально, – выдержав небольшую паузу, она наклонилась к собеседнице и продолжила предельно ровным голосом: – Хотя это и заброшенный город, но всё же это территория России. Русские могут расценить наше вторжение, как провокацию. А во время всеобщего хаоса резкие движения ни к чему хорошему не приведут. Всё же они пока ещё сильны и обладают мощным ядерным арсеналом.

– От того, что я дам добро – что-то изменится?

– Естественно. Во-первых, ты будешь в курсе. И когда этот русский мужлан позвонит, ты его успокоишь, мол, это досадная частная инициатива, о которой руководство США никто не информировал. Закамуфлируем всё под съёмочные вертолёты CNN. Мол, кто-то в этой медиаимперии посчитал, что в замороженной Москве съёмки можно производить без всяких согласований. Во-вторых, имея президентский указ, мне будет легче организовать экспедицию. Давно заметила, что по официальному приказу все службы работают чётче, без проколов. А это гарантирует успех предстоящей операции.

– И что ты, дорогая, потеряла в столице русских?

– Речь идёт о «Прометее». Есть сведения, что он по-прежнему там.

– В замороженной Москве?

– Да. Оперативную информацию подтвердили снимки из космоса. Как раз в том месте, где у них была лаборатория, наши спутники зафиксировали продукты сгорания углеводородов.

– «Продукты сгорания»?

– Именно. Возможно, это работают печи или какое-то технологическое оборудование.

– Но как? Как такое возможно?

– Вот мы и убедимся «как такое возможно». Руководитель проекта Шелихов и его заместитель Кузнецова, судя по все-

му, всё ещё находятся там.

– Зачем?

– Не знаю. Возможно, они отрабатывают технологию.

– Я ничего не понимаю. Всё у этих русских наперекосяк.

Мне не верится, что руководство не знает, что их учёные совершили прорывное открытие.

– Не знает, не знает, – Леа для убедительности прикрыла глаза и отрицательно потрясла головой. – И тот факт, что учёные на свой страх и риск остались в замороженном городе, полностью это подтверждает.

– Чудеса, да и только. Они все чокнутые – эти русские. Хорошо, я одобряю.

– Отлично. У нас сейчас 14.51. В Москве 21.51. Ровно через пять часов с базы в Северной Италии вылетят три стелс-геликоптера с нашими агентами на борту. «Прометей» будет наш. Обязан быть.

Карт остановился. Глава самой мощной державы мира не торопилась его покинуть:

– А что будет, если нас ждёт провал? Что, если русские сами запустят «Прометей»?

– Это будет сильнейший удар по нашим планам на будущее, удар по престижу Америки, удар, в результате которого мы можем оказаться на задворках истории. И чтобы этого не произошло, придётся претворять в жизнь план «Б».

– Война?

Директор ЦРУ ухмыльнулась, довольная произведённым

эффектом и своей продуманностью на будущее:

– Нет, не война. Это более безопасный для нас план. В оперативных документах, проработанных довольно давно, он назван «Операция Паганини».

– Как? «Паганини»?

– Прошу меня простить. Я отойду, отдам распоряжения по предстоящей экспедиции в Москву.

Вернувшись к Нэнси, приготовившейся совершить очередную удар по мячу, Джайзани продолжила:

– Паганини – это оперативное имя глубоко законспирированного агента влияния, оказавшегося сейчас в высшем эшелоне российской власти. Благодаря нашим стараниям, естественно.

– И как вы собираетесь его использовать?

– Здесь ничего нового нет, за исключением нюансов. Во все времена мировые лидеры, и не только мы, ставили своих марионеток в странах, руководство в которых по той или иной причине не удовлетворяло их. Для этого претворялись в жизнь разные сценарии: от мирных выборов, до жестких военных переворотов. Пример первого варианта: Гитлер. Документы по его продвижению к власти до сих пор являются засекреченными в Англии и у нас. Пиночета или Франко приходилось ставить, пролив море крови. С Россией такой вариант крайне опасен. Это ядерная держава. Именно по этой причине мы выращивали своего крота путём долгого и кропотливого продвижения вверх по карьерной лестнице.

це. Остался один шаг для того, чтобы привести его к высшей власти. Для этого надо использовать глупость, закостенелость и алчность политической элиты России. Дело не новое, здесь есть множество технологий.

– Ну, предположим, что Паганини нашими стараниями стал президентом России. Дальше что?

– Дальше всё предельно просто и ясно. Ясно для нас и полный туман для них. Главное запугать население. Запугать трудностями, отсутствием перспектив. Прибрать к рукам большинство СМИ и завалить сознание масс чернухой. Всё плохо и будет только хуже. Мы создадим при Паганини партию алчной власти, стоящей над национальными интересами. Там будет царить только одна осмысленная перспектива – успеть ухватить кусок пожирнее. Благодаря Паганини и его помощникам мы создадим в стране невероятные трудности. Такие, чтобы даже любой грудной младенец сказал: так жить нельзя. Для этого все методы хороши. Пропагандируя демократию и рыночную экономику, мы отпустим цены, заморозим зарплату госслужащих и пенсии. Проведём денежную реформу, отняв у населения последние накопления. Под видом заражённых и некачественных товаров вывезем все стратегические запасы продуктов на свалку. Под видом реабилитации политзаключённых проведём амнистию уголовников. Ослабим надзор за полицией и другими контролирующими органами, чтобы они занимались не исполнением служебных обязанностей, а только мздоимством. Введём

сухой закон. Это для русских страшнее всего. Контролируемые нами СМИ вместо того, чтобы открывать людям глаза на современную действительность, день и ночь будут обличать прошлое руководство страны, обвиняя их во всевозможных грехах: как мнимых, так и действительных, но очень преувеличенных. Здесь для «творчества» пределов нет. Чем страшнее ложь, тем быстрее в неё поверят. Даже те, кто обладает аналитическим складом ума, через год уже не смогут отличить самую грязную ложь от правды. Так уж устроен человек. Мы внедрим в культуру самые низменные стандарты. Насилие, алчность и все человеческие пороки – станут примером для подражания. Историю России мы сделаем самой позорной страницей в общечеловеческой истории. Русских мы уничтожим до нации недочеловеков, которые сформировались как дикари и продолжают жить в таком виде в современную эпоху. Они ни на что не способны. Мы докажем, что их вклад в развитие цивилизации отсутствует вовсе. Национальные противоречия – это следующая ступень нашего плана. Великая резня обязательно состоится. Русские будут ненавидеть татар, финно-угров, кавказцев и всех остальных. Естественно, взаимно. Да, ещё обязательно надо не забыть о массовом гипнозе. Русские и китайцы очень доверчивые. Они любят заряжать воду энергией взгляда или голоса, лечить энурез и рассасывать операционные швы по голоvizору. Когда страна будет доведена до полного оболванивания, мы проведём референдум с посылом: не лучше ли та-

кому государству изменить форму федерации, предоставив повышенные права всем национальным округам. Если и после всего этого народ проголосует за единую и неделимую страну, мы устроим путч.

– «Путч»? Зачем тогда всё остальное? Не лучше ли сразу?

– Не лучше. Мы не должны забывать о ядерном статусе. Лучше идти эволюционным путём. Путч будет ненастоящим. В состав руководства Комитета, который попытается сместить законного президента, мы включим самых глупых, беспомощных, старых и одиозных. Всех тех, с кем у народа к тому времени будет ассоциироваться появление жутких многочисленных проблем. Лучше будет, если путчисты прольют кровь. Реки крови. А если нет, мы подберём кандидатуры погибших героев в морге. А после этого вернётся президент и при помощи народа сметёт этот «Комитет совести».

– Что-то очень сложно. Зачем этот «комитет» нужен?

– Он развяжет нашему Паганини руки. Тот обвинит во всевозможных грехах участников путча и проведёт реформы. Или соберёт где-нибудь в Красной поляне руководителей федеральных округов, где расскажет им об их личных предпочтениях. При этом, будут приглашены только те, кому мы можем доверять. Это или назначенные на эти посты самим Паганини, либо кандидатуры, проверенные нами на алчность и другие пороки. Всех собирать нет никакого смысла. Они объявят о новой форме взаимоотношения федеральных округов: исключительно на мирных добровольных на-

чалах без всякого подчинения федеральному центру. Этакий символ достижения полной свободы. Народу объявят, что ничего не изменилось. Русь-матушка останется, а от этих реформ будет только лучше. По принципу: лучше сотня богатых хуторов, чем один большой, но нищий колхоз. После этого начнётся парад суверенитетов. Который никто не сможет остановить. Если кто-то посмеет, его тут же объявят расистом, фашистом и объявят в розыск, как военного преступника, виновного в геноциде. Но этого не произойдёт. Остановить всё это может только высшее лицо власти. Но президент-то наш человек!

Джайзани набрала полную грудь воздуха и резко по-мужски выдохнула, прицеливаясь, чтобы нанести удар по мячу. Нэнси Льюис спросила:

– Ты уверена, что всё будет так, как ты говоришь?

Леа, не отрывая взгляд от мяча, отчеканила каждое своё слово:

– Уверена! Они получат пинок под зад и полетят в тартары вот с такой скоростью.

И она нанесла мощнейший хлёсткий удар. Мяч взметнулся и моментально исчез из виду.

Джайзани приложила руку ко лбу, пытаясь проследить его полёт, вполне спокойно при этом добавив:

– Но это всё планы. А пока наша первоочередная цель – «Прометей».

Глава тридцать шестая

14 апреля

Сочи.

Здание НИИ

Красная папка и удивительный зонт

Был поздний вечер, когда группа прибыла в институт. Рашев и секретарша Гольдберга присутствовали при этом. На вахте дежурил тот самый старичок. Он принял стойку «смирно» когда мимо него проходил Калачов в форме генерала.

Только они зашли в кабинет с номером «614», как Ирина Эдуардовна указала на ближайший к дверям стол:

– Вот эта красная папочка. Именно она у него была.

Рашев попытался взять документы в свои руки, но генерал не позволил:

– Без вас обойдёмся как-нибудь.

Он передал папку в руки Шустичкого.

Слава богу, «Прометей» был найден. Осталось найти отцов-основателей.

Когда вся группа спустилась в фойе, женщина встрепену-

лась:

– Господи, не знаю, важно это или нет, но он забыл зонтик.

– Кто? – не понял Шустницкий. – Бузмаков? – и тут же добавил: – Ничего страшного, отдадите, когда хозяин найдётся.

– Да он здесь, я его оставила на проходной. У вас должен быть зонтик, – обратилась она к старичку.

– Зонтик? – вахтёр недоумённо покрутил головой. – Не было никакого зонтика.

– Как не было? – не унималась женщина. – Я отдала его в руки вашего напарника и наказала передать командировочному.

Секьюрити напряг лоб:

– А, понял! Та палка с шариком. Мы ей мух бьём. Она удобная, лёгкая. Никогда бы не подумал, что это зонтик.

Он нагнулся куда-то под стойку проходной, откуда вылез уже с зонтиком в руках. Его и на самом деле трудно было принять за вещь, спасающую от дождя. Палка с шишкой на конце, да и только.

Шустницкий проявил инициативу, выхватил зонт у престарелого охранника и стал его вертеть в своих руках:

– Правда очень лёгкий. Где тут кнопка?

– Осторожно! – воскликнула женщина. – Дайте сюда, – в её голосе прозвучало явное презрение к неуклюжим мужчинам. – Это опасная вещь. На кнопку надо жать нежно – тогда зонт раскроется плавно.

Так она и сделала. Зонт раскрылся. Все обомлели от

удивительного превращения. Маленький шар превратился в широкий купол.

Секретарша продолжила презентацию:

– Это не простой зонтик. Правда-правда. Смотрите!

Она показала всем внутреннюю идеально зеркальную часть аксессуара.

Отреагировал даже генерал:

– Ух, ты! Неожиданно. Ого, здесь даже спиц нет! – он всё же захотел узнать мнение Рашева: – Что скажете?

Тот взял зонт и долго вертел его в руках, ощупывая и осматривая структуру материала:

– Интересно... Материал скажу я вам инновационный. Весьма инновационный. Сразу не поймёшь, что это такое.

– Вы знаете, я сразу догадалась, что это зонт. В это время дождь немного моросил. Я раскрыла его на улице, но не ожидала, что он зеркальный – выпустила из рук. Порыв ветра утащил его на проезжую часть. А там огромный такой мусоровоз. Думаю всё, конец моему зонтику. Но он даже не помялся. Тогда я решила, что за таким зонтом хозяин обязательно вернётся. Поэтому и передала его охраннику.

Глава тридцать седьмая

15 апреля
Сочи. ОУСО ФСБ
Я гений!

Очередная бессонная ночь прошла, но не она мучила Кирилла. Как эти гады вырубают камеры? Очень трудно осознать, что кто-то круче тебя, а ты не способен даже понять его идею. Как? Всю ночь Кацэ рылся в серверах, обеспечивающих работу систем видеонаблюдения. Ничего. Но как-то же они вырубали! Естественно, что это не случайность. Это закономерность. Когда этим гадам надо – камеры вырубаются. А когда нет – снова включаются. Вот на этой записи господин Бузмаков стоит на остановке. Вот к нему подкатывает автофургон и чьи-то руки затягивают его в салон. Здесь они ничего не блокировали. Казалось бы, у нас есть зацепка – автомобиль с явно читаемыми номерами. Но это ничего не даёт. Фургон числится в угоне и его нашли, спокойно припаркованным на улице Цюрипы. Номера оказались фальшивыми. Ни отпечатков пальцев, ни микрочастиц ДНК. Вообще ничего. Как он там оказался, проследить было невозможно. Через пару минут после того, как они, загрузив Бузмако-

ва, отчалили от НИИ, все камеры в этом районе вырубались. Все! Но так не бывает! Вырубались все камеры. Камеры различных независимых систем наблюдения. Абсолютно все! И даже регистраторы на автомобилях перестали на время работать. Проходит ровно тридцать минут и всё включается, как ни в чём не бывало. Дьявольщина какая-то. Тот же сценарий был отработан в эпизоде с появлением агентов в НИИ под именами «Бузмаков» и «Шелихов». Опять никаких записей. Автомобиль агентов всё же удалось вычислить. Он попал в аварию, когда Рашев спровоцировал массовое столкновение. Машина преследователей почти не пострадала и тут же смылась. Её нашли на одной из улиц города. Она тоже числилась в угоне и тоже имела накладные номера, соответствующие реальному номеру точно такой-же модели. И опять ничего и по той же причине.

Хорошо, хорошо... Но недаром меня называют гением. Я докопаюсь до истины.

Глава тридцать восьмая

15 апреля

Восточно-Европейский ледник Вымерзшая столица

Нутрецов никак не ожидал, что уже через час после его появления на работе он с группой спецназа отправится на двух десантных «Ка-Х92» в Москву. Он долго думал: «Почему именно меня? Задание очень важное, а генерал меня недолюбливает. Это какая-то подстава. Что-то тут не так». Ему и в голову не могло прийти, что, давая задание, Калачов всегда исходил из сложившихся за долгие годы принципов. В данном случае принцип звучал предельно просто: «В группе не должно быть изгоев и любимчиков. Но в первую очередь не должно быть сачков». Хоть полковника и спустили сверху, он должен работать, как все. Генерал сразу понял, зачем его к нему приставили. Но никак на это не отреагировал. Пусть докладывает наверх всё, что хочет. Главное, чтобы решению поставленных задач это не мешало. Пока явных причин для беспокойства по поводу Нутрецова он не видел. Ничего, и не таких приходилось запрягать на пользу общему делу. Пусть летит. Задание важное, но не сложное, справит-

ся.

Калачов имел на руках техническую часть проекта. Но не имел самих разработчиков. Поэтому в Москву отправил подчинённого, а сам отправился на доклад к Джужоме. Теперь стало предельно ясно, кто изобрёл «Прометей». Бузмаков исчез, видимо он в лапах американцев. А Кузнецова и Шелихов оставались в Москве. Связь с ними установить не удалось, значит, надо лететь туда и вывозить их на Большую землю: живых или мёртвых. Ещё была маленькая надежда, что они живы, а не замёрзли и не попали в чужие лапы.

Спускаться на дно ледника решили через крышу самого высокого московского небоскрёба «Око света». Сияющее гранями на солнце наверхие высотки, стилизованное под бриллиант, хорошо просматривалось из космоса.

Вертолёты выпустили крылья и запустили реактивные двигатели, позволяющие развивать скорость до 700 км в час. Значит, до Москвы лететь чуть больше двух часов. Всего-то... Спецназовцы, облачённые в футуристические костюмы, были увешаны оружием и различными приборами. Загрузившись в вертолёт, они моментально закрыли глаза и пребывали в привычной нирване ожидания прилёта на место действия. Полковник, глядя на них, тоже прикрыл глаза...

... На подлёте к заброшенной столице лётчик доложил:
– Фотонный радар зафиксировал в районе «Южного порта» три американских «Команчи». Они тоже нас засекали и

выслали навстречу пару ударных дронов. Пытаюсь их подавить лучом, но ничего не выходит, они движутся на нас. Их ракеты готовы к пуску.

Нутрецов, пересев из салона на откидной стульчик за спиной пилота, тут же скомандовал:

– Разворачивай, и валим отсюда.

Пока вертолёт разворачивался, он успел доложить о ситуации заместителю начальника ФСБ Проскуруину. Выслушав ответ, полковник обратился к вертолётчику:

– Мы можем уничтожить дроны?

Командир винтокрылой машины, не поворачивая лица, ухмыльнулся:

– Легко. Работаем?

– погоди, сделай ещё полсотни километров к югу, а там ориентируемся.

Но они не пролетели и половины пути, как пилот вновь доложил:

– Дроны возвращаются. Что будем делать?

– Сбавь скорость и иди за ними.

На подлёте к Москве, лётчик вновь доложил:

– Они взлетели и взяли курс на запад.

– Дроны?

– Нет, все. И «Команчи» и БПЛА.

– Можем сбить хотя бы один дрон?

– Будет исполнено, – пилот стал тыкать в интерактивный голографический экран, возникший перед ним. Переспро-

сил: – Только один?

– Да. Надо их проучить, не вызвав при этом полномасштабный конфликт. Так мне приказали.

– Как скажете, – лётчик откинул крышку над большой красной кнопкой и долбанул по ней ладонью.

Вертолёт тут же заметно дёрнулся. По курсу летательного аппарата выскочила ракета, которая выдала яркую вспышку и мгновенно исчезла.

Не прошло и минуты, как на голографическом экране, на котором были обозначены цели, картинка с изображением одного из двух дронов, замигала. Поверх этой картинки появился красный крестик и надпись «Цель уничтожена». Появление красного крестика продублировал противный звуковой сигнал «пы-ы-ы».

– Готово, – доложил пилот.

– Так легко? – удивился Нутрецов.

Лётчик на это хмыкнул:

– Легко, когда в твоих руках самое совершенное в мире оружие. Ни у кого такого нет.

– А что это?

– «Это»? Это плазменно-импульсный разряд (ПИР). Работает он внешне просто. Наша ракета приблизилась к цели до расстояния, когда БПЛА, увидев опасность поражения, включил все виды активной и неактивной защиты. Но ПИРу на его конвульсии плевать. Он и не собирался прорываться сквозь эту защиту и идти на контакт. Как только сигнал о

включении защиты поступает в «мозг» нашей ракеты, тут же срабатывает заложенная в носовой части плазменная бомба. Излучение, которая она создаёт, мгновенно выжгло у дрона не только электронную начинку, но и все виды электрических проводов.

– А почему тогда остальные не пострадали?

– Вы же приказали сбить один дрон. Я и обозначил на экране одну цель. Если выделить все цели, то ракета легко расправится и со всеми. Она умная, сама формирует силу вспышки. Это сделано для того, чтобы применять ракету с плазменным разрядом не только на дистанции, но и в ближнем бою. А иначе и сам от неё пострадаешь. Хотя, судя по данным квантового радара, второй БПЛА вряд ли дотянет до аэродрома. Он потерял ориентацию и в настоящий момент не управляется оператором. «Команчи» тоже стали нам хорошо видны. С них слетела электронная часть «стелс-маскировки». И теперь, судя по всему, вертолеты управляются вручную. А это значит, что электроника пиндосов накрылась медным тазом. И всё это сделал ПИР.

Нутрецов задумчиво скривил губы и резюмировал:

– Не знал, что у нас есть столь грозное оружие.

– Да никто о нём ничего практически не знает, – хмыкнул лётчик. – Это же кабэшный вертолёт. Именно на нём десять лет назад я работал испытателем. Прекрасно помню, когда подвезли первые образцы ПИРа. Это была «бомба», когда мы жажнули. Ох, как все засуетились! Мы обогнали всех. Мы

обогнали всех! Ни у кого, повторюсь, такой бомбы нет. Но сверху пришёл приказ, все работы прекратить, образцы уничтожить, оборудование законсервировать. Твари! – он смачно выругался и добавил: – Предательство чистой воды. Сергей Владимирович Туманов, разработчик ПИРа, сразу после этого попал в больницу, где буквально через два дня скончался. Исследовательский центр опечатали, нас перевели в другую часть. Мою вертушку тоже отобрали и оставили в ангаре КБ. Потом прошло восемь лет. Производство вертолётов в стране прекратилось, все продолжали летать на доживающем свой век старье. Но даже «старья» по понятным причинам становилось всё меньше и меньше. Тогда и вспомнили о консервации. Меня послали за моей ласточкой. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что в боевом отсеке вертушки по-прежнему заряжены всё те же четыре ракеты с ПИР. Российский бардак. Никто так и не поинтересовался, что там на подвесках крыла повешено. Ладно, воспоминаниям конец – прилетели. Где будем садиться? Возле высотки?

Летательный аппарат как раз приблизился к «Оку света». Но полковник отдал другой приказ:

– Нет, летим к тому месту, где приземлялись американцы. Вертолёты сели на натоптанной американским командос поляне. В середине зияла дыра с метр диаметром. Чуть в стороне валялась куча ледяных цилиндров.

– Ого! – удивился командир спецназовцев, заглядывая в

колодец. – Классно они поработали.

– Это «Гипер гофер», устройство для бурения кернов во льду, – пояснил его подчинённый. – Я видел его работу. Не знаю, чем он прожигает кольцо во льду, но работает очень быстро.

– Ну молодцы, что скажешь! – подытожил командир и обратился к Нутрецову: – Начнём спуск?

Полковник отступил от колодца на шаг:

– Я здесь останусь, а вы спускайтесь.

– Товарищ полковник, вы не поняли. Для начала мы отправим туда паука и пуделя. Не хотелось бы нарваться на сюрпризы.

Паук – робот с многочисленными конечностями, шустро подбежал к колодцу и тут же, упираясь лапами о стенки отверстия, быстро спустился вниз. Следом за ним на стропе опустили пуделя. Внешне этот робот мало походил на пса, но его предназначение было близким по сути. По тепловизору он искал живых людей и определял время, когда человек покинул то или иное место. В передней части робота-ищейки находились несколько завитушек электронных зондов и рецепторов. Именно поэтому все его называли пуделем, а не просто собакой.

Роботы не нашли ни живых, ни мёртвых. Они засняли часть здания, раздавленную ледником и лабораторию, разрушенную взрывом. Также роботы исследовали коптёрку охранников и пришли к выводу, что люди покинули её не

сегодня. Вывод напрашивался сам собой: во время прихода сюда американских рейнджеров в лаборатории уже никого не было. В дополнение к пуделю и пауку, спецназовцы запустили в колодец с десятков скоростных минидронов. Их размер не превышал габариты голубя. Дроны, оснащённые только тепловизорами, примерно за пару часов обследовали все московские туннели. Живых они не обнаружили.

Сразу, как ему доложили о результатах, полковник вышел на связь с Калачовым:

– Геннадий Васильевич, в Москве никого нет. Абсолютно никого. Мы всё тщательно обследовали. Видимо Шелихов с Кузнецовой мертвы и по этой причине не реагируют на тепловизор. У меня на руках кадры разрушенной лаборатории. Даже по предварительной оценке можно прийти к выводу, что здесь произошёл взрыв. Возможно, что тела учёных лежат под завалами. Что нам дальше делать? Если разбирать завалы – до конца дня мы явно не успеем. Или возвращаться на базу?

Генерал помолчал и спросил:

– Какие-нибудь документы обнаружили?

– Нет, ничего.

– Хорошо, возвращайтесь.

Нутрецов не озвучил версию, по которой разыскиваемые люди и их проекты могли попасть к американцам. Стоящий рядом с полковником командир спецназовцев всё слышал:

– Конечно, пиндосы вряд ли здесь нашли живых. Но вот

документики прихватить вполне могли. Что-то ты об этом не обмолвился.

Полковник его оборвал:

– Не твоё дело. Кому надо, я доложу. И обращайся по званию. Устав напомнить?

Спецназовец пожал плечами и пошёл грузиться. Обрато он с Нутрецовым не полетел. Весь отряд легко поместился во втором десантном вертолёте. Взамен в вертушку полковника сгрузили всё оборудование, которое «спецы» брали с собой на операцию...

...На обратном пути случилось непредвиденное. Вертолёт резко снизил скорость и стал терять высоту. Полковник тут же проснулся и примчался в кабину лётчика. Тот хаотично щёлкал тумблерами и активизировал различные иконки всплывающих голографических окон.

– Что случилось?

– Ничего, – голос лётчика, к удивлению Нутрецова был вполне спокоен. – Машина долгие годы стояла на приколе. Для техники хуже варианта не придумаешь. Никакого обследования или восстановительного ремонта ласточка не проходила. Вот и приходится теперь расхлёбывать: то тот узел вышибет, то другой.

– Что-то отказало?

– Турбина заглохла.

– Мы падаем?

Лётчик не выдержал и, покосившись в сторону взволнованного пассажира, ухмыльнулся:

– Не бойся, командир! А два винта у нас на что? Просто дольше ползти будем. В Сочи мы уже не летим. Ближайший аэропорт, где можно отремонтировать турбину – Ростов-папа.

Вертолёт сложил крылья, опустился поближе к земле и продолжил путь. Но Нутрецов уже не вернулся в салон, а продолжал сидеть за спиной пилота.

Не прошло и получаса, как он почувствовал, что вертолёт заложил вираж и при этом резко снижается:

– Что опять случилось?

– Всё нормально – надо подобрать человека.

– Какого «человека»? – удивился Володя, выглядывая из-за плеча пилота.

– Сейчас увидишь.

Вертолёт выровнялся, и прямо по курсу Нутрецов увидел человека, лежащего ничком на снегу.

– Да он поди уже замороженный!

– Сейчас узнаем.

– Стоит ли? Сможем потом взлететь?

Лётчик повернул голову и уставил свой взгляд на полковника:

– Ты о чём вообще? Как потом жить?

Сказано было веско и предельно серьёзно. Володя ничего не ответил, а просто махнул рукой и вновь уселся на от-

кидное кресло. В висках колотило волнение. Он машинально пощупал сердце – так и инфаркт получить нетрудно. Сколько всё-таки неадекватов в стране!

Вертолёт несколько раз тыкался в снег, но тут же приподнимался над ним. Затем завис в метре от земли. Пилот шустро вскочил и попытался выйти в салон, но уткнулся в полковника. Нервно махнув рукой, лётчик призвал пассажира подняться:

– Чего сидишь? Торопиться надо – машина висит на автопилоте! Как бы её не завалило порывом ветра! Давай, давай!

Нутрецов повиновался. Летун схватил раскладные носилки и бросился к одиноко лежащему на заснеженных просторах телу. Перевернув его на спину, забормотал:

– Жива, слава богу, – он пошлёпал её по щекам – безрезультатно, девушка не пришла в сознание. – Ничего, раз снег на лице тает, значит, всё будет хорошо... – он на секунду завис, вглядываясь в её черты. – Совсем молоденькая. Красивая... Как ты тут оказалась? – переведя взгляд на Нутрецова, неожиданно грубо рявкнул: – Чего стоишь? Носилки раскладывай! – и опять повернулся к девушке: – Сейчас, родная, потерпи. Тебе повезло, что у нас турбина крякнула. Так бы просвистели по верхнему эшелону и не увидели тебя.

Вертолёт без всяких капризов поднял трёх человек в воздух и взял курс на Ростов. Полковник всё же спросил:

– Странно, как она здесь оказалась?

Вертолётчик ждал этого вопроса, ему явно хотелось вы-

сказаться:

– Сам не пойму. Километров за двадцать до этого попались брошенные аэросани. Тогда ещё удивился – откуда? Но не стал приземляться, так как рядом с ними ни одной души. Видимо это её транспортное средство. Бензин кончился или двигатель накрылся. Только откуда она ехала и куда держала путь? Вот вопрос! Девушка – одна на безлюдном леднике, где нет ни связи, ни жилья, ни кустика. Только холодная смерть. Странно всё.

– Это она от своих саней всего двадцать километров прошла?

– Двадцать километров – очень приличное расстояние. Видел, какой снег глубокий? Я даже сесть на него не смог.

Глава тридцать девятая

15 апреля

Бочаров ручей, Сочи

Всё, как во времена Джордано Бруно

– Почему вы вернулись, Арсений Сергеевич?

– А что мне там делать? Я учёный, а не строитель. И как учёный сделал всё, что от меня требовалось. Собрал лучших специалистов: сейсмологов, геологов, климатологов. Но больше я не могу там находиться.

– Почему? – президент не мог понять причину отказа.

– Да поймите, Юрий Константинович, меня гнетёт то обстоятельство, что я занимаюсь спасением избранных. Меня постоянно мучает это обстоятельство. У меня кровавые мальчики в глазах и днём, и ночью.

– Но разве есть другой выход?

Соболевский встал и непривычно для себя резко мотнул головой. Стрекалов никогда до этого не видел эмоций на лице своего соратника, с которым он был знаком без малого двадцать лет. Мало того, далее академик позволил себе неофициальное обращение, чего за ним никогда не водилось:

– Юра, пойми, я там сжигаю себя. Сжигаю зря. Я не хочу больше администрировать. Хочу отвлечься. Хочу быть полезным. Я всё же учёный. И, возможно, хороший учёный. Поэтому более подходящего момента, чтобы сложить с себя все полномочия, я не вижу. Настала пора на склоне лет заняться наконец наукой. Мне хочется верить, что я смогу сделать что-нибудь полезное.

Президент нахмурился. Он был неумолим:

– Мне кажется, что самая большая польза от тебя сейчас именно там.

– Нет-нет, не уговаривай меня. Всё решено.

– Всё равно не пойму истинной причины.

– Совесть. Совесть – вот истинная причина, – Соболевский загнал пальцы в седую шевелюру, а затем опустил их, проведя по щекам: – Нет, Юра, уволь. За эти дни я натерпелся по полной программе. Каждый встречный заглядывает мне в лицо – мол, меня не забудь. Каждый второй заискивает, как перед дамой с косой: спаси, я не хочу умирать. Стоит активировать телефон – тут же звонки: включи в списки мою жену, тёщу, дядю, любовницу. Как будто это я всё решаю?! К чёрту, к чёрту, – академик резко крутанул головой. – Не-хо-чу! Можешь вычеркнуть меня из списка. Но заниматься этим проектом я больше не буду.

– Ладно. Отдохни пока. К этому вопросу мы вернёмся потом – его надо решать коллегиально.

– Не-не-не-не! Уволь, – Соболевский нервно замахал ру-

ками.

Президент успокаивающе кивнул:

– Хорошо, как скажешь. Решение остаётся за тобой. Давно хотел пообщаться с тобой тет-а-тет. Вечно дела мешают. Давай просто попьём кофейку, как будто у нас и вовсе нет никаких проблем. Садись, – он нажал кнопку и попросил: – Пусть нам принесут кофе и что-нибудь сладкое.

Они уютно расположились в мягких креслах и ещё долго болтали о жизни, о родственниках, о благостных временах юности. Теперь любое событие из прошлого рассматривалось в призме розовых очков. Всё казалось прекрасным, простым и замечательным. Стрекалов всё же не мог не поинтересоваться давно волнующим его вопросом:

– Скажи мне, Сеня, – они окончательно перешли на доверительное общение, – как так произошло, что катастрофа свалилась на нас столь внезапно? Мне казалось, что для науки 21 века у природы нет тайн. Неужели никто не подозревал?

– Как «не подозревал»? Подозревали многие. Я в том числе. Но я тогда был молодым, не убелённым сединой и авторитетом. Нас никто не слушал. Этот вселенский вой про наступление глобального потепления очень напоминал молитву в какой-нибудь секте. Кто не бьёт лбом о пол – того в утиль. И никто не будет слушать оправданий. Так было и в науке о климате. Апологеты теории глобального потепления выскочили на сцену, отобрали микрофоны у оторопевших

оппонентов и капитально продули уши всем живущим на нашей Земле. А заодно и мозги. Что ты! Все, кто высказывал хоть малейшее сомнение, объявлялись дилетантами, провокаторами, а то и террористами, которые хотят погубить нашу планету. Я знаю умных маститых учёных, которые из-за своих убеждений попали в тюрьму. Некоторые там сгинули безвозвратно. Я тоже думал, что живу в просвещённые времена, но миром правит мракобесие. И это прискорбно. Мы не сильно отличаемся от общества времён Джордано Бруно.

– Я понимаю, понимаю. Мне интересно знать, когда началось это жуткое похолодание. И почему? Слышал даже, что причина кроется как раз в глобальном потеплении. Что оно привело к изменению океанских течений и тёплые воды перестали двигаться к полюсам.

– Глупость. Очевидная мерзкая глупость. Причина в Солнце. На нем давно нет пятен – главного показателя солнечной активности. Такого длительного периода солнечного спокойствия не было никогда за всё время наблюдения за светилом. Снижаться его активность начала ещё в восьмидесятих годах прошлого столетия. С каждым годом всё меньше вспышек, всё меньше пятен. Солнечный ветер, магнитное и радиоизлучение постепенно затухали. Это не могло не волновать астрономов и учёных других профилей. Привычные циклы 11-летней активности Солнца совершенно сбились. Ледниковый период не грянул сразу только из-за того, что проблемы накапливались постепенно и в некоторой

степени нейтрализовались тем самым «парниковым эффектом», который и на самом деле имел место быть. Долгое время климат балансировал под воздействием этих двух факторов, словно эквилибрист на тринадцати досках. Но ведь апогеты борьбы с глобальным потеплением добились снижения выбросов парниковых газов, и это совпало с ещё одним, на этот раз очень резким, снижением солнечной активности. Вот и результат. Мы пока не можем просчитать всю многогранность факторов, которые воздействуют на нашу Звезду. Когда одиннадцатилетние циклы солнечной активности канули в небытие, многие стали выдвигать альтернативные теории, мол, наше светило живёт по столетнему циклу, по семидесятилетнему и так далее. И на самом деле, за последние 10-12 тысяч лет, когда закончилась эпоха последнего оледенения, отмечены значительные взлёты и падения солнечной активности. Их цикличность не совпадает с привычной 11-летней фазой. В пример часто приводился так называемый период Маундера. Некоторые этот семидесятилетний отрезок времени в семнадцатом веке называют Малым ледниковым периодом. Я, кстати, тоже надеялся, что наша небесная печка оживёт. Нам всем хочется верить в лучшее. Тем сильнее было разочарование. Всё рухнуло в одночасье.

Стрекалов вздохнул:

– Да, уж. Хотел бы я вернуться в то беззаботное детство, когда все говорили только о глобальном потеплении. Теперь же мы отступаем. Мы постоянно отступаем. Наша цивилиза-

ция не развивается. В технологическом плане мы мало чем отличаемся от начала века. А будет только хуже. Это катастрофа...

Глава сороковая

15 апреля

Сочи. Кабинет начальника ФСБ

Надёжный сейф

Уже был вечер, когда командор, закончив дела, приехал к начальнику ФСБ. Игорь Артёмович принял Калачова, как всегда, просто:

– А, Геннадий Васильевич,ходи, присаживайся. Что скажешь?

Генерал молча предъявил красную папку.

– Что это? – Джужома повертел папку в руках. – Ух ты! Натуральная кожа, молния во всю ширь. Такие ещё делают?

– Делают, делают, – с серьёзным видом кивнул командор.

Начальник ФСБ оторвал взгляд от папки:

– И что там внутри?

– Бомба.

– Шутишь?

Геннадий Васильевич отрицательно покрутил головой:

– Какие шутки? Бомба и есть.

– А, в этом смысле. Давай посмотрим, что это за «бомба». Джужома, скрипя молнией, открыл папку и вытащил из

неё ворох бумаг. Он сначала уставился на них, а затем перевёл взгляд на подчинённого:

– Это то, что я думаю?

Калачов наконец слегка улыбнулся и кивнул:

– Как заказывали.

Игорь Артёмович недоверчиво перебрал несколько листов с расчётами и технико-экономическим обоснованием, а затем резко вскочил и стал горячо жать руку генерала:

– Да ты знаешь, Гена, какой ты молодец! Многие в тебя не верили. Я сам, если честно, не особо надеялся на твои таланты. А поди ж ты! Сейчас уже можно говорить, но одновременно с тобой ещё две группы вели параллельное расследование. И где они, и где ты? Они где-то там, неизвестно где, а ты у меня в кабинете с красной папочкой в руках. Молодец! Все молодцы! Вся твоя группа будет представлена к правительственным наградам.

Калачов решил пошутить на тему, известную одному ему:

– А можно вместо наград ящик кофе в зёрнах?

Джужома продолжал трясти руку собеседника, но улыбка постепенно сползла с его лица:

– Ты знаешь, с кофе у нас большая проблема. Даже мне по малым квотам выдают одну пачку на месяц. А у меня бывают очень важные персоны...

Калачов его оборвал:

– Да я шучу. Правда, шучу.

Джужома разомкнул рукопожатие и энергично погрозил

пальцем:

– У-у-х, шутник! У-у-х, баловник! Ты, наверное, потому в опалу и попал, что твои шутки не все понимают. Ладно, сначала дело. Я папочку сразу в сейф уберу.

Он открыл сейф и положил туда папку. После чего нажал кнопку селектора:

– Люси, кофе и где-то у нас были конфеты – такие в двухярусных коробках. Хотя нет, носи только конфеты, – он развернулся в сторону гостя: – Какое кофе, правда? Коньяк! По такому поводу грех не выпить.

Довольный начальник подошёл к портрету президента России и сдвинул его. За ним показалась клавиатура ещё одного сейфа. Доставая из него дорогой французский коньяк и водочные стопарики, Игорь Артёмович не уставал болтать:

– Завтра совещание у президента, а я тут как тут с красной папкой. Вот будет фурор! Не люблю из коньячных бокалов. Не по-русски это как-то. Тебе по полной? Во всём должна быть мера. А эта хрень безразмерная, в которой надо только дно заполнять – полная фигня. Так тебе по полной? Впрочем, зачем спрашиваю? И так понятно. Извини, привычка. Приходится и дамам наливать. Хотя бывают мужики, хуже баб. Это я не о нас с тобой. Ну, где там она?

Дверь открылась, и в кабинете простучали высокие каблук секретарши. Положив коробку конфет на стол патрона, она тут же удалилась. Джужома проводил её зажигательным взглядом:

– Ух, и поднял ты мне сегодня настроение! Даже все привычные взгляду бабы кажутся интригующими незнакомками. Давай, Гена! За успех нашего великого начинания!

Они выпили, и шеф сразу наполнил по новой:

– И паровозом за Россию! – он опрокинул содержимое стопки в рот. – У-а-а! Хорошо пошла. Садись дорогой, закусывай, – пододвинул он открытую коробку поближе к Калачову. Чавкнув конфеткой, спросил: – А автор кто?

– Авторов пока ищем. Один где-то в Сочи затерялся. Есть опасение, что он в подвале у американцев, – при этих словах, Джужома, разливающий по третьей, замер. Калачов же продолжал рассказ: – А двое остальных оставались на свой страх и риск в Москве. За ними Нутрецов с утра вылетел. К сожалению безрезультатно.

Начальник ФСБ не удивился:

– В курсе. Если честно, немного зная твой характер, я думал, что ты Нутрецова будешь держать на поводке и кормить его только с чайной ложечки.

– Это почему? Понятно, что он вам докладывает о всех действиях группы. Но у нас общее дело. Я тоже об этом же вам докладываю. Вот и выходит, что он не врагам докладывает, а руководству ФСБ.

– Ну, ты же должен понимать, что в такой организации, как наша, всегда плетутся интриги. Каждый хочет укунить соседа и что-нибудь поиметь. Например, моё кресло или хотя бы должность повыше. Нутрецов человек Проскурина. А

Генрих Эрнстович человек не простой. Он любит тянуть на себя одеяло и делает это с превеликим энтузиазмом и искусством. У него на каждую мало-мальски заметную фигуру полно убийственного материала. Не только на тебя или меня, а даже на президента. Гаков попроще. Но за внешней простотой тоже спрятан умный, хитрый и опытный политик. Ты что-то мало с ним общаешься. А зря. Он может и обидеться. Всё-таки Глеб Олегович официальный твой куратор.

– С Глебом Олеговичем мы старые дружки. Со мной он не будет дуться, как девочка. Если надо всегда может позвонить и обложить матюками.

– Как знаешь, как знаешь. Но в наше время всегда надо держаться стаи и быть поближе к вожаку. А то неровен час акула схватит или кашалот заглотит. Это хорошо, что ты принёс проект прямо ко мне. Этим ты выдаешь своё расположение и можешь рассчитывать на перспективы. Я тебе всегда помогу. Надеюсь, и ты придёшь на помощь, когда я тебя призову. Скоро нам понадобятся преданные и умные головы.

Калачов кивнул головой. Он всё понимал, но никогда не желал окунаться в мутную воду интриг. А проект принёс шефу только потому, что его сейф надёжней.

Джужома поднял рюмку и произнёс третий тост:

– За взаимопонимание...

...Калачов вышел из кабинета начальника уже в десятом часу. Контора почти обезлюдила, поэтому он сразу засёк, как

из кабинета Проскурина выпорхнул Нутрецов и быстро направился к выходу. Калачов нагнал его уже на крыльце:

– Володя, подожди!

– Геннадий Васильевич? Вы тоже здесь? Впрочем, извините, не ожидал.

– Володя, ты почему не доложил по возвращению с задания?

– Геннадий Васильевич, я же докладывал, – чуть вспыхнул полковник.

– Поменьше эмоций – ты на службе.

– Я...

– Володя, ты не первый год на службе. Обязан понимать, что в первую очередь ты должен был выйти на меня, а уже потом, если хочешь, на Проскурина. Где ты пропадал?

– Я же был в Москве! – вновь вспыхнул Нутрецов.

– Володя, из Москвы ты мне звонил в 12:15. Сейчас 21:25.

Ты через Камчатку сюда летел?

– Геннадий Васильевич, я прибыл совсем недавно.

– Почему не доложил о задержке?

– Не доложил, потому что не получалось.

– Должно получаться. Что тебе помешало выйти на связь? Землетрясение? Вторжение инопланетян?

– Вертолёт сломался, да ещё мы совершали посадку... – в этом месте Нутрецов осёкся.

– Зачем?

– Да, лётчик решил приземлиться... Это не имеет отно-

шения к службе...

– Говори, говори. Я всё равно узнаю.

– Девушка там была, – Нутрецова тут же стала мучить досада, что он проговорился, но деваться было некуда.

– Какая девушка? Где была? Володя, почему из тебя всё клещами надо вытаскивать? Докладывай обстоятельно.

– Да это просто девушка. Она лежала на снегу. Мы приземлились и забрали её в Ростов. Я уже говорил, что вертолёт сломался. Отказал реактивный двигатель, который в хвосте установлен. Вместо двух часов, мы добирались до Ростова почти шесть, – приврал для убедительности оправданий Нутрецов, – Там вертолёт встал на ремонт, а я вылетел сюда на рейсовом самолёте.

– Где вы подобрали девушку?

– Не знаю, лётчик в курсе. У него зафиксирована посадка.

– Приблизительно хотя бы можешь сказать? Сколько вы летели с места посадки до Ростова?

– Час – полтора.

– Понятно – это больше двухсот километров. Выходит, вы её подняли с ледника.

– Да, практически так. Ледник в этом месте уже спускается вниз.

– А куда увезли её?

– Девушка была без сознания. Мы вызвали скорую в аэропорт. Врачи её прямо с вертолёта сняли.

– Я понимаю, понимаю. Куда увезли?

– В больницу, наверное.

– В какую больницу?

– Да на черта она мне сдалась, чтобы я записывал адрес? –

Нутрецов уже не сдерживал себя и практически орал на начальника.

– Считай, что выговор у тебя уже есть. Прямо сейчас едем в контору, где ты напишешь объяснительную.

– Я весь день пахал! Мне что, отдых не положен?

– Товарищ полковник! Сейчас я влеплю тебе второй выговор и отчислю к чертям собачьим. Смирно!

Нутрецов как-то скукожился, но хоть и неуклюже, но встал по стойке смирно. Генерал сделал к нему шаг и упёрся взглядом суровых серых глаз:

– Так вот, Володя, чем отираться в приёмной Проскурина, докладывая о каждом моём шаге, лучше бы включил мозги. Откуда там взялась девушка? С неба упала?

– Там, чуть раньше, лётчик брошенные аэросани засёк. Видимо она на них ехала.

– Неужели так трудно сопоставить простые факты: точно известно, что с Шелиховым в замороженной Москве работала девушка. Ты прилетаешь в Москву и никого там не находишь. А на обратном пути, вдруг ни с того ни с сего, на леднике обнаруживаешь аэросани и девушку. Это не наводит тебя на определённые мысли?

Нутрецов мотнул головой:

– Если это Кузнецова, куда тогда подевался Шелихов?

– Вот! Этим вопросом ты и должен был задаться в первую очередь. Затем ты обязан был доложить мне, а не лететь, забыв обо всём, на доклад к Проскурину. Ты должен был оставаться на месте до выяснения личности девушки и полной картины происшедшего.

– Геннадий Васильевич...

– Я всё сказал. Впрочем, нет, не всё. Ты оставил девушку без охраны. И это твой самый большой косяк. Итого, ты за сегодняшний вечер получил не только благодарное рукопожатие Проскурина, но и сразу два выговора от меня. И в качестве бонуса – последнее предупреждение. Всё, едем в контору...

...В конторе, пока Володя писал обстоятельную докладную, генерал навёл полные справки о девушке. Вся команда Калачова до возвращения начальства оставалась на рабочем месте и теперь сидела на телефонах, вызванивая больничные учреждения и аэропорт Ростова. В конце концов выяснили и координаты посадки, и адрес больницы. Калачов срочно заказал вертолёт. Взяв с собой Нутрецова и Шустицкого, он вылетел в Ростов-на-Дону.

Глава сорок первая

16 апреля

Ростов

Два выстрела в область сердца, контрольный в лоб

По прилёте в Ростов генерал приказал Нутрецову ждать его в аэропорту:

– Володя, держи вертолёт в готовности к вылету. И возьми распечатку маршрута, с точными координатами места, где ты подобрал девушку.

– «Координаты»? Вы же говорили, что они у нас на руках?

Калачов недовольно вздохнул, но всё же сдержал эмоции и отчеканил ровным баритоном:

– Лиза, естественно, уже добыла координаты. Но одно – по телефону, другое – из первых рук.

– Мы что – полетим туда?

– Естественно.

– Зачем?

– Затем, Володенька, что там могут быть какие-нибудь материалы по «Прометею».

– Но мы же уже нашли их.

– Нашли. Но зачем-то ребята оставались в Москве, при-
слав сюда одного Бузмакова. Или ты думаешь, что они про-
сто решили погулять по замороженной столице?

Задание явно не нравилось Нутрецову, он не прекратил
нытьё:

– Как я выясню координаты?

Генерал грозно повёл подбородком, сжав губы добела:

– Володя, я не должен выслушивать глупые вопросы: «Как
и почему?» Ты офицер ФСБ со стажем. Значит у тебя есть
опыт. Или ты всё это время только сексотил?

Нутрецов насупился до безобразия, но промолчал. Гене-
рал продолжил:

– Для особо одарённых подсказу: координаты есть у того
лётчика, с которым ты подобрал девушку.

– А где я его найду?

– Тебе сопли подтереть или подгузники сменить? Короче!

Задание получил – иди выполнять. И доложи вовремя. Не
выполнишь – заведу дело о несоответствии.

Оставив полковника на аэродроме, Калачов и Шустницкий
поехали в больницу. Девушка была не в реанимации. Это
немного успокоило Калачова. Она лежала в палате интенсив-
ной терапии. Из палаты как раз вышел лечащий врач.

– Как себя чувствует пациентка? – сразу же поинтересо-
вался командор.

– А вы ей кто?

– Я ей генерал ФСБ, – для убедительности Геннадий Васильевич продемонстрировал документы. – Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда докладывай.

– Она под капельницей. Спит, поэтому сейчас её лучше не беспокоить.

– Сильно пострадала? Обморожение?

– Нет. Слава богу, нет. Переохлаждение и полный упадок сил. Возможно, она испытала сильный стресс.

– Вы с ней разговаривали?

– Нет, мы даже не знаем её фамилию.

– Вам и не надо её знать. Я забираю вашу пациентку.

– Что значит «забираете»? Куда?

– На кудыкину гору. Лишние знания порой вредят. Готовьте её к транспортировке. У вас ровно пять минут.

– Я не знаю, но у вас должны быть какие-нибудь документы. Ордер, там, или доверенность.

– «Доверенность»? Есть такое. От президента вас устроит? – генерал воспроизвёл голограмму президентского указа об особых полномочиях Калачова...

...Реанимобиль с включёнными спецсигналами мчался по утренним улицам Ростова-на-Дону на предельной скорости. Это Шустецкий сидел в кабине и по заданию Калачова подгонял водителя. Агрессивное вождение бросало пассажиров из стороны в сторону. Сопровождающий доктор и генерал с трудом удерживали Машу, капельницу и остальную меди-

цинскую аппаратуру. Видимо, тряска и стала причиной того, что девушка пришла в себя. Она открыла свои большие несчастные глаза и уставилась на Калачова:

– Кто вы? – прошептала она.

– Всё нормально, – присел рядом с ней генерал. – Мы друзья. Я генерал ФСБ Калачов Геннадий Васильевич. А это доктор, который пожелал лично доставить тебя в аэропорт.

При этих словах доктор закатил глаза. Ему вовсе не хотелось ехать. Но слишком уж непререкаемые приказы раздавал этот суровый генерал. Трудно послушаться.

– Мы летим в Сочи. Поняла? Ну и хорошо. А теперь скажи мне, милая, как тебя зовут, – генерал положил свою шершавую ладонь на её нежную руку.

Девушка напрягла лобик:

– Вы думаете, я не в себе?

– Я ничего не думаю. Я оперирую только фактами. Мне в настоящий момент надо точно знать, кто ты.

– Кузнецова Мария Елисеевна, – прошептала девушка, не отводя доверчивого взгляда от дознавателя.

– А теперь поведай, что с тобой произошло.

До неё не сразу дошёл смысл его вопроса. А когда дошёл, и девушка вспомнила все события последнего времени, глаза закрылись, а из-под век выступили слезинки.

Генерал вздохнул и отечески похлопал по её плечу:

– Я понимаю, что это трудные воспоминания. Но ты же русская женщина. Стало быть, сильная. И ты догадываешь-

ся, почему я тебя об этом спрашиваю. Явно, не из праздного любопытства.

Мара едва кивнула головой, но дрожащие губы и слёзы не позволяли ей начать рассказ.

– Хорошо-хорошо. Для начала я тебя буду спрашивать, а ты просто кивай. Если поняла – кивни, – получив утвердительный ответ, Калачов продолжил: – Вы остались в Москве, чтобы закончить испытания «Прометея» – так? – шмыгнула и кивнула. – Вас было двое: ты и Шелихов, – суксилась и кивнула. – Вы ехали вместе в аэросанях, – всхлипнула и кивнула. – Куда подевался Шелихов?

Мара пыталась сдержаться, но новый приступ рыданий неудержимо навалился на неё. Она закрыла лицо руками. Генерал терпеливо ждал, когда приступ пройдёт. Наконец девушка немного успокоилась и попыталась изложить информацию не только жестами:

– Там была расщелина. Вс-с! Я была за штурвалом в санях, вс-с, а Ярослав в прицепе. Сани проскочили, а прицеп свалился в пропасть, вс-с. Если бы я увидела раньше... Если бы... Но я не увидела. И теперь я здесь, а он там – на дне этого проклятого ущелья, вс-с.

Она снова закрыла глаза и замотала головой.

– Есть изменения в проекте по сравнению с вариантом, привезённым Бузмаковым?

– Есть. Шелихов исправил ошибку. Первый вариант был неверным.

Скорая помощь выскочила из тесноты города на просторы шоссе, где её практически сразу протаранил огромный грузовик. Он на бешеной скорости вылетел со второстепенной дороги. Его кузов был под завязку загружен гравием. Кувыркнувшись несколько раз вокруг своей оси, реанимобиль врезался в металлическое ограждение, подпрыгнул на нём и, уже потеряв способность к вращению, со всего размаха рухнул в кювет. От удара во все стороны брызнули стёкла. Выжившие не успели шелохнуться, как к машине подбежали двое. Глухо затыкали пистолеты с глушителями: два выстрела в область сердца, контрольный в лоб, два в сердце – один в лоб. Через мгновение первый из нападавших уже выбирался из оврага с девушкой на плече. Второй задержался, заглядывая в лица убитых. Озадаченный он вылез из искорёженного салона и огляделся вокруг. Тело командора лежало метрах в десяти от реанимобиля. На шоссе тормознула редкая для опустевшего города легковушка. Вдали был виден приближающийся к месту аварии большой междугородний автобус. Дёрнув недовольно головой, боевик на ходу послал три пули в сторону генерала, не останавливаясь, выскочил из кювета, перепрыгнул через ограждение, застрелил оторопевшего водителя остановившейся легковушки и запрыгнул в салон автофургона. Вскоре к месту аварии добрался автобус, но от машины нападавших уже и след простыл.

Глава сорок вторая

16 апреля

Сочи. Конспиративная квартира ЦРУ В дальнейшем бонусов не будет

Когда с головы сняли мешок, глаза долго привыкали к яркому свету. После того, как всё визуально наладилось, Мара увидела, что в комнате кроме неё и ещё одного человека никого нет. И только звук закрываемой двери указывал на то, что мешок слетел на колени не от сквозняка и не по мановению волшебной палочки. Девушка покосилась на того, кто расположился слева от неё. Человек этот, как и она, сидел в таком же кресле с прикованными к нему руками и ногами. На коленях у него лежал такой же чёрный мешок. Мару передёрнуло. «Лучше бы мешок заново натянуть на его голову», – подумала она. До такой степени вид человека был неприятным и страшным. Встретив подобного на улице или увидев в кино, она бы решила, что перед ней полный пропойца, либо сифилитик последней стадии. Нос – не нос, губы – не губы, глаза – не глаза. Всё какое-то кроваво-глянцевоe, неестественно раздутое.

– А ты красивая... Очень красивая, – прошамкал человек

осипшим голосом.

Сложно было понять, куда он смотрит – зрачки потерялись среди сплошных гематом. Но по повороту головы Мара поняла, что он смотрит на неё.

Игла смутного озарения больно кольнула в висок и тут же опустилась в сердце. Стало трудно дышать. Руки и ноги оцепенели до такой степени, что невозможно было пошевелить даже пальцами. Наконец прилив нервного возбуждения разогнал эти неприятные ощущения, и она тихо спросила, с надеждой, что это не правда:

– Вит – это ты?

– Не узнала? – лицо человека скривилось в гримасе, вероятно, означающей улыбку.

– Господи, – в голосе только боль и сострадание, – что они с тобой сделали?

– Ничего, русские не сдаются, – попытался приободрить девушку изувеченный пытками парень.

Мара оглядела помещение – ничего. Ни одной подсказки, чтобы понять, где она находится. В голове всё же проскользнула единственная мысль, оценивающая местонахождение: – «Окон нет – возможно, это подвал».

– Где мы, Вит? Что им от нас надо?

Бузмаков ответил не сразу, видимо ему стало плохо. Отдышавшись, он вновь повернул голову к Маре:

– Я думаю, мы у американцев. От нас же им нужно то, над чем мы в последнее время работали.

– Как они узнали? – спросила девушка и сразу осеклась.

В голову полезли неприятные мысли, противоречащие видимой глазом действительности. Откуда они могли узнать, если об этом никто не мог знать? Только три человека знали, что и как получилось в результате взрыва колонны синтеза. Только три человека... У нас с Ярославом не было возможности даже просто позвонить. Значит... Нет, ничего это не значит.

– Вит, кому ты передал материалы?

– Никому.

– Совсем никому?

– Совсем. Вернее, не совсем. Я передал их человеку, который вряд ли до сих пор соизволил взглянуть на них.

– Кто он?

– Я не скажу, нас подслушивают.

Девушка задумалась:

– Я не пойму, зачем им всё это? – она повела головой, показывая окружающее пространство. – Ведь наше изобретение предназначено для всех. Для всего мира.

– Не знаю, возможно, они сами хотят решать, кому давать Солнце, кому нет. А кому давать его в избытке так, чтобы жизнь стала пеклом в аду.

– И всё-таки, как они узнали? Странно всё это. Проколотся мог только ты. Мы со Славкой ни с кем после твоего отъезда не разговаривали. Бабушка не в счёт. Она ничего не знала, да и слушать её никто не стал бы. Где ты прокололся?

Бузмаков даже вспылел. Вспылел настолько, насколько ему позволяло его прискорбное состояние. Он отчеканил:

– Я нигде не «проколотся». Вообще никому ничего ни рассказать, ни показать не успел. Соболевский был в командировке, Гольдберг даже слушать не стал. А Рашева я и в глаза не видел.

– Ты не психуй! Я хочу разобраться.

– К чёрту твои разборки!

– «К чёрту»? Тогда скажи на милость: от кого они узнали о «Прометее»?

– О каком «Прометее»?

– Не прикидывайся, Вит, я говорю о нашем проекте.

– Я не знал, что вы его назвали «Прометеем», – технолог яростно затряс руками, прикованными к поручням кресла. – Правда не знал! А! Ты специально обвиняешь меня, чтобы казаться чистенькой. Я-то точно знаю, что это не я предатель. Я даже не знал, что вы назвали проект «Прометеем». Но в таком случае – информацию слил кто-то из вас двоих. Я слышал, как американцы употребляли этот термин. Теперь слышу от тебя.

– Постой, Вит, я ничего не понимаю. Я не сдавала, ты не предавал. Но в таком случае, кто? Святой дух что ли?

– Ты опять про меня! Не видишь, как меня пытали? На мне живого места нет.

– Современный грим способен задурить любого...

– «Грим»? А это видела? – Бузмаков широко раскрыл рот,

в котором почти не осталось зубов. – А это? – он растопырил, как мог, пальцы, на большей части которых не хватало ногтей. – Я никогда не был тайным садистом-мазохистом.

Мару демонстрация пыток проняла до мозга костей. Она и до этого не верила, что Бузмаков предал её и Ярослава. Но сомнения всё же едким червем ползали в голове. Если не Вит – тогда кто? Словно прочитав её вопрос, несчастный технолог, пошевелил месивом взлохмаченных коростами и болячками губ и наконец выдавил из себя:

– Нас было трое... Всего трое. Методом исключения...

Девушка закусил губу, мотнула головой и, глядя в упор на Вита, прошипела:

– Не смей! Не смей!

Бузмаков вздохнул:

– Я бы никогда даже не подумал. Но не будь дурой! Если не мы с тобой – тогда кто?

– Не знаю, не знаю...

– Нас было трое...

Мара оборвала его:

– Нас осталось только двое: ты и я.

– Не понял... – Вит и на самом деле не понял. Или не хотел понимать.

– Он погиб.

– Шелихов? Как?

И Мара рассказала «как» ...

...Дни шли, но результата, как не было, так и не было. Становилось невыносимо тоскливо – не получалось абсолютно ничего. Дело заткнулось прочно, словно сломанная пробка в бутылке, без всякого намёка на благоприятные перспективы. Вдобавок, в Москву так никого и не прислали: ни на межгалактическом звездолёте, ни на обычном вертолёте. Либо что-то случилось с Бузмаковым, либо к изобретению отнеслись равнодушно. Оба предположения сильно нервировали. Вдобавок практически иссякли продукты. Их оказалось не так уж много, как казалось две недели назад. Уголь и бензин ещё были, поэтому печка и генератор работали вполне исправно.

Над проектом Ярослав и Мара трудились день и ночь, но всё впустую. Получить в условиях малой лаборатории материал с необходимыми характеристиками не получалось. Когда вечером Мара закрывала глаза, Ярослав сидел за столом и всё время думал, писал, делал расчёты. Утром, когда она просыпалась, картина не менялась. Когда он спал? Когда отдыхал? Трудоголики – это особый дар, особый склад человеческого бытия. Высшая лига человечности. Их никто не заставляет. Они сами себе начальники и сами себе исполнители. Ради чего они готовы жертвовать своим здоровьем, жизнью, карьерой? Ради лаврового венка победителя? Ради денег и привилегий? Нет, всё это они делают ради разрешения задач, поставленных самим собой перед самим собой. Ради воплощения в жизнь идеи. Ради того, чтобы всем жилось

лучше. Ярослав был чемпионом среди трудоголиков. Он готов был умереть, но сделать. Поэтому, в конце концов он нашёл причину неудач. Мара была счастлива. Она полюбила большого человека. Великого человека. Самого человечного из людей. Ярослав был счастлив. Мы смогли, мы победили! Два дня они непрерывно повторяли один и тот же опыт. Результат был стопроцентным. Победу отметили поеданием последних запасов еды. Это был бабушкин рис с изюмом. Часть изюма пошло в спиртовой раствор. Еда, сладкий алкогольный напиток и любовь, любовь, любовь. Незабываемое, счастливейшее время. Очень хотелось, чтобы оно не кончалось... Но ситуация заставляла искать выход. Надо было отсюда выбираться. Самостоятельно выбираться. Средство спасения Яр стал изготавливать ещё загодя. Когда технологический процесс функционировал автономно, парень сразу бежал в мастерскую. Потом к нему присоединилась и Мара. Вдвоём они отремонтировали старый бензиновый генератор. Он стал силовой установкой аэросаней. Мара изначально считала затею бесперспективной: слишком маленькая мощность. Но Ярик убедил, что большая мощность нужна только для разгона. Поэтому, если сани сделать лёгкими, их можно разогнать вручную. На основу саней пошёл алюминиевый каркас, найденный на складе. Материала здесь было вдоволь, инструмента и станков тоже хватало. Вместо двух полозьев сделали одно сплошное, чтобы аэросани могли проехать не только по снегу, но и по рельсам метро. Пропеллер изгото-

вили на 3D-принтере с помощью установки прямого лазерного выращивания. Отличное оборудование выдало отличный пропеллер! Получилось очень неплохо. Аэросани испытали в ледяном туннеле за пределами лаборатории. Всё же с грузом и двумя пассажирами мотор тянул с натугой. Шелихов забеспокоился, что при такой нагрузке моторесурсов агрегата не хватит и движок крякнет. В условиях предельно низких температур такой исход гарантирует смерть. Поэтому для разгрузки двигателя к основным аэросаням прикрепили прицеп. Его сделали из найденного на складе автомобильного бокс-багажника. В его пластиковое нутро легко помещалась Мара и все необходимые для путешествия вещи. При этом бокс утеплили изнутри при помощи пены, а в крышку вставили трубку для обеспечения этого «гроба» наружным воздухом.

Из московского подземелья выбирались очень долго. Аэросани легко катились по гладким рельсам метрополитена, но брошенные в туннелях поезда сильно замедляли движение. Приходилось всё перетаскивать вручную в обход каждого, попавшегося на пути состава. Наконец они всё же добрались до станции «Аэропорт Внуково». Именно отсюда осуществлялась эвакуация всех жителей Москвы. Туннель метро здесь выходил из-под земли, а дальше был построен специальный серпантин, ведущий на поверхность ледника. Выбравшись из подземелья, ребята немного отдохнули, попив горячего морковного чая, пополнили баки горючим и

отправились в далёкий трудный путь на юг. Предстояло преодолеть шестьсот км до Россоши. Здесь ледник спускался до матерой земли. Здесь начинались населённые пункты, в которых жизнь пока ещё не потухла. Лёгкие аэросани развивали скорость свыше 30 км в час, поэтому ребята надеялись через сутки добраться до обитаемого пространства. Поначалу они часто останавливались для проверки самочувствия. Пассажира чувствовала себя комфортно. Под малицей у Мары был надет полярный комбинезон с электрическим обогревом. Причём зарядка его аккумулятора осуществлялась непрерывно, так как Ярослав благоразумно пробросил электрический кабель от двигателя аэросаней к прицепу. А вот самому Шелихову было гораздо тяжелее. Хотя локомотив этого «мини поезда» был закрыт стеклянным колпаком, холод всё равно легко проникал внутрь прямо через стекло, а полярный костюм не способен был обогреть руки и лицо. На всякий случай в кабине «локомотива» лежала единственная энергетическая капсула. Она представляла собой большой автоматический шприц, который необходимо воткнуть между рёбер прямо в лёгкое. Капсула была способна поддерживать жизнедеятельность организма в условиях низких температур в течение десяти часов.

Долгое время они ехали совершенно спокойно, останавливаясь только для дозаправки бензином. Мара даже успела выспаться, чего не скажешь о Шелихове. Он совершенно вымотался. Очевидно, свою лепту внесли предыдущие бессон-

ные ночи. Поэтому, увидев на очередной остановке плачевное состояние своего френд-начальника, Кузнецова настояла поменяться с ним местами. После долгих уговоров Ярослав всё же согласился. На улице постепенно теплело. Наружный термометр показывал какие-то ничтожные 26 градусов мороза. Мара уже мысленно вдохновилась ожиданием скорой встречи с людьми, считая, что основные трудности остались позади. Часа два она ехала спокойно: поверхность ледника была практически идеально ровной. Но внезапно произошёл резкий удар. Корпус аэросаней содрогнулся, и Мара почувствовала отрыв полозьев от скользкой поверхности. Было ощущение, что они подпрыгнули на трамплинке. «Странно, откуда он взялся?» – напряглась девушка. Ещё более странные ощущения навалились следом. Аэросани поехали легче и быстрее, а звук двигателя изменился с натужного на более ровный. Очень странно. И только тогда она сообразила, что прицеп отсоединился. Выскочив из кабины, Мара не увидела привычного автомобильного бокса. Его не было! Она бросилась по следам назад. О господи! С разбегу она едва не провалилась в достаточно широкую расщелину! Откуда она взялась? Почему я её не видела? Очевидно, расщелину прикрывал снежный козырёк, надутый пургой. Аэросани на скорости проскочили, а прицеп уже не смог. Господи! Ярослав! Ты где?! Больше часа девушка металась вдоль пропасти. Кричала, рыдала, взывала о помощи. В ответ тишина. Тихая ледяная тишина. Она ломала

трубки химических свечей и бросала их в пропасть. Где-то далеко на большой глубине упавшие на дно люминесцентные палочки высвечивали очертание разбившегося автомобильного багажника. Там, на дне холодного ледника, никто не отзывался, не двигался и не подавал признаков жизни. Господи, господи! Ты не можешь так поступить! Это неправильно, несправедливо... Только не он! Только не он! Я люблю его! Я люблю его! Я люблю его больше жизни! Разве моя любовь ничего не стоит? Боженька, забери мою жизнь, забери! Только не дай ему умереть. Ему нельзя умирать. Он святой. Он не заслужил такую смерть. Никакую не заслужил! По заслугам перед тобой он должен жить вечно. Девушка очень жалела, что спасательную верёвку положили в прицеп. Глупо! Она нужна здесь и только здесь! Если бы у неё была верёвка, Мара без раздумий спустилась бы вниз. Вдруг он ещё жив? Но верёвки не было, а сброшенные вниз свечи через какое-то время потухли. Дно ущелья погрузилось в холодную беспросветную темноту. Прошёл час в метаниях. Затем час в ожиданиях. Затем час надежд. Пустых надежд. Ещё через час Мара замёрзла и охрипла окончательно. Она решительно не хотела покидать это место, надеясь на чудо. Но чуда не произошло. В конце концов она сама стала медленно превращаться в сосульку. Ещё в самом начале она уронила свою малицу в пропасть. Туда же свалилась её меховая шапка. Они ей мешали ползать по краю обрыва и высматривать своего единственного ненаглядного, без которого жизнь – не

жизнь. Теперь, настрадавшись, она незаметно стала погружаться в какую-то странную равнодушную дрёму, в которой ей было уныло, но уютно. И только образ Шелихова, неожиданно возникшего перед её закрытыми глазами, вернул девушку к жизни. Ярослав внятно прошептал прямо в душу: «Мара вставай. Если и ты погибнешь, то всё, ради чего мы жили, работали и рисковали, превратится в пепел. Я тебе этого никогда не прощу. Ты должна! Ты сможешь!» Всё ещё всхлипывая замёрзшим носом, девушка встала и с невероятным трудом добралась до аэросаней. Двигатель, слава богу, не заглох. Прощай Славка! Прощай! Я всё сделаю! Я постараюсь!

Агрегат, рыча, сдвинулся с места и вскоре покинул это проклятое место. Но, как говорят, пришла беда – открывай ворота. Злая судьба уже основательно прицепилась к оставшейся в одиночестве Маре. Через час выяснилось – кончился бензин. Беда-а-а. Все оставшиеся запасы горючего находились в прицепе. Напоить железного коня теперь было нечем. Пришлось идти пешком. Пешком по глубокому снегу. Вытаскиваешь одну ногу – вторая проваливается, вытаскиваешь вторую – проваливается первая. Главное успевать ступать свободной ногой вперёд. Раз – два, раз – два. Тысячи шагов, десятки тысяч. Сколько она шла – Мара не знает. Может час, может день, может – вечность. В какой-то момент в глазах забегали весёлые светлячки, ноги стали пьяными, голова пустой. И всё... Больше она ничего не помнит...

... Закончив рассказ, Мара повернула лицо в сторону Вита и тяжело вздохнула:

– Одно меня мучает день и ночь. Перед тем, как Ярик перебрался в прицеп, я дала ему снотворное. Он его никогда не употреблял. Вообще на дух не переносил разные лекарства. Поэтому я незаметно бросила таблетку в чай. Я думала – пусть выспится, а то будет за меня беспокоиться и не отдохнёт. Теперь мучаюсь дилеммой: хорошо или плохо сделала? Если бы не дала – может, он смог бы откликнуться. А если он всё равно погиб – то уж лучше во сне, не осознавая весь этот ужас приходящей смерти.

Вит, не глядя в её сторону, пробормотал:

– Я не могу дать тебе правильный ответ. Сам бы я с удовольствием сдох во сне. Особенно сейчас.

Он закашлялся и очень долго не мог успокоить дыхание, сипя отбитыми лёгкими.

Мара закусил губу и с ужасом смотрела на страдания Бузмакова. Когда он успокоился, она, то ли спросила, то ли высказалась на животрепещущую тему:

– Вот зачем им это надо? Из-за чего они нас пытаются? Ради нашего «Прометей» они готовы убить любого. Из-за чего? Из-за того, чтобы зваться спасителями мира? «Прометей» бессмысленно применять только к Америке. Это глобальная система спасения мира.

– Признание, звание спасителей и пионеров – это ерунда.

Власть, вот что им даст «Прометей». Власть над всей планетой. Над всеми странами, нациями и людьми. Вы против Америки? А мы вас вырубим на время из системы обогрева земного шарика. Это сделать просто. С помощью «Прометея» можно управлять миром. Это деньги, господство над всеми и во всём. Мечта, просто песня какая-то.

Бузмаков помолчал, а потом, потянувшись в сторону девушки, спросил шёпотом:

– Ты говорила, что в варианте, который повёз я, закралась серьёзная ошибка. Получается, вы везли с собой исправленный вариант? Они отобрали его у тебя? – кивнул он куда-то в сторону входной двери.

– Нет, его у меня не было, – также шёпотом ответила девушка. – Он был в прицепе, вместе с Ярославом.

Дверь подвала тут же с шумом растворилась, и в комнату буквально ворвались четыре человека. Один из них, одетый в классический дорогой костюм, ткнул пальцем в Бузмакова и скомандовал по-английски:

– Так, этого инвалида в камеру. Он нам уже не нужен.

Два исполнителя ловко отцепили Вита от кресла и буквально выволокли из комнаты. У стены рядом с дверью стоял целый ряд стульев. Четвёртый из пришедших уселся на один из них и закинул ногу на ногу. Он стал откровенно рассматривать девушку, словно она была скульптурой в каком-нибудь знаменитом музее. Тот, что отдал распоряжение по Бузмакову, разместился прямо перед креслом Кузнецовой. Он

ловко развернул стул «наоборот» и уселся на него, словно на коня. Положив скрещённые руки на спинку стула, дознаватель произнёс по-русски, но с чуть заметным «мягким» акцентом:

– А с девушкой мы поболтаем.

Лицо спецагента было так близко от Мары, что она чувствовала его дыхание. Он долго смотрел на Кузнецову и молчал. Постепенно на его лице расплылась улыбка, сразу непонравившаяся девушке. Она не была открытой, не была доброй. Скорее, даже не улыбка, а слегка напрягший губы циничный оскал. Наконец он заговорил:

– Перед тобой в настоящий момент стоит выбор. Есть два реальных предложения. Первый: ты даёшь согласие на сотрудничество с нами, и с тобой всё будет распрекрасно. Второй: я зову группу креативных визажистов, которые ответственно поработают над твоим личиком и ноготками. Так поработают, что тебе даже твой дружок позавидует. Извини, ничего личного, это всё проклятая политика, так её. Но не сомневайся, я выполню свои обещания. Или угрозы, как тебе угодно. Я их воплещу в действительность. Воплещу, если ты будешь молчать, врать или кормить меня обещаниями. А если согласишься на первый вариант, то не просто останешься красавицей, но ещё и сможешь заработать кучу бабла в Америке. Но для этого надо с нами сотрудничать во всём. Молчишь? Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Сидевший на стуле у стены встал и медленно подошёл к

своему напарнику. У него было приятное располагающее лицо и крепкая мужская фигура. Он был одет более демократично: джинсы и тёплый серый свитер. Высокий рост, атлетизм, аккуратная причёска – звезда Голливуда, да и только. «Звезда» заговорил, и Мара при этом не услышала акцента. Его не было.

– Вы зря переходили на шёпот – у нас отличные микрофоны. Итак, ты говоришь, что все материалы были у Шелихова, а он провалился в расщелину. Ну-ну. Хорошо, что ты это сказала. Нам известны координаты, где тебя подобрал вертолёт. А это значит, завтра мы найдём и расщелину. Для тебя возможен дополнительный бонус. Если ты согласишься сотрудничать прямо сейчас, то мы достанем твоего бойфренда и поможем тебе его достойно похоронить.

Мара опустила глаза, упершись взглядом в коленки. Она не хотела, чтобы чужие люди видели эмоции на её лице.

Человек в свитере кивнул:

– Это было хорошее предложение. В дальнейшем бонусов не будет. Когда спохватишься, будет поздно. Подумай над нашим предложением. Пока у тебя есть время. Мы даём тебе время подумать.

Глава сорок третья

16апреля

Нанкин, Китай

Словно китайские фонарики

Председатель Си всегда возвышался над всеми присутствующими. Он был невысокого роста даже по китайским меркам. Наиболее приближённые знали, что для председателя всегда изготавливают особые кресла, делающие его самой внушительной фигурой за столом переговоров. На этот раз в его кабинете проводилось внеплановое совещание с ближайшими советниками. За столом сидели министр обороны и премьер Госсовета. Запаздывал только министр МГБ Ван Дунсин. Это заседание срочно созвали по просьбе последнего. Оно проводилось непривычно поздно даже для тех, кто привык совещаться каждый день и по любому поводу. Старинные часы на стене показывали одиннадцать вечера.

В ожидании появления Ван Дунсина обсуждали Соединённые Штаты. Си Цилян анализировал нынешнюю ситуацию:

– Мы и дальше будем поддерживать мексиканцев в их справедливой борьбе с американским империализмом. Со-

вершено правильно, что они не согласились с их диктатом. Это просто наглость со стороны дядюшки Сэма. Ни с чем несравнимая наглость. В Никарагуа уже прибыли наши первые транспорты с оружием. Воздушный мост налажен. Оттуда оно будет поступать мексиканцам. Мексика – это не классическая банановая республика. Там проживает более двухсот миллионов человек. Для янки предстоящая война не станет лёгкой прогулкой.

Чэн Хун вздохнула:

– И всё же силы неравны. Америка по-прежнему сильнее всех.

– Нет, дорогая, не сильнее. Просто они в это продолжают верить, и распространяют свою веру на все остальные страны. Их пропаганда сильнее – это да. Но, на мой взгляд, мы живём не только в эпоху небывалой глобальной катастрофы – мы присутствуем на похоронах последней классической империи. Да-да, я с детства сравнивал США с Древним Римом. Они очень похожи, эти две лоскутные, многонациональные империи. Рим был самой могучей империей древности. Их политика была очень агрессивной. Они подмяли под себя всех, кто мог им хоть в чём-то противостоять. Они всюду навязывали свои порядки, свой язык и свою культуру. Остальные были счастливы гордо называться союзниками Рима. Всё, как сейчас. Куда ни посмотри, везде сателлиты Америки. США навязывает свою культуру, свой язык и свой менталитет посредством Голливуда, интернета и дол-

лара. Но тогда, в начале нашей эры, всё рухнуло в одночасье. Стоило дать слабину, как все прославлявшие Рим царьки, дававшие клятвы верности, бросились грабить империю. Для марионеток не существует понятия «верность». Всё, как всегда. Когда ты сильный – союзников хоть отбавляй. Когда слабый – кругом враги. С Соединёнными Штатами всё будет точно так же.

– Но их военная мощь по-прежнему на высоте, – не унималась премьер Госсвета.

– И здесь не соглашусь. Янки всегда использовали дипломатию канонерок. Если что, они подводили к берегам строптивцев свой флот, главной силой которых были авианосцы. Но эпоха авианосцев подошла к концу. Они уже давно изжили себя и оставались все последние годы лишь символом мощи. Теперь же, ситуация выглядит предельно смешно. Ни один авианосец уже не способен войти ни в Персидский залив, ни в Средиземное или в любое море, омывающее Китай, – председатель Си усмехнулся и констатировал: – Янки сели на мель. Наши войска стоят на шельфе у границ Тайваня, а его «верные» союзники толкуются в 100 км к востоку, являясь прекрасной мишенью для наших ракет. Высохшее дно отступившего моря для китайского пехотинца не является препятствием. Получив приказ, он легко преодолет любые природные преграды. Для американского же рейнджера отсутствие шоссейных дорог, по которым можно с ветерком прокатиться на бронев автомобиле – катастрофа.

В это время в кабинет предельно энергично и быстро вошёл Ван Дунсин:

– Прошу извинить. Новые обстоятельства по делу, ставшему причиной столь позднего мероприятия, заставили меня задержаться, – без соблюдения условностей он занял привычное место рядом с министром обороны и сразу приступил к докладу: – На нас с интересным предложением вышел один русский учёный. Он хочет продать за очень большие деньги и будущие преференции изобретение, которое, как он утверждает, является спасением для всего человечества...

– «Человечества»? – перебил его Си Цилян. – Почему же он обращается только к нам?

Ван Дунсин не смутился:

– Нет, к сожалению, не только к нам. Он сразу оговорился, что уже предлагал своё изобретение англичанам, евреям и американцам.

– Ну, это глупо, – на этот раз докладчика перебила Чэн Хун. – Просто смешно. Это явный развод.

– Почему «развод»? Я проверял...

Но министру госбезопасности вновь не дали высказаться. Председатель Си откинулся в кресле и изрёк:

– Я согласен с Чэн. Если это изобретение – спасительная рука создателя, то почему тогда медлят наши недруги? Ещё скажи, что израильтяне и американцы недалёкие люди. Не они ли сами придумали эту явную провокацию? Тебе так не кажется?

Министр Ван замахал руками и замотал головой:

– Погодите, погодите, позвольте высказаться. Слушаете? Так вот, моя первая реакция была подобной вашей. Я не поверил, но всё же решил разобраться в этом деле до конца. Пока вы сидели здесь в ожидании, мы получали оперативную информацию по этому вопросу и анализировали всё, что имеем. Для объективности нам даже пришлось использовать глубоко законспирированного крота. Он много лет не имел с нами никаких контактов. Этот агент работает на высокой должности в аппарате ЦРУ. К сожалению, даже он не знает деталей. Но в общих чертах обрисовал ситуацию и дал гарантии, что это не провокация. Американцы сейчас на ушах стоят. Проект этот, кстати, называется «Прометей». Это я о русской разработке. Он позволит вернуть климат Земли к доледниковому уровню. Льдов не будет, и человечество станет жить, как прежде. Но вернёмся к доказательствам реальности этого самого «Прометея». Так вот, вчера спецгруппа командос по личному распоряжению президента Америки высаживалась в Москве. И там они искали материалы по «Прометею». Агент сообщил, что они должны были вместе с материалами забрать ещё и группу учёных, работающих над ним. Но что-то пошло не так. В это же время туда прибыл отряд ФСБ. Только по случайности не произошло крупного военного конфликта. Американцы потеряли пару дронов и ретировались. Наш агент гарантирует, что «Прометей» пока не достался никому: ни русским, ни американцам,

ни кому-либо другому. В ЦРУ, по крайней мере, ввели высший уровень оперативной работы: это значит, что сотрудников основных офисов не отпускают домой. А все агенты внешней разведки заняты поисками материалов по «Прометею» не только в России, но и по всему миру. С израильтянами сложнее. У нас там нет такой обширной агентуры, как в США. Но, тем не менее, источники сообщают, что израильская разведка в последнее время весьма активизировалась. И их внимание тоже приковано к России. Есть ещё великое множество косвенных сообщений, подтверждающих существование «Прометея».

– Ну, допустим, что так, – вновь высказала недоверие «премьерша». – Но почему тогда никто не заберёт этого учёного? Почему мы его, в конце концов, не заберём? Раз он скачет и обращается ко всем великим нациям мира, следовательно, он на свободе. Так?

– Так.

– Кстати, что он хочет за своё предательство?

Эмгэбэшник усмехнулся:

– 100 млрд долларов и собственный остров с обслугой.

Ли Сяопин засмеялся во весь голос:

– Провокация, чистой воды провокация. Остров! Ха! Давайте ему Тайвань подарим.

Шутку никто не оценил.

Председатель Си поднял руку, привлекая внимание:

– Это очень глупый человек вышел на тебя, дорогой Ван.

Сейчас островов у Китая нет, так как все шельфовые моря высохли. И потом их не будет, так как все гипотетические острова, которые мы ему можем выделить, будут затоплены океанскими водами. Затопит сразу после того, как его изобретение растопит ледники. Что ты на это скажешь, дорогой товарищ Ван?

– Возможно, что это так, и информатор не является кладзем ума и благоразумия. Тем не менее, я склонен поверить в тот факт, что русские изобрели нечто великое и стратегически важное.

– Стой, стой, стой! – вновь перебила докладчика Чэн. – Почему в таком случае сами русские не суетятся? Почему они сталкиваются с американцами в замёрзшей Москве? Это же их учёные! Почему они не вывезли лабораторию и не приняли усилий по глубокой конспирации своей государственной тайны? Что мы видим? Их учёный ходит, условно говоря, по миру и кланчит денег. Это разве не нонсенс? Что-то здесь не так!

– Ай! – раздосадованный тем, что ему не дают спокойно всё изложить до конца, Ван Дунсин начал терять терпение. – Надо знать русских. Это одна из невероятно разгильдяйских наций. Они талантливы и когда надо готовы сосредоточиться на решении задач. Но если их не ткнуть носом, они в упор не видят миску с молоком. Это всё слова. А факты излагаются просто. Первый факт: лаборатория не имела стратегического значения, она занималась разработкой уплотнителей,

которые смогли бы хорошо работать в условиях низких температур. Это не относится к стратегически важным и приоритетным для государства вопросам. Открытие произошло случайно, буквально вчера. Ещё и месяца не прошло. Часть материалов они вывезли в Сочи, чтобы представить руководителям науки и государства. А основная часть этого проекта вместе с ведущими учёными осталась в Москве. Русские, очевидно, стали прозревать и узнали, что они лопухи. Поэтому, хотя и с большим опозданием, но всё же послали отряд, чтобы вывезти лабораторию. Но опоздали – до них там успели побывать американцы, – Ван Дунсин спокойным взглядом прошёлся по лицам присутствующих и более энергично продолжил: – Но и американцы опоздали! Вот в чём дело. Те, кто оставался в лаборатории, каким-то невероятным образом выжили и эвакуировались из Москвы за несколько часов до прибытия командос. Агенту, предложившему нам свои услуги, надоели постоянные неудачи янки. Поэтому он обратился к нам.

– Так поздно уже, наверное, – напомнил о себе Си Ляопин. – Раз учёные самостоятельно добрались до Сочи, то русские их уже спрятали и теперь потирают руки.

– Нет! – Ван снова сделал паузу и обвёл всех присутствующих интригующим взглядом. – Они не добрались до Сочи. Их транспортное средство со всеми материалами провалилось в ледяную расщелину. Там они и ждут нас. Русский предатель сообщил точные координаты. Я дал команду на-

вести по этим координатам спутник. С минуты, на минуту мне должны сообщить результат.

Словно по взмаху волшебной палочки, тут же раздался звонок. Министр МГБ не стал играть в тайны и раскрыл голографическое изображение звонившего. Это был один из ближайших помощников Ван Дунсина. Он бодро доложил:

– Товарищ министр госбезопасности, снимки показали, что в указанной вами точке есть разлом в теле ледника и отчетливо видны следы снегохода неустановленной конструкции. Мы просканировали и сам разлом. На глубине обнаружены какие-то вещи и, возможно, тело человека. Определить очень трудно, но в этом месте дно ущелья отличается от соседних участков в любом спектре исследований. Можно сделать вывод, что в указанной вами точке произошла авария, связанная с провалом в разлом ледника.

– Что я вам говорил? – Ван был доволен, что не зря побеспокоил руководство страны. – Надо решать, что делать.

– Прежде чем решать, надо знать, что мы хотим получить в результате, – как всегда мудро заметила премьер Госсовета. – Ты предлагаешь сунуть руку в мешок и на ощупь определить, что там в мешке. Это глупо. Есть у тебя хоть что-то об этом «Прометее»?

– Да, – кивнул председатель Си, – хотелось бы знать, ради чего мы готовы рисковать.

И тогда Ван поведал присутствующим всё, что знал о русском изобретении от перебежчика и из своих источников.

После его презентации Си Цилян поднялся с кресла и подошёл к окну. Там в вечернем свете электрических фонарей весело кружились хлопья снега. Председатель мрачным голосом промолвил:

– Вот теперь стало понятно, из-за чего весь этот сыр-бор. Что ты предлагаешь?

– Надо срочно отправить в эту расщелину отряд специального назначения из подразделения «Сибирский тигр».

– Почему именно их?

– После эвакуации из Синьцзяна, где «тигры» до этого базировались, часть спецотряда мы перебросили на Мангышлак. Да-да, на строительстве всех этих атомных электростанций, заказанных правительством Казахстана, законспирировано наше крупное элитное подразделение спецназа. Оно готово в любой момент приступить к решению поставленных задач.

Председатель Си что-то негромко сказал, и тут же с правой стороны от его головы засветилось прозрачное изображение карты России и Казахстана. Си Цилян обратился к Дунсину:

– Покажи, что ты предлагаешь.

Когда министр МГБ изложил свой план, председатель КНР подвёл черту:

– Приступить немедленно. Кто завладеет «Прометеем», тот будет диктовать свои условия всему миру. Тысячи зеркал «Прометея», словно китайские фонарики, должны уже в

ближайшее время засиять на небе. А управлять ими будем мы.

Глава сорок четвёртая

17 апреля

Ростов

Вражеская заноза в системной заднице

Давно я здесь? Какая разница – хватит, навалялся. Голова цела, хоть и болит. Хотя чему там болеть? Кость. Доктор говорит обратное – сотрясение мозга. Ничего, таблетками заглушу. Перелом руки – ерунда, срастётся. По крайней мере, ходить не мешает. А стрелять я могу и левой, равно, как и правой. А вот сломанные ребра вымучают по полной. Хорошо ещё, что не растерял привычку надевать бронежилет. Пули легли кучно в область сердца. Здесь и расположены два этих треснувших ребра. На улице утро, вечер, день? И вообще, какое сегодня число? Часы на стене показывали «17 апреля. 7 часов 40 минут». Семь сорок. Ого! Напичкали всякой фигнёй так, что без памяти провалялся в реанимации двое суток. Ну, не двое, но всё равно много. Две ночи! Очуметь! Дел невпроворот, а я на койке. И так опаздываем. Постоянно утыкаемся в задницу американских друзей. И вот

опять фору им подарили. Целые сутки! Генерал содрал с себя кислородную маску, вытащил иглу капельницы и отлепил все присоски аппаратуры медицинского контроля. К чёрту! Тут же на сигнал прибежала санитарка. Но Калачов уже стоял рядом с кроватью, недоумённо оглядывая свой дурацкий наряд пациента реанимации, который больше открывал его тело, чем закрывал.

– Вы что? – заорала медсестра. – Ну-ка ложитесь!

– Молчать! – рявкнул в ответ Калачов, но тут же схватился за голову. Присел на кровать и миролюбиво добавил: – Позови доктора.

Доктор долго упирался, не желая выпускать генерала из реанимации. Но, в конце концов, согласился перевести его в обычную палату.

Ближе к обеду, дверь этой палаты приоткрылась и в проёме нарисовалась фигура Нутрецова:

– Геннадий Васильевич, это я...

Генерал осторожно поднялся с кровати, аккуратно расправил затёкшие от медицинского панциря плечи и вздохнул:

– Некстати всё это. Где Шустницкий?

– Погиб, – короткое слово, не требующее расшифровки. – Кроме него: доктор, водитель и случайный свидетель.

– А девушка?

– Её похитили.

Генерал с досадой поводил подбородком:

– Плохо. Координаты, где вы её подобрали, выяснил?

Володя не удержался от восхищения – дьявол, всё помнит! Помнит и спрашивает все задания, которые давал до попадания в реанимацию. Он утвердительно кивнул в ответ:

– Выяснил. Могу слетать.

– Можешь, можешь... Перекинь их мне, – он протянул руку с голофоном. Когда подчинённый скинул координаты, генерал продолжил: – А теперь расскажи ещё раз подробно, при каких обстоятельствах ты подобрал девушку.

– Я же докладывал. Вертушка забарахлила, кэп сказал, что до Сочи не дотянем – надо в Ростов. Свернули с маршрута. Сначала брошенные аэросани попались. Я не видел, пилот рассказал. Рядом с ними никого. Ещё чуток пролетели и сразу на неё наткнулись.

– Что при ней было?

– Вообще ничего.

– А в санях?

– Мы не спускались.

– Ладно. А теперь скажи мне, родной, она что-нибудь говорила, до того, как ты её докторам сдал?

Володя помотал головой:

– Нет, она не приходила в сознание. Удивительно, как она вообще не замёрзла без верхней одежды?

Генерал задумался: «Да, вопросов много. Но главные из них: где Шелихов и как они узнали, что мы перевозим девушку в аэропорт».

– Кому ты ещё, кроме меня сообщал о найденной девушке?

– Никому.

– Это точно?

– Точно.

– А Проскуруину?

– Ему доложил.

– А говоришь «никому».

– Он сам мне позвонил...

– Понятно, разберёмся.

В коридоре раздался топот ног и в палату буквально ворвался Влад Ахтаров:

– Командор! Жив! Слава богу!

Он не успокоился, пока не ощупал начальника с ног до головы. Точно, жив! Калачов лишь морщился, но молчал на протяжении всей этой странной процедуры. Наконец, не выдержал:

– Да успокойся ты, а то добьёшь меня своей дурацкой пальпацией, – и тут же обратился к Нутрецову: – Володя, сходи в соседнюю палату, попроси у кого-нибудь голофон.

– Зачем? – Нутрецов расстегнул куртку и показал висящий на шее аппарат.

– Затем, что я хочу, чтобы мой звонок не прослушали.

Когда Нутрецов удалился, генерал сел на кровать и похлопал по матрасу, приглашая Ахтарова сделать то же самое. Сразу после этого он зашептал:

– Сейчас я еду с тобой и Володей в аэропорт. Я с ним полечу в Сочи. А ты бери вертолёт и дуй вот по этим координатам, – он показал информацию, сброшенную Нутрецовым. – Но учти, об этом никто не должен знать.

Влад кивнул:

– Хорошо. Что мне там искать?

– Кузнецова ехала в аэросанях с Шелиховым. Это координаты, где вертолёт подобрал её. Осмотришь это место. Затем попробуй найти аэросани. Судя по всему, они совсем рядом к северу от этой точки, – командор постучал ногтем по выведенным на экран координатам. – Осмотри вокруг саней всё тщательным образом и дуй дальше на север. Возможно, снег до сих пор не припорошил следы. А если припорошил, проложи примерный маршрут их движения. У тебя есть три исходные точки: Москва, аэросани, девушка. Вот и лети по этому маршруту от саней на север. Где-то там, явно не далеко, в расселину провалился прицеп с Шелиховым и уточнённым проектом «Прометей». Собирай всё, что попадётся под руку. Абсолютно всё. Понял?

– Ясно.

– Потом будем разбираться, что имеет отношение к проекту, а что нет.

– А к чему такая секретность?

– К тому, Владушка, что где-то в нашей системной заднице сидит вражеская заноза. И мне по ощущениям кажется – она не одна.

В это время в палату быстрым шагом вошёл Нутрецов:

– Вот! – он протянул позаимствованный у соседей аппарат.

Генерал кивнул и аккуратно взял аппарат в свои руки:

– Мне нужно сделать приватный звонок. Идите пока, принесите мою одежду. И закажите борт. Мы летим в Сочи.

Он позвонил Целовальникову. Мог, конечно, позвонить и со своего, но конспиративная хитрость ещё никому не мешала. Особенно тогда, когда ты видишь, что враг тебя постоянно опережает на шаг. Даже на три шага. Кацэ получил задание собрать всю информацию о нападении на скорую помощь:

– Время известно. Попробуй вычислить транспорт, в котором увезли девушку.

В аэропорту, командор неожиданно для Нутрецова приказал Ахтарову:

– А ты, Влад, задержись на денёк. Пошустри здесь. Может, найдёшь кончик клубка. Привлеки местных коллег, полицию, автоинспекцию. Возьми записи всех частных камер, в том числе регистраторов транспорта, проезжавшего приблизительно в это время по дороге. Понял меня? – генерал сделал ударение на «понял».

Глава сорок пятая

15 апреля
Сочи. ОУСО ФСБ
Я гений!!

Целовальников изучил материалы ростовских систем видеонаблюдения.

М-да, тот же танец, только в валенках! Все камеры отключились и включились, как по команде. Ростовские коллеги, как я и ожидал, нашли автомобиль, в котором увезли девушку. Опять угон без каких-либо улик. Беспросветный тупик. Бу-бу-бу-бу, что же делать? Надо отвлечься от суеты, запереться здесь на сутки и хорошенько всё обдумать. Решено! Стоп! Там был автобус. Идея... А что, если в автобусе камеры не вырубались. Может быть, он в момент отключения систем наблюдения был за пределами пятикилометровой зоны устроенного ими блэкаута.

Найти запись не составило особого труда. Номер автобуса и предприятие, к которому он принадлежал, были зафиксированы в протоколе. Каждый автобус по закону должен быть оборудован несколькими камерами, картинка с которых автоматически передаётся на сервер автотранспортного пред-

приятия. Там и нашлись записи. Нападение, вернее последняя его фаза, были сняты с достаточно большого расстояния. Но высокочувствительные камеры, плюс программы улучшения качества картинки сделали своё дело. Лицо отставшего преступника, который стрелял в шефа, было столь же отчётливым, словно фотография в паспорте. Ба, знакомые все лица! Да это же советник нашего уважаемого атташе по культуре. Ладно, одного гада мы теперь знаем в лицо.

Кацэ тут же сделал рассылку фотографии всей группе Калачова с припиской: «Иден Мортенсен. Этот гад стрелял в нашего командора и, вероятно, в Артёма».

И всё-таки я гений. Никто не догадался взять запись с автобуса – а я догадался!

Глава сорок шестая

17 апреля

Восточно-Европейский ледник «Америка сдавася!»

Кевин Уоррен попал в армию не так, как большинство его сослуживцев. Он не заявился на приёмный пункт с намерением доказать равенство полов, утвердить секс-меньшинство в качестве большинства, удовлетворить свои садистские наклонности, либо воплотить любимую компьютерную игру в реальность. В армии он оказался не по своей воле, не по своему осмысленному выбору и не из-за денег. Не для того, чтобы испытать драйв. И не потому, что обожал строго размеренную казарменную жизнь. Его путь в армию пролегал далеко от натопанной другими рекрутами дорожки. Если честно, у Уоррена просто не было выбора. Военным он стал уже в тот момент, когда чемпион среди живчиков первым добрался туда, куда надо, и победно вскинул руки (если, конечно, они у него были) – yes! Я её оплодотворил! Кевину было предназначено стать военным уже в момент зачатия. Ведь он родился в армии. Все вокруг него служили: отец, дяди, дедушки и даже тётя. С картин, заполнивших стены

его дома, на Уоррена взирали суровые предки, одетые в военную форму. Любые разговоры, которые он слышал с пелёнок, были только о службе. Всё, чем он занимался в детстве – игры, учёба, спорт – имело прицел на армию. Куда уж тут деваться? Деваться некуда. Кевин был уверен, что военная служба – это его мечта, его предназначение, его бытие.

Уоррену едва исполнилось двадцать пять, но он уже был опытным бойцом, неоднократно участвовавшим в рейдах во многие горячие точки. Теперь его назначили командиром элитной группы, и Кевин старался проявить себя на новом поприще как можно лучше. Эта акция была второй в роли командира. Первая прошла всего лишь два дня назад – рейд в Москву. Когда группа готовилась к первой акции, с ней провели сжатую психологическую подготовку. Сначала с рейнджерами поработал психолог, затем им показали старый фильм про победу американской армии во Второй мировой войне и в заключение полковник объяснил, что собой представляет современная Россия. Тезисы были примерно такими: «Россия – пустой звук, хотя по привычке звучит громко», «экономика развалена», «армии нет», «оружие допотопное», «народ доведён до отчаяния», «каждый готов помочь американским спецназовцам, в надежде, что те дадут колу или жевательную резинку». В первом рейде встретиться с «русским медведем» не получилось, поэтому не удалось проверить верность полковничьих посылов. Хотя «допотопное» оружие всё же смогло уничтожить два дорогих

ударных дрона. В этот раз Уоррен надеялся, что и первое не произойдёт и второе не повторится. Единственное опасение вызывала точка высадки. Она была гораздо ближе к зоне проживания русских, чем замёрзшая, заброшенная Москва. Москва... Кевин тогда сделал фото, где он стоит во всём облачении командира элитного подразделения, а за его спиной маячит шпиль этого знаменитого московского небоскрёба, названного в честь алмаза. Да, хороший снимок. Снимок на память. На долгую память. Когда-нибудь я буду показывать его внукам.

Вылетели, как и в первый раз, в три часа ночи по средневропейскому времени. Два вертолёта с десантом и два дрона охраны. До точки назначения добрались в девять. Спутник точно назвал координаты расщелины. Нужно место долго искать не пришлось. Спущенный в ущелье дрон-разведчик зафиксировал зимнюю одежду, осколки пластмассового ящика и какие-то вещи, припорошенные снегом и инеем. Значит, всё правильно. Мы не ошиблись. Вскоре ребята ловко и слажено установили полиспасты и сбросили концы альпинистских верёвок в пропасть. Три рейнджера, свистя капроновыми шнурами, стали быстро спускаться вниз.

В этот момент и произошло то, что невозможно было предвидеть. Уоррен отослал дроны барражировать чуть южнее, чтобы заранее противостоять возможному появлению русских. Но пилот командирского вертолёта доложил о

появлении на радарах многочисленных объектов, приближающихся с востока. Буквально следом он дополнил сообщение: это не русские – это китайцы. Пять боевых вертолётов «Тяньлун-5» и шесть ударных беспилотников «Винглун-7». Они представляли большую опасность. Надо было действовать немедленно – либо уходить, либо обороняться. Первое Кевин отверг – это провал задания, да к тому же трое парней уже не успеют выбраться из ущелья. Значит второе – будем обороняться. По его приказу вертолёты взмыли вверх и разлетелись в разные стороны. Рейнджеры заняли круговую оборону с центром в месте спуска. Операторы беспилотников получили задание завести дроны китайцам в хвост и сразу атаковать. Дальнейшие события развивались со скоростью бешеного калейдоскопа. Не успели ребята на дне разлома погрузить в корзину полиспаста всё, что обнаружили, как первые пулёмётные очереди подняли в воздух завесы снежной пыли. Тут же над головами рейнджеров промчались вертолёты противника. Слава богу, что они стреляли, а не бомбили. Но Уоррен сразу предположил, что китайцы появились здесь неспроста. У них идентичное задание. И это значит, что они не будут использовать тяжёлое вооружение. А иначе ледяной разлом обрушится и погребёт под собой всё содержимое. Не для стрельбы же по американцам они в такую даль прискакали?

– Кевин, китайцы высаживают десант! – прокричал заместитель Уоррена.

Пилоты тут же получили команду атаковать. Благодаря слаженным действиям вертолетов и дронов сразу было сбито три беспилотника и подбит вертолет, высаживающий десант. Американцы потеряли только один вертолет, но вместе с ним потеряли и элемент неожиданности. Китайцы в огромном количестве рассыпались по поверхности ледника и начали непрерывную пальбу. Не то, что отстреливаться, голову нельзя было поднять.

Кевин запросил спустившихся в ущелье:

– «Альпинист», я «Полярная сова» – как дела?

– Загрузили всё, что здесь валялось. Можно поднимать.

– Поднимать не получится. Ситуация осложнилась. Со-мневаюсь, что мы выдержим даже первую атаку. Доложи, можно ли уйти по дну ущелья?

– Окей!

Китайцы настырно лезли со всех сторон, но по-прежнему пускали в ход только стрелковое оружие. Рейнджерам на этот счёт было легче, можно было применять гранатомёты и гранаты.

– «Полярная сова»! Разлом длинный, хотя местами узковат, но уйти можно, – пробился сквозь шум боя голос в наушниках.

– Понял, сейчас спустимся.

Ага, «спустимся» – легко сказать. Сначала надо атаку отбить. Бой завязался нешуточный. Было ощущение, что китайцы всюду, они настойчиво наседали со всех сторон,

невзирая на смерть. Рейнджеры тоже понесли потери: два «безвозвратных», один тяжелораненый. Ранение Зеты особо расстроило Кевина. Не потому, что он выделял женщину среди мужчин, а потому, что её необходимо было теперь нести. А это означало, что быстро уйти по дну ущелья не получится. Китайцы, потеряв с десятков бойцов, немного успокоились и сменили тактику, выпустив в авангард снайперов. Стало совсем прискорбно. Не то, что голову поднять, пошевелиться невозможно.

В небе тоже стало жарко. Вертолёты и дроны гонялись друг за другом во всех плоскостях, взмывая вверх и на предельной скорости ныряя вниз. Несколько источников дыма на поверхности ледника говорили о больших потерях. Вот только чьих? Каждый из наблюдателей надеялся, что это горят останки аппаратов противника. «Наши точно побеждают!» – обрадовался Кевин, обратив внимание на «Команчи», который мастерски пристроился в хвост и раздолбал «Небесного дракона» из автоматической пушки. Пропеллеры и подвески «китайца» мелкой щепой разлетелись во все стороны, а кабина рухнула чуть в стороне, накатывая огненным клубком на залёгших бойцов Народной армии. Они словно зайцы в пожар резво запрыгали в разные стороны. Уоррен не стал стрелять в них. Всех не перестреляешь. Вдобавок дальнейшее развитие небесного боя заставило его позабыть обо всём. В глазах намертво запечатлелась картинка: победитель последней схватки задрал нос вверх и пытается подняться на

верхний эшелон; три ракеты, выпущенные с разных сторон, стремительно сближаются с ним. Одну отвела в сторону алюминевая фольга, выскочившая из сопла противоракетной защиты вместе с электронными имитаторами целей. Другую сбила активная защита. А третья всё же догнала «Команчи». Раздался взрыв! И тут же из середины огненного шара прямо на Кевина вылетела полуразрушенная пылающая кабина. Мелькнула мысль: «Когда – если не сейчас!?»

– Спускаемся! – заорал Уоррен.

Но едва он пошевелился, как пуля пробила каску. «Бронбойными гады бьют, – зло констатировал Кевин, – повезло, что пуля чуть сменила траекторию при попадании в кевларовую прослойку шлема и лишь слегка поцарапала затылок». Он резко крутанулся и буквально нырнул в пропасть, успев ухватиться за верёвку. Следом за ним, этот же маневр проделали ещё двое. И в тот же миг раздался невероятный грохот – то место, где секунду назад отбивали атаку бойцы Уоррена, накрыли остатки сбитого вертолёта. Одна из верёвок оборвалась, и зацепившийся за неё рейнджер с яростным криком полетел вниз. Ледяные осколки взрыва картечью содрали до мяса все слабозащищённые участки тела. Но, слава богу, глыбы не обрушились. Верёвка запищала под перчатками, и через несколько секунд Уоррен оказался на дне. Рядом с ним приземлился ещё один рейнджер. Но для радости не было причин. Здесь тоже всю шёл бой. Китайцы оказались не из глупых. Они спустились на дно с двух сторон и пере-

крыли пути отхода. В живых оставалось всего четыре бойца. «Альпинисты» первой группы уже успели потерять одного из своих. Ситуация стала безвыходной.

После пяти минут упорной перестрелки Уоррен остался в одиночестве. Шум воздушного боя к этому времени затих. Кевин истекал кровью. Боезапас практически иссяк. Остался только штурмовой пистолет и двадцать патронов к нему. Откуда-то сверху донёсся голос с жутким китайским акцентом:

– Америка, сдавася!

– Хрен тебе! – Кевин сделал пару выстрелов в направлении голоса.

«Главное не забыть оставить в обойме один патрон», – подумал он и снова выстрелил. Этот выстрел имел невероятные последствия. Он грохнул так, что ледяные стены разлома не выдержали и рухнули вниз, засыпав ущелье глыбами прозрачного девственного льда.

Уоррен так и не узнал, что это не его выстрел стал причиной обвала. Над братской могилой китайских «тигров» и американских рейнджеров пролетели чужие боевые дроны. Они, словно волки голодной зимой, выискивали оставшихся в живых...

Глава сорок седьмая

17 апреля

Сочи. Кабинет начальника ФСБ

Куколка западного хруща

В приёмной шефа было полно народу. Опытным глазом сыщика генерал сразу определил, что здесь собралась высшая номенклатура государственной власти. Точнее, разжиревшие на бюджете бюрократы, а никак уж не коллеги Калачова. Такая большая толпа не может быть молчаливой в принципе. А эти молчали, надув губы, важно демонстрируя всем дорогие костюмы и стильные седые причёски. Презрительные взгляды перекрещивались не только один в один, но и целыми пучками одновременно. При виде ортопедического панциря генерала, заковавшего его переломанную грудь, боевой повязки на лбу и сломанной руки все непроизвольно расступились. Калачов спокойно проследовал в кабинет.

Джужома стоял рядом с входной дверью и активно втолковывал своей симпатичной секретарше:

– Люси, разруливай сама. Это твоя работа, а не моя. Записывай их не более пяти человек в сутки. Ничего, не треснут от ожидания. Ну надо же! Они ещё требуют! Возомни-

ли себя не вестъ знает кем. Подождут. Иди и объяви, что я приму сегодня только первые пять человек. Да, чёрт возьми, именно пять! Причём, в порядке живой очереди и, невзирая на регалии.

Геннадий Васильевич с трудом обогнул эту парочку, окончательно зашёл в кабинет, огляделся, ища подходящее место, и с облегчением плюхнулся в кресло шефа. Когда секретарша удалилась, оправдался:

– Я без записи, не обессудь.

Начальник только махнул рукой:

– Ты ещё здесь мне давай подначивай! Язык не подстре-
лили? Будешь шутить на эту тему, продырявят.

– Кто? Эти? – Калачов указал на дверь. – Эти умеют только важно надуться, да карманы аккуратно двумя пальчиками оттопыривать.

– Ну, всё, всё. Меня и без того все достали.

Игорь Артёмович обошёл гостя, отворил сейф, спрятанный за портретом президента, и достал из него бутылку.

Калачов поинтересовался:

– Чего они к тебе нагрянули? Тебя в президенты двинули?

– В президенты, скажешь тоже... – шеф ФСБ наполнил коньяком рюмочки. – Хотя ты прав, они всей толпой рванули сначала к президенту, а тот схитрил и перевёл стрелки на меня. Вот теперь не знаю, куда их послать.

– Пошли подальше.

– Нельзя. Завтра проснёшься, а кто-нибудь из них уже

твоё начальство. И что тогда?

– Тогда мучайся. А чего они хотят?

– Да, ничего, – Игорь Артёмович явно захотел уйти от ответа на этот вопрос, но тут же посмотрел на Калачова и произнёс: – Хотя, с тобой я тоже на эту тему хотел пошептаться.

– На какую?

– Сейчас узнаешь, – шеф чокнулся с подчинённым и ловко опрокинул содержимое рюмки в глотку. С удовольствием поводит пальцем под носом и вскрикнул от удовольствия: – О-о-о! Хороша, чертовка! – без паузы спросил: – Ты же у нас одинокий волк?

Генерал сухо кивнул. Джужома присел на краешек стола рядом с гостем и продолжил:

– Хорошо тебе. И мне хорошо. Хорошо от того, что хоть ты не будешь в приёмной штаны протирать, выколачивая из меня вторую путёвку.

– Какую путёвку?

Игорь Артёмович рассказал Калачову о ковчеге и о непрерывных скандалах, связанных с составлением списка избранных.

– Тебе путёвка полагается. Одна! Понял?

– А могу я на своё усмотрение её на кого-нибудь другого переписать?

– На кого? – опешил шеф. Он до этого времени не сталкивался с подобными просьбами.

– Я стар. А у меня работают хорошие ребята. Молодые

ребята.

– Даже не думай. Вот ещё! С какой стати? Путёвки именные. Не хочешь – можешь отказаться. Чего ты расселся на моём месте? Ну-ка брысь!

– Неужели ты прогонишь раненного в бою товарища?

– Бьёшь по больному. Хитрый гад... Ладно, сиди уже. Пользуйся привилегиями: уступите место больным и страждущим.

Игорь Артёмович встал, размялся и почесал грудь:

– Устал я что-то. Леню даже тебе разнос устраивать. К тому же вид у тебя такой, что не до разносов. Не поймут.

– «Разнос»? По какому поводу?

– За то, что нюх потерял. Я имею в виду квалификацию. Сплошные проколы. Один за другим, один за другим, – он образно повертел руками с растопыренными пальцами. – Понял, о чём я воркую?

Генерал скупно кивнул – чего тут непонятного? Начальник продолжал распекать:

– Вот как так? Некоторые горячие головы даже предложили отправить тебя назад в твою станицу.

Калачов равнодушно пожал плечами: мол, пусть отправляют – не страшно. Да и привычно. Сегодня ты герой, а завтра – в опалу. Всё, как всегда.

– И что? Чем ты объяснишь свои провалы?

– Чего тебе объяснять? Ты сам всё прекрасно видишь: кто-то сливает инфу. Не ты?

Шеф даже подавился, но тут же расплылся в циничной улыбке:

– От тебя ничего не утаишь. Конечно, я. Вернее, мы: я и Стрекалов.

– Но, если серьёзно, Игорь Артёмович, мы уже задолбались так работать. Пора начинать внутренне расследование. Нельзя, чтобы кто-то безнаказанно пахал на противника. По этому поводу я и пришёл.

Джужома задумался:

– Вообще-то ты прав. Сегодня же отдам приказ, – он снова присел на край стола и уставился на гостя: – Слушай, Калачов, это же ты мне рассказывал про Паганини?

– Ничего я тебе не рассказывал.

– Во, память! Мне ты точно не рассказывал. Тогда скажи, кому?

– Гакову.

– Точно! И больше никому?

– Больше никому.

– Ну-ка, ну-ка, что там про Паганини было?

– Тогда, восемь лет назад, Костин мне сказал: «Пиндосы давно выращивают у нас крота. Хотят его сделать президентом. Его кодовое имя «Паганини».

– Дальше что?

– Ничего. Меня утащили в кутузку, а Костина увезли в больницу. Больше я его не видел. Но я предполагал тогда, что именно из-за этих слов Костина убили. И меня по этой

же причине в опалу сослали.

– Да, брось ты! Ещё легко отделался. Сам во всём виноват. Слишком много себе позволял.

– Не-е-ет, дело не во мне. Это вам меня выставили, как психологически непредсказуемую личность. Но это вовсе не так.

– Ладно, не будем ворошить прошлое.

– А зря, поворошив, можно и Паганини расковырять. Если Костин был прав, в руководстве сидит хорошо откормленная куколка западного хруща, готовая выбраться на поверхность и уничтожить всю растительность. Поэтому меня и пытались посадить. А затем, решив, что Костин мне ничего особо не сказал, отправили в ссылку.

– Не много о себе мнишь?

– Нет, Игорь Артёмович, ещё раз повторюсь: дело не во мне. Вернее, во мне. Я ведь тогда громко заявил, что найду убийц Костина. Стало быть, и до «майского хруща» докопаюсь, как бы он глубоко не сидел.

– Может быть... Возможно, я что-то упустил.

– А что? Опять Паганини нарисовался?

– Нарисовался. Появились сведения, что американцы пустили в разработку план «Паганини». Вот я и подумал, не связан ли он с тем самым Паганини? Не слишком часто бывают такие совпадения.

– И что это за «план»?

– Пока не знаю. Но наш засланец доложил, что дело очень

серьёзное.

«Засланцем» Джужома обычно называл самого важного из собственных агентов в США. Калачов кивнул:

– Понятно. И что, мне заниматься его разработкой?

– Давай, Гена, действуй.

Глава сорок восьмая

17 апреля

Восточно-Европейский ледник

Гнев небес

От вертолётной тряски где-то в районе подреберья зажегся болезненный огонёк – предвестник надвигающегося приступа. Ничего, фляжка воды с собой – сейчас мы его потушим. Несколько глотков и сразу полегчало, как будто ничего и не было. Эх, Ахтаров, тебе уже давно за тридцать. Вымахал под два метра. Пальцем фанеру пробиваешь. Тремя – монетку гнёшь. Одной левой кладёшь четырёх бандитов, захвативших самолёт. А победами в «мирной» жизни похвастаться не можешь. Свою единственную ты так и не нашёл. Одинокий ворон. А хотелось бы быть аистом: со своим гнездом, аистихой и аистятами. Хотелось бы, но как? Силком первую попавшуюся на улице не поймаешь. А тех, что знаю – либо малолетки, либо замужем. За примером далеко ходить не надо: Алиса и Лиза. Так и помру – ни жены, ни детей. Эх, что я за человек? Все мне не нравятся. Нет, не все, конечно. Женщин было много. Но её так и не было. Вроде нравится – всё супер! Месяц прожили. А потом бац! Приехали. Ну не моё! Не мо-

гу и всё. Раньше думал: значит, не судьба, но в будущем обязательно встречу свою единственную и неповторимую. Годы идут, а я до сих пор один. И болезнь эта непонятная – всё из-за одиночества. Вот и мать говорит: «Владик, ты не болеешь? Что-то вид твой мне не нравится. Смотри, не молчи. А лучше женись. Все болячки у мужиков из-за того, что они не занимаются систематическим сексом. Это я тебе, как врач говорю». Почему я такой невезучий? Эх, мама, мама...

... Вертолёт приземлился. Позёмка уже основательно замаскировала то место, где нашли девушку. Но старые следы ещё можно было рассмотреть. Старые следы и больше ничего. Ахтаров основательно исследовал каждый сантиметр в радиусе ста метров. Совсем ничего – никаких предметов, даже крошечных. На ровной поверхности ледника легко отыскать даже горошину. Над ней позёмка быстро сооружает бурок. Ладно, летим дальше...

... Хороший мужик всё-таки Калачов. Другой на его месте никогда бы не взял меня в свою команду после того случая. Это ведь я его арестовал. Я, молодой капитан, арестовал своего шефа – полковника. Проходил мимо кабинета Костина и слышал грохот драки. За дверями нашёл лежащего в углу избитого Костина и разъярённого шефа, сидящего на нём сверху. Руки Калачова сдавили горло поверженного. Думал – точно задушит. Пришлось достать пистолет...

... Не понял, что это мы кружимся на одном месте? Оказывается, аэросани исчезли. Точно это место? Точнее не бы-

вает. Тогда садимся.

Уже на земле, или точнее на снегу, Влад нашёл доказательство того, что аэросани здесь были. Именно здесь. По-зёмка замела следы, но они всё же просматривались. По следам выходит, что аэросани продолжили путь. Как? Может, ветер укатил? А может, их завёл кто-нибудь. Кто? Ответа не было. Даже гипотетического. Перед тем, как лететь примерным маршрутом саней в поисках расщелины, нужно сначала хорошенько прочесать окрестности. Прочесать на тот случай, если сани укатил ветер.

Когда уже собрались взлетать, к северу от этого места завязался бой. Хорошо было слышно тарахтение мощных пулемётов. Пилот тут же доложил своему начальству. Влад, естественно, тоже. Сотовая связь на леднике не работала, поэтому использовали спутниковый телефон и рацию, установленные в вертолёте.

Выслушав доклад, Калачов, пообещал выслать спецназ:

– Зря в одиночку не суйся. Не геройствуй. Считай, что помощь уже вылетела. Но если что – действуй на своё усмотрение.

Бой закончился серией взрывов и всё стихло. И чего ждать? Надо лететь. Очевидно же, что бой разгорелся не на пустом месте. Он доносился как раз с той стороны, откуда сюда добрались аэросани Кузнецовой. А это значит, что не один я ищу «потерянную Атлантиду» ...

...Судя по координатам и по направлению движения аэро-

саней, это как раз та расщелина, о которой говорила Кузнецова. Её хорошо видно сверху. Правда в одном месте разлом теперь завален осколками льда. Вот уж кретины! Надо же думать, когда применяешь тяжёлое вооружение. Это – то же самое, что стрелять из пушки, находясь под снежным гребнем горы. Лавина накроет гарантировано. Вертолёт аккуратно облетел место боя. Даже не боя – битвы. Кругом догорали останки летательных аппаратов. Раз, два, три четыре... Сразу и не сосчитать. Они что – полностью перебили друг друга? Похоже на то. Внизу тишина. Никто не шевелится.

Тем не менее для предотвращения непредвиденных эксцессов приземлились чуть в сторонке. Влад с пистолетом в руке, перебежками подобрался к тому месту, где ещё недавно было ущелье. Девственная тишина, как на кладбище. Живых нет. Кругом только трупы. Трупы и котлован – братская могила тех, кто был на дне расщелины. Влад встал на ноги и осмотрел окрестности. В голову пришла дурацкая мысль: «Раньше войны были за землю, а теперь за лёд».

Тишь, да гладь, да божья благодать. Осмелевший лётчик тоже прогулялся до места боя и остановился рядом с Владом, взгляд которого упёрся в дно котлована. Там, из завалов льда торчали искорёженные остатки кабины вертолёта и фрагменты человеческих тел. Лётчик огляделся. Вокруг расщелины трупы лежали пачками. Он перевернул носком ботинка ближайшего мёртвого спецназовца. Это был китаец. Пилот цыкнул и качнул головой:

– Да, уж! Не знание истины – не пили сук, на котором сидишь – не избавляет от трагического финала.

Влад согласился и перевернул другого мертвеца, экипировка которого отличалась от первого. Погибший боец был чернокожим. Летун опять хмыкнул:

– Американец – судя по экипировке и цвету кожи. Вот они схлестнулись на нашей земле!

– На нашем леднике, – поправил Ахтаров.

В это время послышался звук приближающегося беспилотника. Он летел на большой скорости и очень низко.

– Ложись! – скомандовал Влад и бросился на землю.

Но летун со всех ног бросился к вертолёту. Неискоренно вечное желание нашего народа во что бы то ни стало спасти любимую технику. Влад в три прыжка догнал его и повалил на снег. Сделано это было весьма кстати. Тут же раздался взрыв, и обломки вертолёта посыпались с неба, грозя раздавить выживших.

Пилот выругался и машинально хотел вскочить вновь. Но Влад крепко схватил его, прорывав:

– Не шевелись, он сейчас вернётся.

И точно. Дрон развернулся и теперь летел по прямой, пересекающей то место, где лежали русские. Пулемётная очередь взметнула нитку ледяной крошки над поверхностью и без того заваленной трупами. Она прошла совсем рядом.

– А теперь бежим!

Влад схватил лётчика за рукав, и они помчались в сто-

рону котлована. Там можно было спрятаться за вывернутой взрывом глыбой льда. Возвращающийся беспилотник не успел вовремя поправить прицел. Пули полетели вдогонку, но не зацепили беглецов. Устроившись за валуном, Ахтаров немного успокоился – глыба надёжно укрывала от пуль. Надеюсь, что у него не осталось ракет. Пилот поделился знаниями:

– Это саудовский ударный дрон «Ходаб альсам» – «Гнев небес». Хотя он и без знаков отличия, мне эта модель хорошо известна. Я пять лет работал по контракту в Йемене на миссию ООН.

БПЛА вновь пролетел рядом – несколько пуль, выпущенные им, попали в глыбу. Но всё обошлось.

Влад повеселел. Ничего, ничего – ракеты и бомбы у тебя уже закончились. А иначе ты бы обязательно шарахнул по нам.

Но его радость была преждевременной. За шумом пулёмётной очереди никто не услышал, как сзади к ним подкрался ещё один беспилотник. У него, в отличие от первого дрона, ракета была. Влад обернулся и увидел опасность. Он схватил пилота за плечо, чтобы вместе с ним прыгнуть в котлован. Но опоздал. Раздался взрыв – ракета попала точно в глыбу.

Дроны ещё несколько раз пробарражировали над местом боя. Не заметив ничего подозрительного, они дружно развернулись и взяли курс к южным морям.

После того, как они скрылись за горизонтом, на ледник опустилась тишина. Мёртвая тишина.

Конец первой книги

P.S. Перед тем как вы перейдете к заключительной книге, хочу напомнить старинную писательскую поговорку: «Ласковое слово и автору приятно». Не забывайте ставить оценки. Для автора – это эквивалент гонорара. Хотя и не осязаемый на ощупь.